

Уроки покаяния по библейским сказаниям епископ Виссарион (Нечаев)

Аннотация

Предисловие

Об авторе

Аннотация

Книга, составленная духовным писателем, епископом Виссарионом (Нечаевым), является лучшим толкованием Великого покаянного канона святого Андрея Критского, который читается в храме в первые четыре дня Великого поста и на утрене пятой седмицы (в день стояния преподобной Марии Египетской). Это время, когда для верующих особенно важно сосредоточиться на мыслях о покаянии.

Объяснение событий Ветхо- и Новозаветной истории поможет боголюбивому читателю настроиться на молитвенный лад.

Предисловие

Применение библейских сказаний к нравственному состоянию и потребностям души выражается в Великом каноне святого Андрея Критского большей частью так сжато, что не всегда вдруг и легко можно понять, в чем состоит соответствие одних другим.

Отсюда открывается нужда в объяснении того, в чем именно надобно видеть это соответствие, как понимать те или другие выражения, заключающие в себе сопоставление предметов, по-видимому, не имеющих сходства или представляющих отдаленное сходство.

Принимая на себя труд этого разъяснения, мы желаем сообщить ему беседовательный характер, имея в виду удовлетворить не одной любознательности чрез раскрытие смысла неудобопонятных вещей, но главным образом споспешествовать покаянному и молитвенному настроению души чрез духовно-назидательные размышления, вводящие в дух великого творения Критского святителя.

В видах назидания будем останавливать внимание и на тех местах, в которых библейские события применяются так ясно, что разъяснение отношения их к душе не представляет особенной трудности.

Епископ Виссарион

Об авторе

Епископ Костромской Виссарион (Нечаев), в миру – Василий Петрович, доктор богословия, родился 13 марта 1822 года в семье диакона Тульской епархии. В 1848 году окончил Московскую Духовную семинарию и учительствовал под Тулой. В 1849 году за сочинение о святителе Димитрии Ростовском получил степень магистра богословия и был переведен в Фиванскую семинарию, а в 1852 году – в Московскую.

В 1853 году принял священнический сан и в 1854 оставил учебную службу, получив приход в Никольском храме в Толмачах в Москве.

С 1860 года был редактором журнала «Душеполезное чтение».

В 1874 году – протоиерей; после смерти жены в 1889 году принял монашество с именем Виссарион и 30 июля 1889 года хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской митрополии, а в 1894 году переведен в Кострому. В том же году за заслуги по истолкованию Священного Писания, раскрытию истин Православия, изъяснению богослужений и молитв и обличению раскольников, МДА присудила ему степень доктора богословия. Он оставил великое множество печатных научных трудов, поучений, как то:

«Толкование на паремии»

«О расколе и по поводу раскола»

«Уроки покаяния» и многое другое.

Часть первая. Ветхозаветное Писание

Введение в часть первую – Ветхозаветное Писание

Моисеево приведох ти, душе, миробытие, и от того все Заветное Писание, поведующее тебе праведныя и неправедныя, от нихже вторыя, о душе, подражала еси, а не первыя, в Бога (против Бога) согрешивши.

Святой Андрей Критский в своем Великом каноне собрал из истории ветхозаветной черты жизни праведной и грехолюбивой.

Указание на примеры ветхозаветных праведников и грешников он начал с первых дней мира, то есть с Адама, провел через историю Церкви патриархальной и подзаконной по писаниям Моисея и прочим ветхозаветным книгам и довел до вавилонского плена.

Христианской душе дана возможность сличить свое нравственное состояние с этими примерами, чтобы видеть, каким путем она идет, путем ли ревнителей праведности, неуклонно исполнявших ее требования, – либо падавших, но каявшихся, – или пагубным путем грешников, не заботившихся о покаянии и спасении души.

Быть может, беспристрастное сличение оставит в нас горькое убеждение, что мы идем больше последним, чем первым путем, что подражаем больше ветхозаветным грешникам, чем ветхозаветным праведникам.

Но, подражая ветхозаветным грешникам, новозаветный верующий подлежит настолько большей ответственности перед Судом Божиим в сравнении с ними, насколько новозаветный закон выше ветхозаветного; "ибо, – говорит Апостол, – если чрез Ангелов возвещенное слово было твердо, и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении, которое, быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими от Него, при засвидетельствовании от Бога знаменами и чудесами, и различными силами и раздаянием Духа Святого по Его воле?"» (Евр. 2, 2–4).

Слово, возвещенное через Ангелов, – это закон Моисеев, данный Богом при посредстве Ангелов (см. Втор. 33, 2; Гал. 3,

19; Деян. 7, 53), которые, по повелению Божию, передавали Моисею многие подробности закона и истолковывали оный. Закон ветхозаветный строго карал преступников его. «Проклят всяк, – изрекал он, – кто не исполнит всего написанного в законе» (см. Втор. 27, 26; Гал. 3, 10).

Но если строго обязательны были для подзаконных верующих заповеди Божии, переданные Моисею через Ангелов, и преслушание многих из этих заповедей влекло за собой смертную казнь (например, прелюбодейцы побиваемы были камнями), то позволительно ли думать, что новозаветным верующим можно безнаказанно нарушать заповеди Божии, данные нам Самим Сыном Божиим, Который относительно нашего спасения открыл нам «все, что слышал от Отца» (Ин. 15, 15), и возвещены апостолами при засвидетельствовании знамениями и чудесами? Правда, Христос снял проклятие, тяготевшее на ветхозаветных нарушителей закона, ибо понес на Себе клятву закона и Своей честной кровью освободил от нее тех, которые верой в Него сподобляются благодати Святого Духа. «Благодатию бо есте спасени чрез веру: и сие не от вас: Божий дар, ни от дел, да никтоже похвалится» (Еф. 2, 8–9).

Но и вера спасительна для нас только в соединении с добрыми делами. "Вера без дел мертва» (см. Иак. 2, 17), следственно, негодна Богу, ибо такую веру и бесы имеют (см. Иак. 2, 19). «Не всяк глаголай Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего», – говорит Христос (Мф. 7, 21). Воля же Отца Небесного, которую возвестил Христос, требует не одной веры, но и жития, сообразного с верой. Посему, в ком нет такого жития, тот напрасно надеется спастись одной верой. «Отыдите от Мене, делающие беззаконие», – скажет Господь на последнем Своем Суде людям, которые в оправдание свое сошлются на свою веру в Него и на то, что они сей верой творили чудеса, но которые не удержали себя от беззаконных дел (см. Мф. 7, 22–23).

Не только за беззаконные дела, но и за праздные слова люди дадут ответ в день Суда (см. Мф. 12, 36). А за слова бранные и злобные Господь грозит геенной (см. Мф. 5, 22).

Геенной Он грозит даже за желания нецеломудренные (см. Мф. 5, 28–29).

Помни это, душа, подражающая ветхозаветным грешникам, и поспеши сойти с пути, ведущего к вечному осуждению. Не надейся избежать этого осуждения одной верой в Христа без ревности к подвигам жизни благочестивой и добродетельной, согласной с заповедями, еще более строгими в Новом Завете, чем в Ветхом.

Подражай не ветхозаветным грешникам, а ветхозаветным праведникам. Они также спасались верой во Христа (см.: Евр.11), не мертвой и бесплодной, а живой и деятельной; они угодили Господу подвигами самоотвержения в борьбе с греховными искушениями, подвигами любви к Богу и ближним. Притом они спасались при меньших благодатных средствах спасения, чем новозаветные верующие, принявшие от полноты Христовой «благодать на благодать» (см.: Ин. 1, 16).

Поэтому новозаветные грешники будут строже судимы, чем ветхозаветные, ибо «кому дано много, много и потребуетя, и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12, 48).

Ввиду этого строгого взыскания поспеши, грешная душа, отворотить от себя гнев Божий раскаянием в том, что подражаешь ветхозаветным грешникам, и подражай ветхозаветным праведникам, чтобы последние своим примером не обличили тебя на Суде Христовом и ты не оказалась безответной перед Ним.

Глава 1 Адам и Ева

Брение, Здатель, живосоздав [н] (подобно скудельнику, Боже, Ты образовал персть и оживотворил ее), вложил еси мне плоть и кости, и дыхание и жизнь. Но, о Творче мой, Избавителю мой и Судие, кающася приими мя.

Грешник благодарно исповедует великую милость к нему Господа в том, что Господь даровал ему в лице Адама бытие и жизнь. Поистине великая милость.

Ибо чем был человек до сотворения? Он был брением, перстью, прахом земным. Но милосердый Господь, желая иметь причастников Своей благодати, возвал его к бытию из праха. Единственно по Своей благодати, единственно силою воли, Он, подобно горшечнику, работающему из глины сосуды, дал этому праху образ человеческий с плотью и костями, одушевил этот образ Своим божественным дыханием и жизнью.

И вот явилось на земле живое существо, по душе немногим чем умаленное пред Ангелами, одаренное образом и подобием Божиим, то есть богоподобною духовною и бессмертною природою, богоподобными духовными силами и совершенствами, – предназначенное к бессмертию по самому телу, облеченное господством над всеми земными тварями.

Человеку, возванному к жизни с такими богатыми дарами, оставалось пользоваться жизнью во славу Божию и правильным, согласным с волею Божией употреблением данных ему сил споспешествовать своему блаженству и благу подвластных ему тварей.

К сожалению, человек не устоял на высоте, на которой поставлен Творцом.

Он позабыл, что возван к бытию из праха земного, что всеми своими совершенствами и преимуществами он обязан единственно милости Божией и может быть счастлив только при условии теснейшего общения с Богом, смиренной покорности Ему. Он возмечтал сделаться равным своему Творцу по власти и силе, подумал, что может быть блаженным и зажить новой, более счастливой жизнью вне общения с Богом. Он жестоко

обманулся в своих расчетах. Преступлением заповеди Божией он не только не достиг того, чего надеялся достигнуть, но еще заслужил праведный гнев Божий.

Ему осталось теперь одно: принести повинную пред Богом, раскаяться в своей тяжкой вине пред Ним и умолять Его о помиловании.

Так и поступил Адам; так поступает и всякий не желающий себе гибели грешник. «Прими мя кающуюся», – взывает он к Господу. Умоляю о сем Тебя, как моего «Творца, Избавителя и Судию.» Ты мой «Творец»: не погуби же во гневе Твоего создания, украшенного Твоим образом и подобием, хотя помрачившего грехом черты своего богоподобия, своего духовного родства с Тобою.

Ты, «Избавитель мой», не презрел меня неблагодарного и мятежного, но по неизреченному милосердию послал Единородного Сына Твоего на землю для искупления честною кровью всякого верующего. Верую, Господи, в искупительную силу крестной смерти Сына Твоего; прими мою веру и с верой приносимое Тебе покаяние. Ты мой «Судия», предоставивший Единородному Сыну Твоему осудить на вечные муки нераскаянных грешников. Я не принадлежу к числу их, – я каюсь пред Тобою, прими мя кающегося и избавь меня от вечного осуждения и муки.

* * *

Первозданного Адама преступлению поревновав, познах себе обнажена от Бога и присносущного Царствия и сладости, грех ради моих.

Преступление Адама состояло в преслушании воли Божией, выраженной в известной заповеди. Потомки Адама, наследовавшие от него, путем естественного рождения, греховную природу, умножают это несчастное наследие еще произвольными, личными грехами, и в этом отношении примером своего праотца увлекаются до ревности, до соревнования ему, как бы опасаясь остаться позади Его на пути греха.

Вообще пример имеет увлекающую силу, так что если вникнем в происхождение наших личных грехов, большая часть

их окажется плодом подражания чужим примерам.

Так пример греха заразительно действует на детей. Напрасно стали бы родители внушать им правила нравственного благоповедения, которым сами не следуют: такие внушения, не оправдываемые примером, неубедительны для детей.

Примером греха увлекается человек иногда вопреки своей совести. И соглашается он, что нехорошо то или другое дело, и в то же время оправдывает себя примером других. Другие, например, злонамеренно объявляют себя несостоятельными должниками: почему и мне, рассуждает иной, не решиться тоже? Другие поджигают свои дома в надежде с лихвою вознаградить себя за эту потерю страховыми деньгами; другие постов не соблюдают, праздников не чтут, уклоняются от молитвы домашней и церковной, стыдятся при людях осенить себя крестным знаменем и т.п., – и все это люди порядочные, имеющие вес в обществе: от порядочных людей отставать не следует.

Но горе не только подающим худой пример, – они ответят перед Богом не за себя только, но и за тех, которые подражают их примеру, ревнуют чужим грехам начиная с преступления Адамова, – горе и последним! Они не могут сложить свою вину на иных. Сам Адам, увлеченный к преступлению примером жены, не нашел однако оправдания в том, что ссылался на жену. Не людские обычаи, противные заповедям Божиим, должны служить для нас руководством, а заповеди Божии.

Как бы то ни было, Адам, преступлению которого ревнуют грешники, осознал свою неправоту пред Богом. Он понял вместе с женою, что они "наги" (см. Быт. 3, 7), то есть утратили свою невинность, в состоянии которой они не чувствовали своей наготы, – и с невинностью утратили право на благоволение Божие и на вечное пребывание в раю сладости.

Подобно Адаму и каждый грешник, поревновавший ему в преступлении, должен говорить: «познах себе обнажена от Бога, и присносущного Царствия, и сладости, грех ради моих»: я испытываю то же, что испытал Адам, которому подражаю в преступлении; – чувствую подобно ему свою вину пред Богом,

свою внутреннюю наготу, свою безответность пред Ним, не имея в виду ничего такого, что могло бы прикрыть мою вину, – и потому признаю себя недостойным Его общения со мною и вечного блаженства в Царствии Небесном.

* * *

Увы мне, окаянная душе, что уподобилась еси первой Еве. Видела бо еси зле, и уязвилась еси горце, и коснулась еси древа, и вкусила еси дерзостно бессловесная снеди.

Тяжко грехопадение Адама; но его предупредила в совершении греха Ева. Дерево познания добра и зла, насажденное в Раю для испытания наших прародителей в послушании Творцу, послужило для Евы поводом к обнаружению непослушания.

Змий уверял Еву, что с вкушением плодов этого дерева она и муж ее сделаются равными Богу по всеведению и не будут иметь нужды в руководстве Его. Ева поверила коварным речам змия и стала смотреть на дерево другими глазами, чем доселе. Доселе воззрение на него возбуждало в ней одно благоговение к Богу, к Его всевластной и всеблагой воле.

Теперь взгляд ее изменился. Она посмотрела на дерево «зле», то есть преступно – с преступным неверием в угрозу Господа смертью за вкушение от плодов древа, с преступным желанием равенства с Богом и независимости от Него, – с преступной чувственной алчностью.

Запрещенное дерево показалось ей во всех отношениях прекрасным, – она прельстилась на красоту его, словно рыба на приманку, насаженную на уду, – и «горце уязвилась». Она «коснулась древа и дерзостно вкусила бессловесная снеди». Снедь от запрещенного древа обещала ей множество благ – и чувственное удовольствие для вкуса, и духовное многоведение, равное всеведению Божию, и полнейшую вследствие сего независимость от Бога; но Ева горько ошиблась. Снедь оказалась «бессловесною», точнее – обманчивою. Вкусившие от нее наши прародители узнали, что они обмануты змием. Очи их, согласно обещанию змия, действительно открылись, но не для свойственного Богу разумения добра и зла без порабощения злу, а для одного горького уразумения своей нравственной

порчи: «уразумеша, яко нази быша» (Быт. 3:7). Утрата непорочности сопровождалась в них стыдом при взгляде на свою наготу.

История падения Евы повторяется в каждой грешной душе, как это яснее откроется в следующем стихе. Как окаянна, как жалка душа, уподобляющаяся в этом отношении Еве, вместо того чтобы в несчастном примере ее найти предостережение от подражания ей!

* * *

Вместо Евы чувственная, мысленная ми бысть [η](восстала во мне) Ева, во плоти страстный помысл, показуяй сладкая и вкушаяй присно горького напоения.

Адам увлечен был ко греху Евой, ее примером и внушениями. Равно и каждого из нас влечет ко греху мысленная Ева – это страстный плотский помысл. Помысл о грехе может быть бесстрастным в том случае, если мы только рассуждаем о грехе, о его происхождении, свойствах, видах, последствиях, рассуждаем, как свойственно моралисту; также если этот помысл произвольно приражается к душе, но не оставляет в ней следа и тотчас же забывается или отражается силой воли.

В том и другом случае помысл о грехе не есть еще грех и не ведет к ответственности. Но иное дело те помыслы о грехах, которые мы вызываем в душе с нечистой целью или которым соулаждаемся, которым отдаемся с сочувствием, без всякой борьбы. Это уже страстные помыслы: они находят себе пищу и опору в нашей «плоти» – в растленной грехом природе не только телесной, но и духовной, ставшей в служебное отношение к чувственности, вместо того чтобы господствовать над ней, и поработившей себя земным, чувственным влечениям до забвения потребностей духовных (см. Рим. 7, 14–18).

Горе душе, предавшей себя плотскому страстному помыслу! Он показывает ей сладкое, но при вкушении всегда наполняет горечью. Каждая страсть сама по себе горька, болезненна. Потому и называется она страстью, что соединена с страданием, с горечью, с мучением. Мучится душа, когда страсть не удовлетворена. С удовлетворением страсти должно бы, по-видимому, прекратиться это мучение и наступить для

души радость и довольство. Эту радость и довольство обещает ей страстный помысл и тем толкает ее на совершение греха, как натолкнул он на грех Еву.

Но как Ева жестоко обманулась в своей надежде получить удовольствие и блаженство от вкушения запрещенного плода, так обманывается в своих расчетах каждый грешник, мечтающий вкусить в грехе сладость. Если и вкушает он ее, то на краткое время. Затем следует горечь – от терзаний совести, покуда страсти не заглушили ее, от скуки и пустоты душевной, неизбежной после удовлетворения страсти. К этому присоединяется вред для тела и для внешнего благосостояния.

Так, страсть невоздержания доводит до расстройств здоровья, до разорения, до скоропостижной смерти. Любострастие истощает телесные силы и потрясает семейный мир. Страсть к обогащению портит кровь, лишает сна. Честолюбие сопровождается теми же последствиями. Страсть к пересудам, мстительность вводят в неприятные столкновения с людьми, и т.д.

Поистине страстный плотский помысл вместо обещаемой сладости напояет грешника одной горечью.

* * *

Оскверних плоти моя ризу и окалях еже по образу, Спасе, и по подобию.

«Риза плоти» значит риза или срачица плотяная, или самая плоть как риза. Плоть действительно есть риза в отношении к душе: душа соединена с плотью, облечена в нее, как тело в одежду. Названием плоти ризою души делается намек на превосходство души над телом. Ибо, если не тело создано для одежды, а одежда устроится для тела, то и душа существует не для тела, а тело для души. Пусть примут это к сведению люди, живущие для плоти, высшее благо жизни находящие в том, чтобы только телу было хорошо, – в одном телесном здоровье, в сытости, в чувственных удовольствиях, во внешних, житейских удобствах, а о душе и ее спасении не помышляющие: они извращают порядок отношений души и тела.

В состоянии невинности первых людей тело было чистым сосудом чистой души. С утратой чистоты душевной стало

нечистым и тело. К телу пристала нечистота души, как нечистота телесная пристаёт к одежде. Рука, святотатственно простертая к плоду запрещенному, гортань и чрево, принявшие этот плод, осквернились и осквернили все тело, ибо с той минуты началась в теле работа тления и смерти. Вместе с жизнью каждый из нас наследовал от Адама и эту скверну и умножает ее новыми греховными сквернами. Плачевно состояние грешника по телу, но еще плачевнее по душе. Тело мое потому явилось нечистым, что я «окалях еже по образу и по подобию», – то есть осквернил душу, созданную по образу и подобию Божию.

Душа богоподобна по своему существу, ибо подобно Богу она духовна и бессмертна, по силам, ибо в ее разуме и свободе отражаются черты высочайшего ума и воли Божией по отношению к миру, ибо наделена властью над земными тварями.

Все эти черты образа Божия потускнели под слоем духовной скверны: грех окалял богоподобную душу. И не узнаешь души в скотоподобном, преданном плотоугодию, миролюбию, заблуждениям и т.п. существе. Каждому грешнику свойственно пред Господом исповедовать себя нечистым по телу и душе и просить у Него благодати слез для смывания этой нечистоты.

* * *

Раздрах ныне одежду мою первую, юже ми изтка Зиждитель изначала, и оттуду лежу наг.

Под одеждою здесь, как и в предшествующем стихе под ризою, разумеется плоть – одежда души.

Плоть первозданного человека была недоступна повреждению. Питаясь плодами древа жизни, она цвела здоровьем, свежестью, не знала утомления, не страдала ни от холода, ни от зноя.

Вкушением запрещенного плода Адам внес в свое тело семя повреждения. Его тело стало походить на разодранную одежду, сквозь которую видна нагота. Плоть утратила свое совершенство с утратой совершенства души. Плоть стала отражать, как бы в зеркале, состояние падшей души. Сквозь

тело, как через щели разодранной одежды, стала виднеться нагота души, нравственная бедность ее.

С утратой непорочности душа осталась без благодати Божией и вместо того, чтобы господствовать над телом, подчинилась его влиянию: она стала чувствительна к болезням тела, к неблагоприятным на него действиям стихий, стала пренебрегать духовными своими потребностями, – и главной из них – общением с Богом.

И эту-то духовную наготу, или обнищание, исповедует вслед за Адамом грешник, когда говорит: «раздрах одежду мою первую и лежу наг».

* * *

Облекохся в раздранную ризу, юже изтка ми змий советом [п] (коварством), и стыждуся.

Тело прародителей по падении сохранило свою природу; но повреждение, вошедшее в него, было так велико, что не легко было узнать в нем дело рук Божиих.

В поврежденном состоянии оно явилось неблагообразной одеждой души, сотканной коварством диавола. Коварство его в этом случае состояло в том, что он не сам непосредственно, а руками наших прародителей соткал эту одежду.

И стыдно стало им, что они сделали жертвой его коварства. В них заговорило чувство чести, поруганной змием; им обидно стало, как это они так оплошали, что поверили обещаниям змия, дались ему в обман.

Им стыдно стало и себя, потому что при взгляде на наготу друг друга в них легко воспламенялись беспорядочные чувственные влечения.

Им еще стыдно было того жалкого состояния, в котором ум их перестал господствовать над чувственностью и уступил перевес животным влечениям. Чувство стыда горькое, но вместе спасительное!

Они недовольны были собой, уразумели свою вину и готовы были раскаяться в ней пред Богом. Признание вины есть начало раскаяния. Подражая прародителям, и каждый из нас пусть выражает пред Господом свое раскаяние словами: проклиная

коварство змия, обнажившего меня от первоизданной правоты, и стыжусь моей вины.

* * *

Обложен есмь одеянием студа, якоже листвием смоковным, во обличение моих самовластных страстей.

Жалко было положение наших прародителей, стыдом греха приведенных к изобретению непрочного, из смоковых листьев, препоясания своих чресл.

Не менее жалко положение каждого грешника, стыд своей вины пред Богом, пред своей совестью и ближними старающегося прикрыть благовидными оправданиями; эти оправдания ничем не лучше неблагонадежного смоковничного препоясания: они только отягчают вину грешника, служа обличением самовластных страстей, только обнаруживают глубину падения, в которую он низринут самовластием страстей.

Они забрали над ним такую власть, что препятствуют ему беспощадно осудить себя и повергнуться в пучину милости Божией, готовой только для признающих себя безответными грешников.

Чувствую, Господи, вину мою пред Тобой, но вместе и то, что во мне недостает настолько самоотвержения, чтобы признать себя вполне безответным. Я не победил в себе склонности к самооправданию. Даруй мне силу одержать над собой эту победу.

* * *

Сшиваше кожные ризы грех мне, обнаживый мя первые боготканые одежды.

Господь сжалился над нашими прародителями, устроившими себе по чувству стыда непрочное одеяние из древесных листьев, и Сам устроил для них более прочную одежду из кожи зверя, давая им разуметь, что и в нравственном отношении они не могут обойтись без Его всепокрывающей благодати, что напрасны их усилия прикрыть свою вину каким бы ни было самооправданием.

Подобное божественное вразумление, располагающее к смирению, должен прилагать к себе и каждый грешник. Ему

свойственно исповедать пред Господом: грехи, обнажившие меня в лице Адама от первой боготканной одежды, первой чистоты и невинности по душе и по телу, открыли меня Твоему праведному гневу, сделали меня беззащитным пред Тобою.

И для меня теперь, как для Адама, понадобились кожаные ризы, устроенные одним Тобою. Не на свою самодельную правду я надеюсь, а единственно на правду Единородного Сына Твоего, стяжавшего для всех оправдание Своей честной кровью.

Вот та кожаная, прочная и благонадежная риза, которая нужна мне в моем положении¹—это должно понимать в том смысле, что грех послужил для Господа побуждением облечь человека в кожу..

* * *

Достойно из Едема изгнан бысть, яко не сохранив едину Твою, Спасе, заповедь Адам: аз же что постражду, отметая всегда животныя [н] (животворные)Твоя словеса?

Заповедь Адаму дана одна; но в преслушании ее нашими прародителями заключаются многие частные грехи. Она дана для испытания их послушания воле Божией и для укрепления их в добре посредством этого послушания.

Не выдержав этого испытания, они показали непростительную гордость, потому что увлеклись обещанием диавола: «будете яко бози» (Быт.3:5); показали неверие, потому что не поверили угрозе Божией за нарушение заповеди: «смертию умрете» (Быт. 2:17); перешли на сторону врага Божия диавола, потому что поверили дерзкой клевете его, будто Бог по зависти или недоброжелательству запретил им вкушать от плодов древа познания добра и зла; явили величайшую неблагодарность к Богу, забыв Его чрезвычайные милости к ним и щедроты.

Во всех этих отношениях они поступили тем преступнее и непростительнее, чем легче было исполнить данную им заповедь, чем легче было им обойтись без запрещенного для них плода при обилии, сладости и питательности предоставленных им для употребления плодов от прочих деревьев райских.

Посему достойно изгнан был из Едема Адам, хотя не сохранил одну только заповедь: наказание определено ему соразмерно с преступлением. «Аз же что постражду» – что должен буду претерпеть, – «отметая всегда животворная Твоя словеса?»»

Если Адаму нельзя было безнаказанно преступить одну заповедь; не паче ли я достоин наказания, отвергая многие Твои повеления, поистине животворные, потому что за соблюдение их обещан живот вечный? (см. Мф. 19, 17). Моя вина тяжелее Адамовой: он однажды явил непослушание Богу и потом всю жизнь провел в раскаянии; я же «всегда» отметаю Божии заповеди.

Легко было удержаться от греха Адаму; но не легче ли это мне ввиду горьких последствий преступления Адамова? Адам хотя предупрежден был о том, какие последствия произойдут от его греха, не знал их, пока на деле не испытал. Я и всякий другой знаем их, однако ж бесстрашно продолжаем грешить. Адам имел от Бога одно предостережение от греха. Мне же даны бесчисленные предостережения – в законе Моисеевом, в книгах пророческих, паче же всего в евангельском и апостольском учении.

Для моего вразумления и наставления Сам Сын Божий сходил с неба на землю и сказал мне всю волю Божию. Мне открыты обильные благодатные средства к успешной борьбе с греховными искушениями и к преуспеванию в благочестии и добродетели. Я всем пренебрег и потому должен подвергнуться более строгому взысканию от Господа, чем какому подвергся Адам.

О, не вниди, Господи, в суд с рабом Твоим и, прежде даже до конца не погибну, спаси мя имиже веси судьбами.

Глава 2 Каин и Авель

Святой Андрей Критский, указав на грехопадение Адама и Евы для обличения грешной души в подобных грехах и для предостережения от них, переходит к детям Адама, Каину и Авелю, одному из них уподобляя, другому противопоставляя нравственное состояние грешника.

Авелеве, Иисусе, не уподобихся правде, дара Тебе приятна не принесох когда, ни деяния божественна, ни жертвы чистыя, ни жития непорочного. Яко Каин, и мы, душе окаянная, деяния скверная, и жертву порочную, и непотребное житие принесохом вкупе: темже и осудихомся.

Жертва Каинова была отвергнута Богом, Авелева принята. Каин принес бескровную жертву от плодов трудов своих, ибо занимался земледелием. Авель, занимавшийся скотоводством, принес жертву кровавую, от животных.

То и другое хорошо, но дело собственно не в том, что принесено в жертву, а в том, как принесено. Что жертва одного предпочтена жертве другого, это зависело от разности нравственных свойств приносивших.

Бог не принял жертвы Каина, потому что житие его было непотребно, дела нечисты. «Беззаконник же, заколающий вола, – то же, что убивающий человека; приносящий агнца в жертву – то же, что задушающий пса, приносящий семидал – то же, что приносящий свиную кровь» (Ис. 66, 3).

Не таков был Авель в нравственном отношении; это была душа чистая, непорочная, благочестивая. Жертва его была делом истинного благочестия. С дымом жертвы восходило к Богу сердце его, с пламенем жертвы горела любовью к Богу душа его. Кроме того, «верою множайшую жертву Авель паче Каина принес» (Евр. 11, 4). Его одушевляла вера в Искупителя. Жертва Авеля была выражением этой веры. Он убежден был, что прольется некогда за грехи людей кровь Неповинного, вполне достаточная для примирения людей с Богом, и что все жертвы людские до принесения этой безмерно великой жертвы суть только предызображения ее и выражения веры в силу ее.

Каин чужд был веры в Искупителя. Разность духовных расположений обоих братьев сказалась в самом выборе жертв. Авель, по сердечному усердию к Богу, принес Ему в жертву лучших животных из своего стада, таких, какими каждый хозяин преимущественно дорожит, то есть первородных и хорошо откормленных. О Каине же не говорится, чтоб он выбрал в жертву лучшее из плодов земных. По всей вероятности, и по качеству и по количеству они были незначительны. «Сойдут с рук и эти, – рассуждал он. – Зачем пропадать даром отборным плодам? Лучше они останутся в мою пользу. Бог не станет употреблять их в пищу».

Рассуждение, похожее на речь Иуды о бесплодной трате драгоценного мира на помазание ног Христа.

От Каина и Авеля обратись, душа, на себя. Вот и мы приносим Богу жертвы: молимся, – ибо молитва сравнивается у Псалмопевца с кадилом и жертвой вечерней, – совершаем телесные подвиги благочестия – постимся, творим поклоны, согласно с наставлением апостола Павла: «представьте тела ваши в жертву живую» (Рим. 12, 1); делаем благодеяния, которые также называются жертвами (см. Евр. 13, 16); жертвуем в церковь на потребности богослужения.

Но все эти жертвы могут быть угодны Богу только при том условии, если приносящие их стараются угождать Богу непорочным житием, одушевлены искренним благочестием, приносят Богу в жертву дух сокрушенный и смиренный.

Самые дела благодеяния имеют цену в очах Божиих только под условием их бескорыстности и чистых христианских побуждений. В противном случае горе нам: мы «осудимся», наши жертвы – то же, что Каинова.

* * *

Каиново прешед [н](превзошел) убийство, произволением бых убийца совести душевней [н] (с сознательным произволением я сделался убийцею души) , оживив плоть, и воевав на ню [н] (на душу) лукавыми моими деянии.

Тяжко преступление Каина, сделавшегося братоубийцей. От братоубийства его не удержала ни кровная связь, ни предостережения Божии.

Но христианин грешит тяжелее, чем Каин, когда губит душу свою, принося ее в жертву плоти. Насколько душа важнее тела, настолько преступнее губить душу. Каин погубил только тело брата, душе же его повредить не мог. Христианин же губит свою душу, когда живет для одной плоти. Плоть, в рассматриваемом стихе, противопоставляется не духу, а душе, и потому под плотью здесь разумеется не вообще греховная природа человека, по телу и душе, а одно тело.

Мы должны заботиться не об одной душе, но вместе и о теле, не о спасении только души, но вместе о поддержании телесной жизни, о сохранении здоровья; этого требует и природа, ибо «никтоже бо когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю» (Еф. 5, 29), и Евангелие, научающее нас молиться о насущном хлебе. К сожалению, в заботливости о теле возможна непростительная крайность, от которой предостерегает Апостол, говоря: «плоти угодия не творите в похоти» (Рим. 13, 14), яснее: «попечения о плоти не превращайте в похоти». Попечение о плоти превращать в похоти значит, под предлогом попечения о теле, стремиться к удовлетворению неоправдываемых естественными потребностями прихотей, с забвением потребностей духовных и требований христианского долга.

Так, питание есть естественная потребность тела. Но удовлетворять ее нужно настолько, чтобы не умереть от голода и жажды. Этого не хотят знать люди, раболепствующие прихоти; не довольствуясь утолением голода и жажды, они ищут в пище и питье удовлетворения собственного чувства вкуса, которое требует пищи после насыщения, питья после утоления жажды. Отсюда происходит неистощимая изобретательность в приготовлении снедей и напитков; отсюда объядение и привычка к пьянству; отсюда бесстрашное нарушение церковных уставов о постах. Чревоугодие, простертое до сих крайностей, лишает человека человеческого достоинства: "чрево, – по выражению Апостола, – становится для него богом" (см. Флп. 3, 19), которому он служит с бессмыслием идолопоклонника.

То же должно сказать и о других телесных прихотях, например, о прихоти одеваться по моде. Главное назначение одежды – защищать тело от вредного влияния стихий, служить скромности и целомудрию – в этом случае забывается. Прихоть человеческая делает из одежды кумира, которому приносится в жертву здравый смысл, состояние, время.

Само собою разумеется, что такое попечение о теле, такое плотоугодие убийственно или пагубно для души. Кто живет одной плотью, кто самый разум свой употребляет на служение плоти, тот – поистине убийца души. Он не уничтожает ее бытия, ибо она по природе бессмертна, но он живет так, как будто в нем совсем нет души. Истинная жизнь души, как существа богоподобного, состоит в общении с Богом, в стремлении к Нему умом, сердцем и желаниями, в духовных упражнениях, каковы молитва, поучение в законе Господнем в борьбе с греховными искушениями, в ревности к исполнению заповедей Божиих.

Ничего такого не заметно в человеке, преданном плотоугодию. В нем душа как бы замерла, высшие потребности ее заглушены в ней. Это нравственное убийство души тем преступнее в плотоугоднике, что, по словам его, совершается им «с сознательным произволением». Его никто не неволит безжалостно губить свою душу; каждый предоставлен своему произволению; пред ним живот и смерть, и еже аще изволит, дастся ему (см. Сир. 15, 14–17). Плотоугодник исповедует, что сам избрал смерть, не внимая никаким предостережениям и угрозам.

Он губит душу прежде всего нравственно; потом доводит ее до вечной гибели, до вечной смерти в адских муках. Иногда, впрочем, он приходит в себя, слышит из глубины души голос, осуждающий его за то, что он губит ее. Но он поспешает заглушить этот голос; он смотрит на душу как бы на врага, с которым надобно воевать, и он жестоко воюет против нее, против совести, умножая вопреки ей злые дела свои. В этом отношении я поистине превзошел Каина убийцу.

Так исповедует пред Богом плотоугодник. Дай Бог только, чтоб он не впал в Каиново отчаяние, непростительное потому,

что нет греха, побеждающего милосердие Божие.

Глава 3 Ламех

Кому уподобилася еси, многогрешная душе. Токмо первому Каину и Ламеху оному, каменовавшая тело злодействы и убившая ум бессловесными стремленми.

Каков родоначальник, таковы и потомки. Каин был убийца; и Ламех, один из потомков его, опозорил себя убийством.

Подражание детей родителям, потомков предкам – явление обыкновенное, хотя не исключительное. Недаром говорит присловие: яблоко от яблони не далеко падает. Нечестие, как и благочестие, передается как бы в наследство от родителей детям. Эта несчастная наследственность объясняется влиянием примера, часто с неотразимой силой действующего на детей, хотя нельзя отрицать некоторого участия здесь природного предрасположения, передаваемого детям с кровью родителей, – ибо и самый первородный грех путем природного предрасположения распространяется в потомстве Адамовом.

Пусть примут это к сведению родители: нечестивые родители должны отвечать перед Богом не только за себя, но и за своих детей и дальнейших потомков, если передадут им в наследство свое нечестие.

Убийце Ламеху уподобляется каждая душа, злыми делами («злодействы»), словно тяжелыми камнями, поражающая на смерть свое тело. Грехи убийственны для самого тела, для его здоровья: пьянство оканчивается часто параличом и смертью без покаяния; любострастие истощает физические силы и юношу превращает в старика; корыстолюбие и честолубие отнимает сон и аппетит; зависть сушит и т.д. Но прискорбнее всего то, что уподобляющаяся Ламеху душа «убивает ум бессловесными стремлениями».

Тяжкие, подобно Ламеху, грешники часто бывают весьма умные люди, – как сыновья Ламеха, из которых один был изобретателем музыкального искусства, другой изобрел литейное и плавильное искусство, первый стал делать из меди и железа сосуды, земледельские орудия, копья и мечи.

К сожалению, ум грешников расходуется на изобретение одних житейских удобств и на умножение одних земных благ. Пристрастие к этим удобствам и благам убивает в грешной душе приемлемость к истине или учению Божественному. В ней господствуют одни «бессловесные стремления», то есть свойственные бессловесным влечения к удовлетворению одних чувственных потребностей и даже прихотей.

Человеку, отдавшемуся этим влечениям, напрасно вы стали бы возвещать то, что нужно для спасения души, для ее просвещения, очищения и освящения: ваши убеждения на него не подействуют, – для него они то же, что для слепого свет, для глухого музыка. Он видя не видит, слыша не слышит. Бессловесные стремления убили в нем ум – приемлемость к свету Божественной истины. Надобно наперед освободиться от этих бессловесных стремлений, чтоб оживить эту приемлемость.

* * *

Мужа убих, глаголет[n] (Писание), в язву мне и юношу в струп[n] (мне), Ламех, рыдая вопияше; ты же не трепещеши, о душе моя, окалявши плоть и ум осквернивши.

Ламех, совершив убийство, поведал о нем своим женам (см. Быт. 4, 23). Он вопиял пред ними, что убил взрослого и юношу. Но ему не удалось убить их так, как убил Каин. Каин не встретил сопротивления от Авеля; Ламех же, хотя убил мужа и юношу, но и сам получил от них жестокие побои, следы которых – язва и струп – остались на его теле. Это было причиной, что Ламех рыдал от боли, когда говорил женам о совершенном им убийстве. Видно: боль от побоев была очень чувствительна для него.

Но чем естественнее это чувство в Ламехе, тем непонятнее отсутствие его в грешнике, совершающем подобное преступление в отношении к себе самому. Грехи, которыми он оскверняет плоть, совершая их для угождения плоти и через посредство ее, – и ум, помрачая его чистоту страстями, суть язвы и струпа, которые следовало бы непрестанно оплакивать, и за которые, пока не очищены будут покаянием, нельзя не

трепетать при мысли о неизбежном Суде Божиим, угрожающем нераскаянным.

Но привычка к грехам убивает наконец в душе чувство боли, производимой ими в совести; убивает саму совесть, совсем заглушая ее обличительный голос, и подавляет страх Суда Божия.

Поистине жалкое положение. Опасности его может не признавать только равнодушная к своему спасению душа. Во что бы то ни стало она должна победить в себе это пагубное равнодушие.

* * *

О, како поревновах Ламеху, первому[н] (древнему) убийце, душу яко мужа, ум яко юношу, яко брата моего, тело убив, яко Каин убийца, любострастными стремленми!

Ламех убил других: грешник, преданный любострастным стремлениям, или сластолюбию, неумеренным чувственным наслаждениям, убивает самого себя по душе, по уму и по телу. Душу он убивает в том смысле, что она становится нечувствительной к своему позору, к своему нравственному уничтожению, походя в сем отношении на бездушное, лишенное чувств существо. Ум убивает он тем, что подавляет в нем приемлемость к учению истины. Тело он убивает тем, что расстраивает его здоровье, сокращает его жизнь. Во всех этих случаях он так же безжалостно поступает в отношении к себе, как Ламех безжалостно убил взрослого и юношу, и Каин – родного брата.

Глава 4 Сиф, Енос, Енох и Ной

Вся прежде закона претекши[н] (мимошедши всех, живших до закона), о душе, Сифу не уподобилася еси, ни Еноса подражала еси, ни Еноха преложением [н] (переселившегося), ни Ноя, но явилася еси убога[н] (чужда) праведных жизни.

Сиф был сын Адама, данный ему взамен Авеля, от чего и получил свое имя (см. Быт. 4, 5), – для продолжения благословенного племени. Члены этого благословенного племени, потомки Сифа, известные под именем сынов Божиих (см. Быт. 6, 2), в противоположность потомкам Каина, отверженным от Бога.

Наименование сынов Божиих утвердилось за потомками Сифа, конечно, потому же, почему Израильтяне назывались сынами Господа Бога их (см. Втор. 14, 1), то есть отчасти по особенному благоволению к ним Господа, отделившего их от неблагословенного племени на служение Себе, отчасти потому, что в их среде преимущественно сохранилось истинное богопочитание, благочестивые обычаи и предания, особенно обетования о Христе.

Подобно потомкам Сифа, и христиане суть сыны Божии по благодати усыновления Богу в Таинстве Крещения и следственно прямые наследники Царства Небесного. Но так ли свято мы дорожим именем сынов Божиих, как Сиф и благочестивая часть его потомства? Не по имени ли мы только сыны Божии? Любим ли мы Отца Небесного, боимся ли Его, как свойственно сыну? Как сыны Божии, мы составляем «род избранный», подобный древнему богоизбранному народу, – «царственное священство» (1Пет. 2, 9). Но жизнью и делами не походим ли мы на язычников и подобно им не рабствуем ли «греху» и диаволу? Если так, то признайся, душа христианская, что ты не «уподоилася еси Сифу».

«Ни Еноса подражала еси». Енос был сын Сифа и наследник его благочестия. При нем «началось призывание... Господа» (см. Быт. 4, 26), то есть открылось общественное богослужение, а до того времени богослужение совершалось

только в кругу семейном. Общественное богослужение теснее соединило сынов Божиих, благочестивых потомков Сифа, и сделало их более безопасными от пагубного влияния нечестивых потомков Каина.

Такое же значение имеет общественное христианское богослужение. Храмы христианские, в которых совершается это богослужение, суть незаменимые средоточия для христианского единения. В храме все являются членами единого семейства Божия, детьми Божиими, имеющими одинаковую нужду в милости Отца Небесного и принимающими одинаковое участие в дарах Его благодати. Только в храме забываются житейские преимущества одних перед другими, и братство во Христе Иисусе нигде не проявляется так выразительно, как в храме, в церковном богослужении.

Потому уклоняющиеся от храма уклоняются от братства во Христе и находятся в опасности с ослаблением своего духовного союза с братьями по вере отпасть от союза с Самим Христом, Который, как глава церковного тела, составляет едино с его членами.

Смотри, душа христианская, не находишься ли ты в этой опасности, если чуждаешься общения с верующими в храме Божиим, тяготишься общественным богослужением. Напрасно в сем случае ты не подражаешь Еносу.

После Еноса лучшим представителем благочестивого племени был Енох, праправнук Еноса. Енох так угодил Богу, что живым, не испытав смерти, переселен был в жилище блаженных (см. [Быт. 5, 24](#); [Евр. 11, 5](#)). С ним случилось то же, что впоследствии случилось с пророком Илиею, который был взят живым на Небо (см.: [4Цар. 2, 10](#)). Чем же Енох заслужил такую чрезвычайную милость Божию? Верой в грядущего Искупителя, по слову апостола Павла (см. [Евр. 11, 5](#)), и покаянием, ибо по слову сына Сирахова ([Сир.44:15](#)), он был образцом покаяния для современников. Он учил их покаянию не одним примером жизни, проводимой в духе покаяния, но и проповедью, ибо был пророком. Как пророк, он угрожал нечестивым пришествием Господа на суд «с тьмами святых

Ангелов Своих» (см. [Иуд. 1, 14–15](#)). Вера и покаяние Еноха остаются доселе образцом для подражания.

Но ни в том, ни в другом отношении ты не подражаешь «Еноху переселившемуся», грешная душа, и горе тебе, если до конца будешь уклоняться от пути веры и покаяния, каким шел он: ты не достигнешь жилища блаженных, в котором обитает Енох.

«Ни Ноем уподобилася еси». Ной жил во время всеобщего нравственного растления людей, которое проникло даже в среду благословенного племени Сифова. Ной, по повелению Божию, был проповедником покаяния для нечестивых современников и угрозы Божией истребить их, если они не покаются в течение 120 лет. Он дожил до исполнения угрозы Божией: все погибли в водах потопных, кроме его самого с семейством.

О Ное сказано в Бытописании, что он был «человек праведный и совершенный в роде своем» ([Быт.6:9](#)), то есть в нравственном отношении был образцом совершенства между людьми современного ему поколения, нечестивыми и развращенными (см. [Быт. 6, 9](#)). Его благочестие и добродетели тем выше были в очах Божиих, чем труднее было сохранить их тому, кто, живя среди нечестивых, на каждом шагу встречал от них искушения и соблазны и терпел оскорбления и насмешки.

Терпение и мужество, с какими Ной переносил эти оскорбления, особенно во время строения ковчега, свидетельствуют о крепкой вере Ноя в Бога и Его обетования: «ею осудил он весь мир и сделался наследником праведности по вере» ([Евр. 11, 7](#)). Во всех этих отношениях какой прекрасный пример для подражания представляет Ной!

Но ты, душа христианская, не подражаешь ни его благочестию и добродетели, ни его мужеству и терпению, ни его крепкой вере и упованию на Бога. Не примеры людей святых и праведных, не заповеди Божии служат для тебя руководством в жизни, а дух века, часто враждебный вере и благочестию, и нечестивые обычаи мира. Ты увлекаешься этим духом и этими обычаями, забывая слово Писания, что «дружба с миром есть

вражда против Бога» (см. Иак. 4, 4), что "не следует
сообразовываться с веком сим» (см. Рим. 12, 2).

Глава 5 Потоп при Ное

При Нои, Спасе, блудствовавший[н] (развращенным) подражах, оных наследовав осуждение в потопе погружения[н] (на утопление в потопе).

Печально было нравственное состояние современников Ноя. Сам Господь, изъявляя перед Ноем негодование на них, назвал их "плотию." Это значит, что они совершенно заглушили в себе духовные потребности и заботились только об удовлетворении одних плотских, или чувственных, потребностей и прихотей. В этих заботах они дошли до того, что, смотря на них, можно было усомниться, есть ли в них душа, созданная по образу и подобию Божию для жизни в общении с Богом, – не осталась ли в них одна плоть, способность к одной чувственной скотоподобной жизни. Особенно усилились между ними плотские грехи, – то есть любострастие, или распутство («блудствование»). Поистине они были "плотию."

И, что всего печальнее, такое нравственное растление распространилось по всему лицу обитаемой тогда земли (см. Быт. 6, 1–2). Сначала оно господствовало между нечестивыми потомками Каина, но с течением времени оно проникло в общество «сынов Божиих», то есть потомков благочестивого Сифа, – вследствие смешения последних с первыми посредством супружеских связей (см. Быт. 6, 1–2). Жены из нечестивого племени внесли нечестие в семейства племени благочестивого. А нечестие отворило дверь всяким порокам.

Тяжка вина современников Ноя, ведших распущенную жизнь. Но не более ли тяжело согрешают христиане, когда подражают им, когда подобно им проводят жизнь в плотоугодии, забывая о душе, о Боге, о вечности, когда легкомысленно вовлекаются в общества людей развратных и тела свои, освященные благодатью Таинств в храмы Святого Духа, в члены Христовы, святотатственно оскверняют плотской нечистотой и тем губят не себя только, но и тех, которые отдали себя в жертву их любострастию?

Не принадлежу ли я к числу подобных грешников? Но в таком случае я не должен думать, что могу продолжать грешить безнаказанно. Нет, если я подражаю блудствовавшим при Ное, должен наследовать и их осуждение, подобно им погрязнуть в водах потопных, – в готовых поглотить меня волнах гнева Божия (см. Пс. 68, 2–3).

Впрочем, современники Ноя, привлечшие на себя гнев Божий, не прежде погибли в водах потопа, как по испытании в отношении к ним всех мер долготерпения Божия. Господь сначала объявил им через Ноя, что дает им 120 лет на покаяние, по истечении которых угрожал им истреблением. Но угроза не действовала. Люди не только продолжали творить и даже умножали злые дела, но «всяк помышлял в сердце своем прилежно на злая» (Быт. 6, 5). Люди всей душой отдались порочным помыслам, склонностям и желаниям, – намеренно с усилием вызывали и питали их в душе. Зло, следовательно, слишком глубоко пустило корни в их сердце.

Тогда Господь уже не условно, а решительно объявил угрозу истребить их. Угроза снова была пренебрежена, но долготерпение Божие не истощилось, и хотя теперь Господь решил наказать людей потопом и повелел Ною строить ковчег для спасения его с семейством; но самое строение ковчега, происходившее на виду у всех и с известной всем целью, могло служить предостережением для нечестивых.

Они, однако, не вняли и этому предостережению, – и уже тогда наступил потоп. Воды потопные, впрочем, не вдруг покрыли лицо земли, а постепенно. Вследствие этого многие, не верившие угрозам Божиим до исполнения их, могли опомниться при наступлении беды и воззвать к Богу о помиловании. Такие, хотя понесли казнь потопления, могли избавиться от вечной гибели, когда Христос Спаситель по смерти сошел в адскую темницу с проповедью о спасении всем, чаявшим с верой Его Пришествия, и тем душам, которые «некогда непокорны были ожидавшему их Божию долготерпению водни Ноя» (1Пет. 3, 20), но в последние минуты жизни раскаялись в своей непокорности.

Слава долготерпению Господа, даровавшего современникам Ноя возможность отвратить праведный Его гнев

покаянием, которой и воспользовались многие из них!

Но милосердый Господь, никому не желающий погибели, долготерпит и всем беспечным грешникам, ожидая от них покаяния. Он призывает их к покаянию внушениями святого Слова Своего, иногда доходящими до их слуха из церковных чтений и из уст пастырей Церкви, – благоприятными и неблагоприятными обстоятельствами в их жизни, особенно предсмертными болезнями, во время которых многие, в продолжение всей жизни прогневавшие Господа грехами, обращаются к Нему, подобно благоразумному разбойнику, покаявшемуся на кресте в предсмертные часы, и примерами некоторых современников Ноя, успевшими ввиду наступившего потопа образумиться.

Как часто, однако, случается, что люди всю жизнь остаются равнодушными к своему спасению, не внимая никаким вразумлениям долготерпеливого Господа, ожидающего от них покаяния! Они или совсем не думают о покаянии, или отлагают его до смерти, хотя никому не известно, удастся ли это перед смертью.

Горе мне, если и я принадлежу к числу таких беспечных грешников! Мне грозит жребий нераскаявшихся перед потопом современников Ноя, осужденных на временную и вечную гибель. Избавь меня, Господи, от подобной участи и даруй мне слезными водами покаяния избежать потопления в безднах преисподней.

Глава 6 Хам

Хама оного, душе, отцеубийца подражавши, срама не покрыла еси искренняго [п](ближнего), вспять зря возвратившись.

После потопа Ной стал заниматься земледелием и разведением винограда, из которого научился делать вино. Не испытав дотолле силы вина, Ной на первый раз выпил его больше, чем следовало для укрепления сил и для невинного удовольствия. Неожиданно для Ноя, вино произвело на него опьяняющее и усыпляющее действие. Во время сна Ной непроизвольно сбросил с себя одежду, в которой лег, и представил неблагообразное зрелище наготы.

Хам, один из сыновей Ноя, первый заметил это неблагообразие и вместо того, чтобы прикрыть наготу отца, рассказал о ней братьям с целью, чтобы и братья вместе с ним осудили отца и поглумились над ним, опьяневшим и обнаженным. Братья, однако, поступили иначе: они с почтительностью подошли к отцу, так что не видели наготы его, и прикрыли его своей одеждой.

Ной, проснувшись, узнал о поступке Хама и произнес проклятье на непочтительного и дерзкого сына в лице его потомков Хананеев. Вот разительный урок, как грешно и опасно осуждать и делать предметом глумления недостатки и пороки ближнего, кто бы он ни был – свой или чужой.

Склонность к осуждению и глумлению над другими свойственна, по словам Спасителя, людям, которые по самолюбию не замечают в самих себе недостатков и грехов или слишком снисходительно относятся к ним (см. Мф. 7, 3–4). Беспристрастный взор на самих себя убедил бы их, что они сами не меньше, если не больше виноваты в том, за что осуждают других, и что если они сами нуждаются в снисхождении к ним других, то справедливость и от них требует снисхождения к ближним. Чего я не желаю себе, того не должен делать другим. Этого требует не только Евангелие (см. Мф. 7, 12), но и естественный разум. Если я не желаю быть предметом

пересудов и насмешек, если пересуды и насмешки меня огорчают и возмущают до глубины души, хотя бы я и заслужил их моим поведением, то по себе я должен судить и о других, – и о других я должен думать, что им неприятно то же, что и мне. Потому, желая снисхождения к моим недостаткам других, я и сам должен относиться к ним снисходительно: я должен, подобно Симу и Иафету, покрывшим наготу отца, покрывать снисхождением срам или позорное поведение ближнего моего. Если же сего не делаю, то я подражаю Хаму и должен, подобно ему, бояться за сие гнева Божия.

Грех Хама против отца так велик, что совершитель такого греха есть поистине «отцеубийца.» Хам не убил отца физически – он убил его нравственно, потому что причинил ему своим поступком великое горе, отнял у него душевный мир, расстроил обычное течение его жизни. Хам не убил, повторяем, отца физически, но он посягнул на его честь, дерзнул поколебать уважение к нему детей, огласив перед ними его наготу. Но честь – такое благо, которое дороже жизни. «Для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою» (1Кор. 9, 15).

Не похожу ли и я на отцеубийцу Хама, когда осуждением ближнего и глумлением над его недостатками наношу ему самое чувствительное оскорбление, ибо оскорбляю его честь, отнимаю у него доброе имя? Не к чести его служат, конечно, те недостатки и пороки, за которые я жестоко осуждаю его перед всеми, – но моим осуждением не увеличиваю ли его позор и этим не могу ли довести его до того, что он не вынесет своего позора и еще глубже погрузнет во зло? Мое осуждение и глумление не исправит, а только ожесточит его. Он впадет в малодушие, скажет себе: теперь мне нечего терять, все потеряно с утратой чести, – и ударится во все крайности порока.

Не возьму ли я на себя страшную ответственность за его гибель, если доведу его до такого моим бессердечным равнодушием к его чести? Не убийца ли его я в этом случае?

Глава 7 Сим и Иафет

Благословения Симова не наследовала еси, душе окаянная, ни пространное одержание, якоже Иафет, имела еси на земли оставления [н](отрады).

Вслед за проклятием непочтительному Хаму Ной изрек благословение старшим сыновьям Симу и Иафету, заслужившим его благоволение той почтительностью к нему и целомудренной скромностью, с какой они покрыли наготу его.

Благословение Симу состояло в том, что среди его потомства сохранится истинное богопочтение, что истинный Бог будет Богом Сима и его племени.

Благословение Иафету состояло в предречении, что его племя шире всех распространится по лицу земли, будет иметь на ней пространное содержание и со временем войдет в шатры Симовы – оставит языческие заблуждения и вступит в духовное, религиозное общение с Симом, войдет в состав Церкви Божией, к которой сначала будут принадлежать одни потомки Сима.

То и другое предречение сбылось в судьбах потомков Сима и Иафета. До явления в мире Христа Спасителя истинное богопочтение сосредоточивалось в той части потомства Симова, которая произошла от Авраама через Иакова, в одном избранном народе Божиим. Но с пришествием Христовым Церковь вышла за пределы этого народа. Христос, по плоти один из потомков Симовых, пришел для спасения всех людей на свете и повелел Своим апостолам собрать в Его Церковь все народы.

Этим благом воспользовались преимущественно потомки Иафета, и между ними мы – русские. Среди них господствует и доселе распространяется христианство; среди них процветает Христова Церковь со всеми ее просветительными и освянительными учреждениями, и будет процветать до скончания века.

Но дело не в том одном, чтобы вообще процветала Церковь Христова и сохранялось в мире истинное богопочтение, не в том, чтобы в этом только отношении исполнилось

благословение Божие, данное через Ноя Симу и Иафету, – а в том, чтобы я лично был истинным членом Церкви Божией, истинным богочтецом, истинным наследником обетований Божиих, дарованных Церкви.

Горе мне, если я принадлежу к Церкви Божией только по имени, если Бог Симов, пребывающий в ней, далек от моего сердца, если я исповедую Его устами, а житием чужд общения с Ним, забываю Его и не ревную об угождении Ему.

Горе мне, если я, будучи членом духовной семьи, имеющей распространение во всех странах мира, пренебрегаю разнообразными, предлагаемыми в ней, в Церкви, – средствами спасения и живу среди нее, как бы пришелец, не участвуя в благах, предоставленных истинным ее чадам.

Другие, имея общение с Церковью, находят в ней «землю оставления», то есть утешения и отрады, как бы рай духовный; а я не знаком с этим утешением и отрадой, и окруженный обильной духовной пищей и питьем, изнываю от голода и жажды, не питая себя ни словом Божиим, ни благодатью Таинств, ни молитвой, или едва прикасаюсь устами к этим видам духовного питания.

Находясь в таком жалком состоянии, я – не наследник благословения Божия Симу и Иафету и недалек от опасности утратить вечное наследие в Царстве Славы.

Сохрани меня, Господь, от сей опасности!

Глава 8 Столпотворение

Столп умудрила еси создати, о душе, и утверждение [п] (крепость) водрузити твоими похотьми, аще не бы Зиждитель удержал [п](обуздал) советы [п](замыслы) твоя и низвергл на землю ухищрения твоя.

После потопа род человеческий начал размножаться от троих сыновей Ноя. И чем больше размножались люди, тем дальше друг от друга расселялись, сохраняя, однако, общий, наследованный от этого родоначальника язык.

Это расселение не благоприятствовало мечтам тех из потомков Ноевых, именно происшедших от Хама, которые хотели забрать под свою власть все племена людские. Их властолюбие не остановилось, однако, перед этим препятствием.

Они придумали соорудить город – крепость и столп (или башню), чрезвычайно высокую, и эту крепость и столп сделать средоточием, откуда бы они могли простираť власть свою на всех людей до крайних пределов их обитания.

Виновники этого предприятия обманом привлекли к участию в нем и тех, кого хотели поработить себе. Они скрыли от них настоящую цель предприятия, сказав им: «сотворим себе имя» (Быт.11:4). Слова эти значили, что построение города и башни послужит только к прославлению в потомстве строителей, к увековечению памяти об их силе и могуществе. Уже приступлено было к возведению крепости и башни. Но Господу Богу не угодно было это предприятие. Ему не угодно было допустить, чтобы люди своими затеями воспрепятствовали Его определению разделить племена людские, совершенно обособить их по месту жительства и по гражданскому быту и одни племена оградить от худого нравственного влияния других.

Предположение строителей крепости и башни связать племена созданием для них общего политического центра угрожало не только порабощением одних другими, но и всеобщим развращением.

И вот Господь чудесным образом разрушает дело, Ему негодное. Он сходит в среду строивших крепость и столп и смешивает язык их так, что они перестали понимать друг друга и принуждены были оставить недоконченными начатые работы, разойтись в разные стороны.

Таким образом возникли «острова» или группы народов, расселившихся по лицу земли. Они стали существовать отдельно, как острова на море, не смешиваясь с другими ни границами, ни языком, ни учреждениями, ни обычаями. Место, на котором произошло чудо смешения языка, стало называться Вавилоном, что значит смешение. В самом этом имени заключена безмолвная проповедь о ничтожестве человеческих замыслов, коль скоро они противны воле Божией.

К сожалению, этот пример и другие подобные не вразумляют грешную душу. Законом для нее служит не воля Божия, а ее похотения, ее самолюбивые желания и расчеты. Увлекаясь самолюбием, грешник, подобно строителям вавилонского столпа, мечтает устроить свое благополучие помимо Бога. По его убеждению, для достижения этой цели достаточно житейского благоразумия, умения пользоваться обстоятельствами, силы воли, упорства в преследовании цели, не стесняясь внушениями совести, правилами справедливости и человеколюбия.

И, по-видимому, он прав, рассуждая так. Не мало ли на свете видим людей, которые, забыв страх Божий, путем всякого рода неправд успели занять высокое общественное положение, приобрели богатство и с ним возможность жить в свое удовольствие, и смеются над ближним своим, бедным и незнатным, но честным и благочестивым? Действительно, есть такие люди на свете. Господь нередко терпит их, ожидая их покаяния и обращения на путь истины и предоставляя Себе, если не раскаются, наказать их в будущей жизни, а им – воспринять благая в животе своем, чтоб воздать по делам их за гробом.

Но знаем также, что Суд Божий над многими из них открывается и в настоящей жизни. Неправдой нажитые огромные состояния исчезают часто при жизни их стяжателей, –

или ими самими расточаются на прихоти, или расхищаются их детьми и разными поверенными, – а всего чаще исчезают по смерти их, попадая в руки неблагонадежных наследников, а несчастные дети разбогатевших отцов часто делаются нищими.

Случается также, что иной богач поражается преждевременно смертью среди своих мечтаний насладиться плодами своих трудов. Едва успеет он сказать: «Душе, имаша многа блага, лежаща на лета многа: почивай, яждь, пей, веселись», – как уже звучит над ним Божественный приговор: «Безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому будут?» (Лк. 12, 19–20).

За что же так строго поступают с ним? За то, что он "собирал одному себе", для удовлетворения своих похотей, «а не в Бога богател», не для угождения Богу добрым употреблением нажитых благ, и наживал их нечестными путями (Лк. 12, 21).

Не менее строгая кара постигает властолюбцев. «На небо възыду, – говорит один из них, – выше звезд небесных поставлю престол мой,.. възыду выше облак, буду подобен Вышнему». Не так судил Вышний. На слова безумного высокомерия Он ответствовал: «Ныне во ад снидеси и во основания земли» (Ис. 14, 13–15).

Помни, грешная душа, эти праведные Суды Божии и не дерзай мечтать, будто можешь без Бога, при помощи одного собственного благоразумия, создать для себя благонадежный город и столп, обеспечить твое благосостояние. И если ты в наказание за самонадеянность и высокомерие испытываешь неудачи в житейских делах, смирись пред крепкою рукой Господа, призывающего тебя к покаянию, и благодари Его за то, что, лишая тебя возможности удовлетворять твоим похотям, указывает тебе прочее время живота проводить в угождении не самолюбю, а воле Божией. Горе было бы тебе, если бы Господь «не удерживал советов твоих», не обуздывал высокомерных замыслов твоих «и не низвергал на землю ухищрения твои». Лучше потерпеть наказание Божие в здешней жизни, чем подвергнуться ему в будущей.

Глава 9 Переселение Авраама в Ханаанскую землю

От земли Харран изыди от греха, душе моя, гряди в землю точащую присноживотное нетление, еже [п](которую) Авраам наследствова.

После столпотворения рассеяние племен сопровождалось оскудением между ними истинного богопочтения. Предания веры стали постепенно забываться и смешиваться с заблуждениями. Языческое суеверие проникло даже в племя Симово, предназначенное Господом, как видно из пророчества Ноя о его сыновьях, для сохранения истинной веры и обетований о Христе. Сам отец верующих Авраам был сыном идолопоклонника. Надлежало принять меры к тому, чтобы во тьме нечестия совсем не померк свет веры.

И вот на служение этому святому делу Господь призывает Авраама. Авраам, по велению Божию, должен был удалиться с родины своей, земли Халдейской, и потом из Харрана в землю Ханаанскую, где должен жить странником, пока не достигнет Небесного Отечества – земли, точащей присноживотное нетление.

Конечно, нелегко было Аврааму расстаться с родными местами и идти в незнакомую страну; но Господу Богу угодно было потребовать от него такой жертвы для того, чтобы, согласно с его предназначением, воспитать его в послушании и преданности воле Божией.

Подобно Аврааму, удалившемуся из Харрана по повелению Божию, и ты, душа, «изыди от греха», то есть из области греха. Область греха есть мир, во зле лежащий, с его суетой, с его нечистыми удовольствиями, с его тленными благами, с его нехристианскими обычаями. Область эта так обширна, что захватывает собой даже пустынножителей, оставляющих позади себя мир и его соблазны. Они бегут от мира, а мир преследует их во глубине пустыни, возбуждая в них воспоминание о мирских нечистых радостях, сожаление о них, мечты о них и желание возвратиться к ним. Можно даже сказать, что под влиянием духа злобы искушения мирского свойства иногда

сильнее бывают в пустынножителях, чем в мирянах: на первых враг больше нападает, чем на последних.

Итак, если и пустыня не спасает от греха, господствующего в мире, то не следует думать, что можно спрятаться от греха в ней. И пустыня перестала бы быть пустыней, если бы все стали искать там спасения. Дело не в том, чтобы только внешним образом удалиться от мира. Внешнее удаление от мира при внутреннем влечении к нему бесполезно.

Не телом, а духом старайся бежать из мира; старайся, живя в мире, так настроить себя, чтобы приражающиеся к тебе отвне соблазны не встречали в тебе сочувствия, чтобы ты слыша не слышал, видя не видел того, что может растлить твою душу. Помни учение слова Божия об отношении христианина к миру: «Не любите мира, ни яже в мире. Аще кто любит мир, несть любви Отчей в нем, яко все еже в мире, похоть плотская и похоть очес и гордостьжителейская, несть от Отца, но от мира сего есть» (1Ин. 2, 15–16); "Требующие (пользующиеся) мира сего да будут якоже не требующе» (1Кор. 7, 31); «Вера бо чиста и нескверна пред Богом и Отцем сия есть... нескверна себе блюсти от мира» (Иак. 1, 27); «Любы мира сего вражда Богу есть. Иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает» (Иак. 4, 4).

Нелегко поставить себя в такое отношение к миру, нелегко, живя в мире, не увлечься его соблазнами, не пристраститься к его благам и радостям; но как ни обольстительны блага и радости этого мира, как ни велики соблазны мирские, истинный христианин не даст себя увлечь миру ввиду опасности поплатиться за временную греха сладость вечным блаженством.

Он помнит слова Спасителя: «Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит» (Мф. 16, 26).

Он крепко борется с мирскими соблазнами, зная, что увлекающийся соблазнительями находится в опасности попасть «в геенну огненную» (см. Мф. 18, 8–9).

Он никогда не пристрастится к благам мира, ибо знает, что «мир преходит и похоть его, а творяй волю Божию пребывает во веки» (1Ин. 2, 17).

Он не забывает, что мы не вечные жильцы этого мира, что мы призваны к участию вместе с Авраамом в присноживотном наследии на земле обетованной, то есть в благах Царства Небесного.

Земля Ханаанская, текущая медом и млеком, в которую Авраам пришел из Харрана, была только предызображением Небесного Царства, в котором он, как отец верующих, блаженствует вместе с возлежащими на лоне его праведниками.

К достижению сего блаженства и ты, душа христианская, стремись с таким же послушанием и преданностью воле Господа, «призывающего тебя в Свое Царство и славу» (см. 1Фес. 2, 12), какое показал Авраам, услышав повеление Божие уходить из Харрана. Горе тебе, если пристрастием к миру и его благам закроешь для себя вход в это Царство. Страшись участи миролюбца, который после раздольной жизни в мире попал на место вечного мучения и напрасно просил Авраама послать к нему Лазаря, да «омочит конец перста своего в воде и прохладит язык его, сгорающий от мучительной жажды в адском пламени» (см. Лк. 16, 24). От тебя зависит избежать этой участи.

Тебя никто не гонит из мира в пустыню – живи в мире, занимайся сколько угодно делами житейскими; но в то же время не забывай о Небе, вздыхай о потерянном рае, все что ни делаешь, делай во славу Божию, и тогда мир будет для тебя путем к Царству Небесному.

* * *

Авраама слышала еси, душе моя, древле оставльша землю отечества и бывша пришельца, сего произволению подражай.

Всякий из нас, если войдет в положение Авраама, найдет, что ему не легко было расстаться с родной страной, с родными и знаемыми, променять удобства оседлой жизни на неизбежные трудности жизни страннической.

Но подобного подвига самоотвержения требует Господь Иисус Христос от каждого из Своих последователей: «Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин. И иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин» (Мф. 10, 37). Священны узы семейные и родственные; но если нельзя

совместить любви к родным с любовью и верностью Христу, то в таком случае лучше бросить их, чем изменить Христу. Кто поступил бы иначе, тот недостойн Христа, не настоящий христианин.

Во времена гонения на христианство случалось, что исповедникам имени Христова надлежало выбирать одно из двух: или из жалости к отцу, к матери, к детям отречься от Христа, или идти на муки и смерть за веру в Него. Они избирали последнее, принося в жертву Христу естественную привязанность к близким по крови, остававшимся в язычестве, не внимая их мольбе побережь себя для блага их и покидая их часто без опоры в жизни.

Не менее тяжкое борение любви и жалости к семейству с христианским благочестием приходится испытывать христианину в других обстоятельствах. Случается, что человеку, обремененному многочисленным семейством и лишенному средств содержать его, представляется возможность поправить свое положение поступком или предприятием, противным христианской совести. Жена и дети уговаривают его не стесняться внушениями христианской совести и спасти их от нищеты и унижения.

Он может уступить искушению и разбогатеть, или воспротивиться ему и остаться с семейством в нищете и унижении. В первом случае он явится неверным Христу, недостойным Его, в последнем – истинным последователем Его и вместе подражателем Авраама, из послушания и любви к Господу победившего в себе естественную привязанность к родине и родным и обрекшего себя на невыгоды странничества. Ибо и переселившись в землю Ханаанскую, он вел кочевую жизнь, не имел на ней недвижимой собственности, кроме одной пещеры, купленной им для погребения Сарры (см.: Быт. 23, 3).

Подобно Аврааму и ты, душа христианская, должна любить Господа твоего паче всего на свете и из любви и послушания Ему должна быть готова на все подвиги самоотвержения для славы имени Его, хотя бы для сего надлежало вступить в тяжкую борьбу с любовью к отцу, к матери, детям. Лучше остаться истинным христианином, сохранить духовное родство

со Христом, чем по пристрастию к земному родству оказаться неверным Христу.

Подражай, душа христианская, и тому произволению Авраама, по которому он жил среди хананеев как пришелец и странник. Помни, что все мы, покуда живем на земле, «странники и пришельцы» (см. 1Пет. 2, 11), что настоящее «жительство наше на небесах» (см. Флп. 3, 20), что земная жизнь для каждого из нас должна быть временем странствования к Небесному Отечеству, что истинным христианам свойственно исповедовать: «не имамы бо zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем» (Евр. 13, 14).

В памятовании и размышлении об этих истинах заключается лучшее оружие в борьбе с искушениями от плотских похотей.

«Если, например, приближается похоть плотская и призывает к чувственному наслаждению, ты можешь отвечать ей: удались от меня; я пришелец и странник; на пути не пиршествуют и не роскошествуют; благовидная или неблаговидная гостиница, суровая или не суровая пища, мягкий или жесткий одр немного разнствуют для странника; благодушно перенеся лишения моего странничества, безмерно буду вознагражден утешениями в моем отечестве. Если похоть очес представит воображению тленные богатства и скажет: для чего ты мало имеешь? для чего не стараешься иметь более? – отвечай и ей: я пришелец и странник; для странника часто удобнее нести с собой мало, нежели много; сохранив себя в странничестве, в отечестве найду себе сокровища, которых «ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкопывают, ни крадут» (Мф. 6, 20). Если гордость житейская станет докучать тебе: зачем ты недоволен возвышен, недоволен почтен; и ей скажи: не смущай меня напрасно; я здесь пришелец и странник, а имею такое высокое отечество, пред которым и возвышенное и униженное на земле едва заметно и равно ничтожно; горами ли, дебрями ли ведет меня невидимая рука Провидения, все равно, только бы привела меня в мое Горнее Отечество» (Слова и речи святителя Филарета, митрополита Московского, 1848. Ч. 1, стр. 290).

Таковы размышления, какие внушает каждому воззрение на временную жизнь как на странничество. Если ты, душа христианская, будешь руководствоваться этими и подобными размышлениями и устроить по ним свою жизнь и деятельность, то поистине будешь подражать произволению Авраама – пришельца и странника.

Глава 10 Мелхиседек

Священника Божия и царя уединена, Христово подобие в мире жития[n] (подобие Христова жития в мире), в человеце, подражай.

Авраам переселился в Ханаанскую землю вместе с племянником своим Лотом. Сначала они оба жили в ней вместе, но потом, из-за раздора между их пастухами, разлучились. Авраам поселился у Мамврийской дубравы, а Лот – в Содоме.

Жителей Содома постигла беда. На них напал Еламский (Персидский) царь в наказание за то, что они вместе с соседними владениями перестали платить ему дань, и увел их в плен. В числе пленников был Лот.

Авраам, чтобы выручить Лота, погнался за победителями, поразил их наголову и отнял у них пленных и всю добычу. На обратном пути Авраам торжественно встречен был Мелхиседеком, который поднес ему хлеб и вино и благословил его именем Бога Вышнего, Творца неба и земли, даровавшего Аврааму победу.

Мелхиседек жил среди хананейских языческих племен, но не был язычником, он служил истинному Богу и был Его священником, принося Ему Единому жертвы. Он же был и царем Салимским, царствовал над одним из племен, обитавших в Иерусалиме и его окрестностях.

В рассматриваемом стихе он назван царем «уединенным», то есть одиноким, конечно потому, что, как служитель истинного Бога, он держал себя вдали от соседних языческих царей, не вступал с ними ни в какие союзы, охраняя себя и подданных своих от языческого осквернения.

По своей судьбе и служению Мелхиседек был подобием или предызображением Христова жития в мире. В чем именно состояло сходство Мелхиседека со Христом, обстоятельно раскрывает святой апостол Павел в Послании к Евреям (Евр.7).

И вот сему-то Мелхиседеку каждая христианская душа должна подражать. В каких же отношениях он может быть предметом нашего подражания? Мелхиседек был священник и

вместе царь. Подобное сему говорится и о христианах: «вы же род избран, царское священство» (1Пет. 2, 9). Это достоинство христиан, до пришествия Христова принадлежавшее одному израильскому народу (см. Исх. 19, 6), состоит в том, что они, как приближенные к Богу благодатью, с дерзновением священников и царских детей могут приступать к Престолу благодати с своими молитвами, взирая на Бога как на своего отца, по усыновлению Ему в Таинстве Крещения.

Помни же это, душа христианская, и деятельным стремлением к христианскому совершенству старайся засвидетельствовать, что ты достойна столь высокого звания и избрания. Мелхиседек, как священник Бога Вышнего, Ему Единому служил и поклонялся.

Подобно ему и ты, душа христианская, служи Богу твоему с всецелой преданностью, не колеблясь между служением Ему и пристрастием к земному, – будь готова верность Ему запечатлеть отречением от всего земного. Мелхиседек в качестве священника приносил Богу Вышнему в жертву земные плоды и кровь бессловесных животных.

Своего рода жертвы Богу требуются и от каждого христианина. «Жертва Богу дух сокрушен» (Пс. 50, 19). «Пожри Богу жертву хвалы и воздаждь Вышнему молитвы (обеты) твоя» (Пс. 49, 14). «Благотворения и общения не забывайте, таковыми бо жертвами благоугождается Бог» (Евр. 13, 16). Самые тела наши должны быть представляемы Богу «в жертву живую, святую, благоугодную Богу» (см. Рим. 12, 1), ибо мы обязаны прославлять Господа не душами только, но и телесами (см. 1Кор. 6, 20), соблюдая их в чистоте, свойственной целомудренным, упражняя их в воздержании и богоугодных трудах, – и должны быть готовы даже на мученичество, которое есть высшая жертва Богу, на каковую жертву обрек себя апостол Павел, когда писал: «Аз бо уже жрен бываю и время моего отшествия наста» (2Тим. 4, 6).

Мелхиседек был царем. И христианин должен быть царем в своей душевной области. Управлять собой, подчинять низшие свои стремления высшим, говорят, труднее, чем управлять царствами и народами: управляющие царствами и народами

тем легче могут сделаться рабами страстей, чем меньше встречают внешних препятствий к удовлетворению их. Благо тому, кто успел достигнуть самообладания, власти над собою: он поистине царь, хотя бы по внешнему положению был рабом.

Мелхиседек по значению своего имени есть царь правды, а по значению имени столицы своего царства – «Салима, есть царь мира» (см. Евр. 7, 2). Без сомнения, он был на деле таким, каким должен быть соответственно тому и другому значению, то есть был царем правосудным и миролюбивым. Подобно ему и каждый из нас в отношении к ближним должен следовать правилам справедливости и миролюбия. По закону справедливости мы должны поступать с ближними так, как хотели бы, чтобы они с нами поступали (см. Лк. 6, 31). По духу миролюбия мы должны сохранять незлобие к обижающим, снисхождение к согрешающим и быть готовы на все жертвы, непротивные христианской совести, чтобы только остаться в добрых отношениях к ближним.

Мелхиседек среди соседних царей и племен был царь «одинокий». Подобно ему и мы, живя в мире, должны держать себя вдали от его искушений и соблазнов.

Мелхиседек был подобием Сына Божия, в своем лице и служении предызображая Его как предвечно рожденного от Отца и вечного первосвященника, своей жертвой упразднившего жертвы ветхозаветные и священство левитское. В этом отношении Мелхиседек недоступен нашему подражанию; но, не выходя из своей меры, и мы можем уподобляться Христу Сыну Божию, подражая Его совершенствам, Его святости, Его смирению, Его любви к людям и самоотвержению для спасения их и т.п. К этому подражанию Он Сам призывает Своих последователей, говоря: «Аще кто Мне служит, Мне да последствует» (Ин. 12, 26).

Мелхиседек устроил Аврааму, возвращавшемуся с места победы, торжественную встречу единственно по бескорыстному уважению и любви к нему как избраннику Божию, ибо ни за себя, ни за свои владения он не был связан долгом благодарности к Аврааму. Подобно сему и мы должны относиться к людям с бескорыстной любовью, помня заповедь

Христову любить не только благодетелей, но и врагов, – и всякому, кто бы ни был, должны сочувствовать в горе и радости.

Мелхиседек поздравлял Авраама с победой как с милостью Божией. Подобно этому и мы наши или чужие успехи в делах и предприятиях должны почитать делом милости Божией и за них благодарить Бога, гоня от себя гордую мысль, будто мы или другие обязаны ими единственно себе самим.

Глава 11 Авраам и три странника

У дуба Мамврийского учредив [п](угостив) патриарх Ангелы, наследствова по старости обетования ловитву [п](обетованное стяжание, как добычу).

Обетование, которое Авраам наследовал как ловитву (добычу), относилось к рождению от него и от неплодной Сарры сына Исаака.

Это обетование объявляемо было от Господа Аврааму неоднократно в течение 25 лет от переселения его в землю Ханаанскую, но исполнилось уже в глубокой его старости, когда ему было 100 лет, а Сарре – 90.

Исполнение обетования было поистине чудо, ибо Сарра родила Исаака в тех годах, когда естественная способность к рождению в ней прекратилась (см. Быт. 18, 11). Цель, почему обетование так долго не исполнялось, была та, чтобы укрепить Авраама в терпении и вере. И терпение, и вера в нем от долговременного ожидания того, что ему обещано, по временам ослабевали, и он жаловался Богу на бесчадство, несмотря на неоднократно данные ему обетования о многочисленном от него потомстве; но Авраам успокаивался после новых удостоверений Божиих в верности обетования и снова начинал веровать Богу, – и эта вера вменялась ему в правду, то есть за эту веру прощалась ему неправота его жалобы пред Богом и он являлся правым пред Богом (см. Быт. 15, 2–6). Цель, для чего неплодство Сарры разрешено чудесным образом, состояла в том, чтоб наградить веру и терпение Авраама и вместе с тем через это чудо решительно уничтожить в нем даже малейшие колебания веры и таким образом сделать его вполне достойным имени отца верующих.

И последствия показали, какого совершенства достигла вера его. Он не усомнился в истине Божественного обетования о многочисленном потомстве от сына его Исаака даже тогда, когда Господь потребовал от него в жертву этого сына обетования: Авраам уверен был, что смерть сына не воспрепятствует Исааку быть родоначальником

многочисленного потомства, что Господь, чудесно произведший его на свет, воскресит его из мертвых (см. Евр. 11, 19).

Обетование о рождении сына от Сарры в последний раз подтверждено было Аврааму за год до рождения Исаака, именно в то время, когда Авраам «у дуба Мамврийского учреди Ангелов», то есть трех странников, в виде которых явился Сам Господь с двумя Ангелами. Авраам принял и угостил их весьма радушно и как бы в награду за эту услугу удостоился от Него услышать, что через год родится у него сын. Это исполнилось в точности.

Терпение, с каким Авраам ожидал исполнения обетования, походило на терпение страстного охотника, не дающего себе покоя в преследовании добычи, – и дождавшись того, чего так долго ждал, Авраам испытывал такую же радость, какая свойственна охотнику, поймавшему наконец зверя после долгого преследования его.

Пример терпения и испытанной терпением веры Авраама весьма поучителен для нас. До глубокой старости он терпеливо ждал исполнения данного ему обетования. Вот и тебе, душа христианская, дано обетование живота вечного и настоящего под условием благочестия (см.: 1Тим. 4, 8). Обетования Божьи непреложны, но исполняешь ли указанное условие для получения обетованных благ? Ты искренно желаешь себе спасения, вечного живота; но знай, что спасен будет только до конца пребывший в подвигах веры и благочестия, и что, следственно, может лишиться надежды спасения тот, кто с жаром сначала принимается за эти подвиги, потом совсем бросает их и, погрузившись в нравственную беспечность, не оставляет ее до конца жизни.

Испытай себя, душа христианская, не находишься ли и ты в подобной опасности? Не сломили ли твоего терпения житейские скорби, болезни и разные бедствия? Обуреваемая ими, не преклонила ли ты слуха к внутреннему малодушному голосу: «рцы глагол некий, глагол ропота и богохульства, ко Господу и умри» (Иов. 2, 9), и самым делом не последовала ли этому искустельному внушению, вместо того чтобы отразить его словами Иова: «аще благая прияхом от руки Господни, злых ли

не стерпим» (Иов.2:10)? Горе тебе, если своим малодушием преградишь себе доступ к животу вечному, обещанному истинно-благочестивым; но горе и в том случае, если ослепит тебя земное благополучие и ты вместо того, чтобы благодарить за него Бога, поколеблешься в благочестии, забудешь Бога. Обетование живота вечного в таком случае не тебе принадлежит. Не следовало бы тебе менять вечное блаженство на земные суетные и греховные утешения.

Вечное блаженство в глазах истинного христианина имеет столь великую цену, что для того, чтобы не потерять его, он готов отказаться от всех земных благ и радостей, если видит в них препятствие к достижению его, – и ввиду его легко примиряется с лишением их. Но милосердый Господь без крайней нужды не допустит его до подобного лишения. С христианским благочестием соединено обетование живота не только вечного, но и настоящего. «Не видех праведника оставлена, ниже семени его, просяща хлеба» (Пс. 36, 25), говорит наблюдатель путей Провидения, пророк и царь Давид. «Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам» (Мф. 6, 33), – сказал Господь Иисус Христос для предостережения Своих последователей от излишнего попечения о том, «что им есть, что пить, во что одеться» (см. Мф. 6, 31).

Кто предпочитает всему на свете счастье быть членом Царствия Божия и ревнует паче всего о праведности пред Богом, того Господь не оставит без помощи во внешних нуждах. Он благословит успехом его труды для обеспечения себя в пище, одежде, жилище и во всех житейских потребностях. Все это дано ему будет в придачу как воздаяние за ревность его к исканию Царствия Божия и правды его. Не беда, если он не будет иметь всего этого в избытке. Он не гонится за избытком, он доволен немногим. Имеет пищи столько, чтобы с голоду не умереть, имеет одежду, чтобы прикрыть наготу и от холода не замерзнуть, – он благодушен и благодарит Бога за эти милости, и большего не желает, зная, что земное счастье состоит не в обилии земных благ, а в довольстве и спокойствии Духа, большей частью недоступном людям, наделенным избытком

земных благ. Но если и к нему богатство течет рекой, он не прилагает к нему сердца, сохраняя независимость своего духа, и пользуется земными благами во славу Божию. Подражая богатому Аврааму, оказавшему гостеприимство странникам, или Самому Господу, явившемуся в лице одного из них, истинный христианин охотно отверзает свое сердце и сокровища для помощи бесприютным и голодным, а в лице их Самому Господу, Который скажет ревнителям христианского милосердия на всемирном Суде: «странен бых, и введосте Мене. Взалкахся бо, и дасте Ми ясти, возжадахся, и напоисте Мя» (Мф. 25, 35).

Вопроси себя, душа христианская, прдражаешь ли ты страннопримному Аврааму, убеждена ли в том, что земные блага дарованы тебе не для тебя одной, а вместе для того, чтобы делиться ими с ближними, – и поступаешь ли согласно с этим убеждением? Горе тебе, если самолюбие сделало тебя нечувствительной к нуждам ближних: тебе грозит опасность быть отлученной от обещанного благочестивым наследия живота вечного и в настоящей жизни не знать спокойствия и довольства, при всем избытке земных благ.

Глава 12 Содом

Одожди Господь от Господа огонь иногда на беззаконие гневающее [п](неистовое), сожег содомляны; ты же огонь вжегла еси гееннский, в немже имаши, душе, сожещися [п](будешь гореть).

Страна, выбранная Лотом для жительства по разлучении с Авраамом, была южная часть Иорданской равнины, обильная пажитями и водой, и населенная городами.

Стада Лота паслись на полях этой равнины под надзором его пастухов, а сам он поселился в одном из городов ее, в Содоме. Последствия показали, как неудачно был выбран этот город для жительства. Городская жизнь вместе с удобствами общежития вообще представляет немало искушений и соблазнов. Но Содом всего опаснее был в этом отношении. В нем господствовало «неистовое беззаконие». Главный вид этого беззакония состоял в противоестественном любострастии (Быт. 19, 5), известном под именем содомского греха. Но пророк Иезекииль, обвиняя иудеев в подражании содомлянам, упоминает еще о следующих грехах жителей Содома: это гордость, невоздержание, изнеженность, праздность и немилосердие к бедным (Иез. 16, 49–50).

Неистовое беззаконие содомлян, увеличиваясь все более, вызвало, наконец, против них строгий Суд Божий. «Вопль содомский и гоморрский умножися ко Мне и грехи их велицы зело» (Быт. 18, 20), сказал Господь Аврааму, когда явился ему в виде одного из трех странников. Слова Господа означали, что грехи содомлян истожили, наконец, долготерпение Господа и самой крайностью своей, без сторонних доносчиков и обвинителей, громко взывали к Его правосудию, которое и не замедлило открыться. Господь дождем пролил с неба огонь и серу на Содом и соседние с ним беззаконные города и истребил их с лица земли, и на месте их образовалось Мертвое или соляное море. Казнь сию совершил Сам Господь, явившийся Аврааму в виде одного из трех странников. Явился собственно Сын Божий, второе лицо Святой Троицы, но совершение казни

приписывается в библейском сказании не Ему одному: «Господь одожди... жупел и огонь от Господа с небесе» (Быт. 19, 24). «Под Господом, от Которого Господь явившийся ниспослал казнь, разумеется Господь, неявленно пребывающий на Небесах, то есть Бог Отец» (Записки на Книгу Бытия святителя Филарета. ист. 1867, стр. 136).

Страшен огонь, истребивший Содом и соседние с ним города; но он есть только образ огня гееннского, уготованного тяжким и вместе нераскаянным грешникам. Содомляне, по слову апостола Иуды, подверглись казни не временной только, но и казни вечного огня, и в этом отношении поставлены нам в пример для предостережения (см.: Иуд.1:7).

Не забывай, душа христианская, этого примера; знай, что вечный гееннский огонь, уготованный первоначально диаволу и аггелам его, грозит и всякому нераскаянному грешнику, что пламень этого огня будет находить неистощимую пищу в грехах твоих, не омытых слезами покаяния, и ты будешь гореть в нем, но никогда не соришь. Бойся вечных гееннских мук и не утешай себя ложной мыслью, разделяемой многими не по-христиански рассуждающими, будто вечность мучений не согласна с правосудием и милостью Божией. Сколько не умудряйся, не выкинешь из написанного в Евангелии о грешниках: «идут сии в муку вечную» (Мф. 25, 46). Позволительно утверждать, что адские муки не для всех будут одинаковы, и, смотря по степени вины, для одних будут более, для других менее тяжки; но отвергать вечность их – непростительная дерзость.

* * *

Запаления, якоже Лот, бегай, душе моя, греха, бегай Содома и Гоморры, бегай пламене всякаго бессловесного желания.

Известно, что Лот со своим семейством спасся от гибели, постигшей жителей Содома; но он потому избежал огненного запаления, что избегал пламени греха, живя среди людей, объятых этим пламенем.

Он был праведником среди нечестивых, и когда Авраам ходатайствовал пред Господом о пощаде Содома ради немногих в нем праведников, он имел в виду праведного Лота с

семейством. И если бы в Содоме нашлось хотя бы десять подобных праведников, Господь обещал Аврааму ради них пощадить нечестивых. К сожалению, в Содоме не нашлось столько праведников. Один Лот с семейством, – всего четыре души, – явился праведным, остальные были преданы нечестию. Нет сомнения, что ему было тяжело жить в их обществе. И от них, конечно, он терпел презрение и ненависть, ибо зло никогда не мирится с добром, и привыкшему ко тьме неприятен свет (см. [Ин. 3, 20](#)); да и сам Лот, по слову Апостола, «живя между ними (нечестивыми), ежедневно мучился в праведной душе, видя и слыша дела беззаконные» ([2Пет. 2, 8](#)). Все это, однако, не поколебало его веры и благочестия, не уклонило его от пути праведности.

Пример тем более доступный для нашего подражания, чем благоприятнее для нас в нравственном отношении окружающие нас условия. Много зла в окружающей нас среде, но не мало и противоядия; много соблазнов и искушений, но не мало и средств для противодействия им; много людей, похожих по образу жизни на содомлян, но не мало и истинных христиан, общение с которыми может быть душеспасительно; много мест для мирских развлечений, растлевающих души, но не мало и храмов Божиих, присутствие в которых может доставить каждому обильную духовную пищу, обильное духовное утешение, несравненно превосходящее всякую земную радость; много в мире книг, распространяющих заблуждения, питающих одно праздное любопытство и склонность к рассеянности, но не мало и таких, через которые проникает в общество здоровое учение истины и дух благочестия.

Итак, если Лот, живя в среде нечестивых и не видя благочестивых, мог сохранить веру и благочестие, то не гораздо ли удобнее этот подвиг для христианина, который видит вокруг себя не одни искушения и соблазны, но и благоприятные условия для борьбы с ними?

К сожалению, как много христиан, которые не пользуются этими благоприятными условиями, которые легко воспламеняются пламенем всякого бессловесного, неразумного желания, уподобляясь в этом отношении бессловесным

животным! Мотылек летит на огонь, не подозревая опасности обгореть; конь упрямо стоит в сарае, объят пожаром, и делается жертвой его.

Подобно сему и многие грешники отдаются бессловесным греховным желанием, не обращая внимания на горькие последствия. Страстный игрок не хочет знать, что разорится, пустит по миру свое семейство; преданный пьянству не рассуждает, что губит своей страстью тело и душу и внешнее свое благосостояние; гневливый и раздражительный не сдерживает себя опасением вреда и страданий для ближних от его гневливости.

Бессловесные желания или похотения вообще отнимают у человека разум и уподобляют его скотам несмысленным. Бойся, душа, пламени бессловесных желаний, губительного для тебя и для ближних твоих; пойми, как унижительно для твоего человеческого достоинства поступать со скотским несмыслием, и будь настолько рассудительна, чтобы хоть по чувству самосохранения побережь себя от пламени гееннского, угрожающего тем, которые не берегут себя от пламени греховного.

* * *

На горе спасайся, душе, якоже Лот оный, и в Сигор угонзай [п] (спеши укрыться в Сигоре).

Спасение от гибели, на которую обречены были содомляне, устроено было для Лота и его семейства двумя Ангелами, которые накануне этой гибели были вместе с Господом у Авраама в его Мамврийском жилище.

Отделившись от Господа во время Его беседы с Авраамом о предстоявшей казни Содома, они пришли в Содом и приняты были гостеприимным Лотом. Развратные содомляне подступили к дому его и требовали, чтобы он выдал им этих гостей; но Ангелы поразили буйную толпу слепотой и заставили ее разойтись, а Лоту сказали, что они посланы истребить Содом.

На другой день рано утром Ангелы начали торопить, чтобы он вышел с женой и двумя дочерьми из Содома и не подвергался угрожающей ему опасности. Лот медлил. Тогда Ангелы взяли за руку его, и жену его, и двух дочерей его и

вывели из города. Потом один из них сказал ему: «спасай жизнь свою, не оглядываясь назад и нигде не останавливайся в окрестности сей; спасайся на горе, чтобы тебе не погибнуть». Но Лот не надеялся благовременно достигнуть горы и просил у Ангела позволения укрыться в ближайшем небольшом городе, Сигоре. Позволение дано с повелением, чтоб Лот спешил в этот город.

Затем последовала казнь Содома; погибли все жители, не исключая нареченных зятьев Лота, которые не послушали его совета уходить из Содома и приняли его совет за шутку.

Как много поучительного во всем этом для души христианской! Для спасения Лота посланы Ангелы. Ангелы же посылаются на служение всем хотящим наследовать спасение (см.: Евр. 1, 14). Особенно заботятся о нашем спасении Ангелы Хранители, приставленные к каждому из нас. Тайными внушениями они отвращают нас от пути погибели и направляют на путь покаяния и добродетели.

К спасению призывает нас также Слово Божие, читаемое или слышимое нами, голос совести, наставления пастырей Церкви, благоприятные или неблагоприятные обстоятельства нашей жизни, смерть близких нам людей. Все это – Ангелы или вестники воли Всеблагого Господа, хотящего всем спастися и в разум истины прийти. Внимай им, христианская душа, и, подобно Лоту, на горе спасайся. Небо, где Престол Божий, где обитает Господь Вседержитель среди сонмов бесплотных Сил, – вот гора, где ты должен спастись от соблазнов и искушений мирских; туда возводи очи твои и оттуда молитвой привлекай помощь от Господа, сотворившего небо и землю (Пс. 120, 1). О Небе помышляй, о нем воздыхай, в Небесное жилище водвориться желай, пристрастие к земному отревай и всему на свете блага небесные предпочитай. Но для того, чтобы тебе легче было поддержать в себе это стремление к небесному, воспитай в себе любовь ко храму Божию, который, как место особенного присутствия Божия, подобное небесам, есть земное небо, так что мы, в храме стояще, на Небеси стояти мним. Укрывайся почаще в это убежище от мира и его суеты. Скоро ли удастся тебе достигнуть Небесных обителей, не известно; но на

пути к ним нет лучшего места отдохновения, как храм Божий. Лот не прямо на указанную ему гору бежал из Содома, но на пути к ней остановился в ближайшем городке Сигоре, и уже отсюда перебрался на эту гору.

Храм земной на пути к Небу, есть то же, что Сигор. «Угонзай», поспешай в этот святой Сигор, и в нем укрепляй себя благодатными силами для странствования к Горним обителям, – и ты благополучно достигнешь их и водворишься в них навсегда, как Лот навсегда водворился в Моавитских горах. Не один, впрочем, храм Божий, но и вообще жизнь в удалении, по возможности, от мира и его сует есть то же, что Сигор на пути к горам Моавитским.

* * *

Не буди столп сланый, душе, возвратившись вспять, образ[н] (пример) да устрашит тя содомский. Горе в Сигор спасайся.

Лоту дано было Ангелом повеление, чтобы он во время бегства из Содома не оглядывался назад. Жена Лотова, вопреки этому повелению, данному для испытания веры и послушания, оглянулась назад, желая, быть может, вернуться в Содом для спасения дорогих для нее вещей и, пожалуй, остаться там. Последнее желание могло явиться в ней по сомнению в действительности приговора, произнесенного о Содоме. Во всяком случае за преслушание воли Божией она заслуживала наказания, которое и постигло ее. Она обращена в соляной истукан.

Нельзя не видеть в этом примере предостережения для каждого из нас. Жена Лотова, оглянувшись назад, есть образ души, вступившей на путь покаяния и заповедей Господних, но не идущей по этому пути решительными шагами. Господь Иисус Христос имел в виду людей с подобным направлением, когда сказал: «Никтоже возлож руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии» (Лк. 9, 62).

Они восчувствовали свое греховное состояние и тягость его для совести и решились исправить свою жизнь, поступать по заповедям Христа и примеру Его, в духовном удалении от мира и его сует, от господствующих в мире похотей плотоугодия,

корыстолюбия и честолюбия. Но для их решимости не хватает твердости и постоянства.

Они похожи на земледельца, взявшегося за плуг для возделания и приготовления земли к посеву, но во время этой работы оглядывающегося назад и не замечающего неправильности и бесполезности своей работы.

Они сначала с усердием принимаются за подвиги благочестия и добродетели, а потом ослабевают в них, и вместо того, чтобы бодро идти вперед путем богоугождения, останавливаются на этом пути, начинают скучать новым образом жизни, с сожалением помышляют об оставленном Содоме, то есть о суетных и греховных радостях мира, и сперва одной мыслью и воображением, а затем самым делом возвращаются к прежним греховным навыкам, и, таким образом, семена духовной жизни, посеянные на ниве их сердца, гибнут, едва успеют дать слабый росток. Сердца их подобны пропитанной солью и потому бесплодной земле (см. [Иов 39, 6](#); [Иер. 17, 6](#)), делаются негодными для духовной жизни, и сами они обращаются в соляной столп, то есть похожи на него по своей духовной безжизненности.

Не доводи себя, христианин, до этого пагубного состояния. «Образ содомский», пример жены Лотовой, «да устрашит тебя». Бойся пристрастными желаниями возвращаться к миру, от которого с его соблазнами и искушениями ты решился было удалиться, если не телом, то духовно; больше и больше укрепляй себя в этой святой решимости, дальше и дальше беги от всего того в мире, что может задержать тебя на пути в Царство Небесное: «горе – в Сигор спасайся», будь как можно выше земных пристрастий, только в этом твое спасение.

Глава 13 Агарь и Измаил

Агари древле, душе, египтянине уподобилася еси, поработившия произволением и рождши нового Исмаила, презорство [п](дерзость).

Господь неоднократно повторял Аврааму обетование о происхождении от него многочисленного потомства. Но обетование не исполнялось. Сарре, жене Авраама, показалось, что причина тому в ней одной заключается, в ее неплодстве, и потому с намерением споспешествовать исполнению обетования нетерпеливая Сарра уговорила Авраама вступить в сожитие с ее рабыней Агарью, египтянкой, с тем, чтобы дети от Агари были детьми ее, Сарры (см.: Быт. 16, 2).

И вот, от Агари родился Аврааму Измаил. Еще до рождения его Ангел Господень предвозвестил Агари о нем и его потомстве: «Он будет между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него» (см. Быт. 16, 12).

Это означало, что Измаил и его потомки будут отличаться «презорством» – дерзостью, с какой будут нападать на соседей и путешественников, промышлять разбоем для приобретения средств к жизни. Но, обижая других, они и сами будут встречать отпор от них: все будут враждебно к ним относиться, всячески вредить им. История измаильского племени, одного из кочевых разбойничьих племен Аравии, оправдала это предсказание.

Агарь-раба есть образ поработанной греху души. Никто не изъят от этого порабощения. «Аминь, аминь, глаголю вам, – сказал Господь Иисус, – яко всяк творяй грех раб есть греха» (Ин. 8, 34). Кто же может сказать о себе, что он непричастен греху, что не грешит, если не делом, то словом или мыслью? Все мы, по самой природе, повреждены грехом, рабствуем греху, все имеем неодолимую склонность к греху. Власть его над собой испытывают и оплакивают даже святые люди. Каждый из них исповедует вместе с Апостолом: «Не еже бо хочу доброе, творю, но еже не хочу злое, сие содеваю. Аще ли еже не хочу аз, сие творю, уже не аз сие творю, но живой во мне грех. Соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему

человеку: вижду же ин закон во удех моих, противу воющу закону ума моего и пленяющ мя законом греховным, сущим во удех моих» (Рим. 7, 19–20, 22–23).

Поистине жалко положение души, по самой природе рабствующей греху и стонающей под этим рабством. К сожалению, она порабощается греху не по природной только склонности к нему, но еще «произволением». Весьма часто случается, что она совсем не борется с природной склонностью ко греху, совсем не почитает унижительным своего природного греховного рабства, совсем не ощущает потребности освобождения от него. Напротив, она волей закабаляет себя в это постыдное рабство, не только не избегает случаев ко греху, но сама ищет их, находя в грехе удовольствие. Она мечтает об этом удовольствии как о великом для себя счастье и готова на все жертвы, чтобы почаще испытывать это пагубное удовольствие. Ее беспокоит не то, что она утратила силу воли для борьбы со грехом, а то, что иногда ей не удастся совершить грех. Грех поработил не только волю ее, но и ум, и совесть. Она доходит до того, что перестает грех признавать за грех, и уже не слышит обличений совести.

Отсюда происходит то «презорство», или дерзость и бесстыдство, с каким она отдается своим греховным склонностям. Ни страх Божий, ни страх бесчестия и наказания не удерживают ее от греховных навыков. Она ни Бога не боится, ни людей не стыдится. От ее дерзости страдают ближние, подобно тому как от рук Измаила, сына Агари, промышлявшего разбоем, терпели соседи и проезжие. Измаил есть образ души, которая ни во что ставит благо ближних. Есть люди, для которых ничего не стоит, с дерзостью Измаила, посягнуть на честь ближнего, оскорбить его в лицо злоречием, распустить про него гнусные клеветы, соблазнить его, ограбить. Все это крайности, до которых может доходить порабощенная греху душа.

Вопроси себя, душа христианская, не причастна ли и ты этим крайностям, или, по крайней мере, нет ли в тебе злых зачатков, которые могут разродиться подобными крайностями.

Пойми опасность твоего положения; пойми, как унижительно для твоей богоподобной природы поработать себя греху, как неизвинительно – сознательно и произвольно держать себя в этом поработании после всего, что сделано нашим Искупителем для освобождения нас от греховного рабства. Перестань быть Агарью и Измаилом, поспеши сойти с пути, ведущего к гибели.

* * *

Исмаила слышала еси, душе моя, изгнана, яко рабынино отрождение. Трезвися, виждь, да не како подобно что постраждеши, ласкосердствующи [η](за плотоугодие).

Спустя 14 лет по рождении Измаила родился Аврааму от Сарры сын обетования – Исаак. Прошло 2–3 года, – младенец отнят был от груди матери, и Авраам по сему случаю устроил пир.

Радость торжества омрачена была поведением Измаила. Он играл с Исааком и чем-то обидел его. Сарра вступилась за своего родного сына, пожаловалась Аврааму и уговорила его прогнать рабу с ее сыном, чтобы сын рабыни не наследовал отцу вместе с сыном свободной. Воля Сарры была исполнена. Раба и сын ее поселились в пустыне (см. Быт. 21, 8–21).

Это происшествие показывает, как непрочно положение раба в доме господина. Раб может сделаться близким к хозяину и его семейству, может быть допущен к общению с ними в трапезе; но не может быть уверен сегодня, что не прогонят его завтра.

Таково же положение рабов греха в Доме Божиим, то есть в Церкви Божией. «Раб же не пребывает в дому во век» (Ин. 8, 35). Раб греха может быть членом Церкви Божией, может вместе с истинными чадами ее приступать к общей трапезе Тела и Крови Христовой, присутствовать вместе с ними в одном молитвенном собрании. Но если он потому только принадлежит к Церкви, что крещен в ее недрах, и если благодатью, полученной в Таинстве Крещения и в прочих Таинствах, он не воспользовался, не подорожил ее дарами и остался по своей воле рабом греха, то он находится в опасности навеки быть изверженным из общества чад Божиих – не пребудет в одном

дому с ними вовеки. Церковь Божия в ее земном состоянии подобна полю, на котором до времени жатвы рядом с пшеницей растут плевелы. Церковь Божия подобна неводу, в котором пока не извлекут его на берег, с хорошими рыбами есть и худые (см. Мф. 13:24–30, 37:43–49). Соединение в земной Церкви рабов греха с истинными чадами Божиими допускается по премудрому и всеблагому смотрению, – с целью дать возможность одним обратиться на путь истинный через общение с другими, а последним укрепиться в любви к Богу и ближним через христианское перенесение обид от рабов греха и через подвиги ревности о спасении их. Но когда наступит день Суда Божия, тогда праведный Судия произведет разделение между теми, которые соединены были в ней при жизни, отлучит от истинных чад Божиих рабов греха, христиан только по имени. С ними поступлено будет подобно тому, как поступлено с Агарью и Измаилом, изгнанными из семейства Авраамова. Рабы греха, которым долготерпеливый Господь в ожидании их обращения допустил пребывать на земле в общении с истинными чадами Его, не наследуют Царства Небесного, а удалены будут навеки во тьму кромешную.

«Трезвися», душа христианская, «виждь да не како подобно что постраждеши, ласкосердствующи», – за плотоугодие.

Плотоугодие – один из видов греховного рабства.

Плотоугодник служит своему чреву, как Богу, принося ему в жертву здоровье, внешнее благосостояние, здравый смысл, уважение к церковным постановлениям о посте.

Плотоугодник погубляет свое человеческое достоинство, скотоподобно подчиняясь господству плотских похотений, истощая на служение им физические и душевные силы.

В плотоугоднике душа до того порабощена плоти, что способна думать и рассуждать только о плотском, на все смотрит с плотской точки зрения, со стороны одних материальных интересов и не знает другого, высшего блага, кроме земных наслаждений. Горе тебе, душа христианская, если ты отдала себя в рабство плоти. «Яко сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление» (Гал. 6, 8).

В Царстве Небесном нет места рабам плоти, плотоугодникам, – им место в геенне огненной. «Вижь, да не како подобно что постраждеши» (Из Великого покаянного канона святого преподобного Андрея Критского. Среда).

Глава 14 Исаак

Исаака, окаянная душе моя, разумевши новую жертву, тайно [н](таинственно) всесожженную Господеви, подражай его произволению.

Когда Исаак, сын обетования, достиг совершеннолетия, тогда Господь, искушая Авраама, испытывая его верность и любовь к Нему, потребовал от Авраама необыкновенной жертвы, повелел ему принести во всесожжение Исаака.

Авраам послушал Господа и, в надежде, что Всемогущий Господь, являвший к нему столько чудесных милостей, возвратит жизнь тому, кто обречен на жертву, решился заклать Исаака на жертвеннике и предать тело его всесожжению. Все было приготовлено к тому, чтобы принести эту поистине «новую», то есть беспримерную жертву. Оставалось совершить удар уже занесенным жертвенным ножом, – но Господь удержал руку Авраама, довольствуясь тем, что он уже заклал Исаака мыслью и этим подвигом самоотвержения проявил великую, беспримерную силу веры и преданности к Нему.

Жертва Авраама имела еще и другое значение: она «всесожжена была тайно», то есть таинственно. Она имела таинственный смысл, ибо предызображала жертву Христову, служила образом страданий, смерти и воскресения Христова. Черты сходства между образом и событием поразительные. Укажем на некоторые.

Авраам из любви к Богу жертвует сыном своим, единственным от Сарры: и Бог Отец не пощадил Сына Своего Единородного, но за всех нас отдал Его (см. Ин. 3, 16; Рим. 8, 32).

Исаак исходит из дома отца своего к месту, назначенному Богом для принесения его в жертву: Христу надлежало с крестом выйти из Иерусалима и пострадать вне врат его (см. Евр. 13, 11).

Исаак должен был нести на своих раменах, на гору жертвоприношения, дрова, приготовленные для его

всесожжения: Сам Иисус нес на Голгофу Крест, на котором распяли Его.

Исаак послушно предает себя отцу на заклание: Иисус является вполне преданным воле Отца Своего во время страданий и послушливым Ему до смерти, «смерти же крестныя» (Флп. 2, 8).

Исаак обрекается на смерть, не имея вины: Иисус страдает и умирает за вину других, Сам будучи безгрешен и свят.

Исаак, спасаемый от смерти, есть образ Христа, избавившего Себя от уз смерти воскресением.

Но кроме таинственно-прообразовательного смысла жертвоприношение Исаака имеет нравоучительное значение. Велик подвиг послушания Богу Авраама, не поколебавшегося принести Ему в жертву Исаака. Но не менее велико «произволение», или решимость, Исаака отдать себя беспрекословно в руки отца, допустить отца связать его и положить на жертвенник для заклания и всесожжения.

Подражай, душа христианская, сему «произволению», будь готова с самоотвержением и всецелой преданностью воле Божией нести бедствия и скорби, какими Господу угодно испытать твою веру и любовь к Нему. Не только не ропщи, а паче благодари Господа, посылающего на тебя это испытание для очищения тебя от греховных скверен, для возбуждения в тебе духа покаяния, для обучения тебя смирению. Чем тяжелее кресты, возлагаемые на тебя Господом, тем светлее венец за христианское, в духе благочестия, перенесение их. Но горе тому, кто с ропотом на Господа без смирения и покаяния несет их: ему и в этой жизни нехорошо, и в будущей не ждать ему отрады и утешения.

Подражай, душа христианская, самоотвержению Исаака не только в терпении внешних скорбей и бедствий, но и в борьбе с греховными искушениями, идущими и при отсутствии внешних скорбей и бедствий от мира, плоти и дьявола. Так, если ты вовлечен в общество людей, с которыми весело проводишь время, но которые нравственно растлевают тебя, колеблют в тебе веру и страх Божий, – поспеши бросить это общество и, хотя бы по привычке к нему для тебя было так же тяжело

расстаться с ним, как если бы стали вырывать у тебя глаза и рубить правую руку, – перенеси эту боль с христианским самоотвержением, если не хочешь погибнуть в геенне огненной.

Если тебе по привычке к жизни изнеженной и рассеянной тяжело возложить на себя подвиг поста и молитвы, – перемоги себя и с самоотвержением возьмись за этот подвиг. Упражнение в нем, сначала скучное и неприятное, со временем делается приятным и усадительным.

Если к тебе приходят нечистые помыслы независимо от твоей воли, единственно по тайному действию духа злобы, – не останавливайся на них вниманием и сочувствием и, как ни тяжело бороться с ними, борись с самоотвержением, чтобы не сделаться добычей врага.

Во всех подобных случаях подражай самоотверженному произволению Исаака, решившегося во цвете лет и сил расстаться с жизнью на жертвеннике всесожжения, – из послушания воле Господа.

Глава 15 Исав

Исава возненавиденного подражала еси, душе, отдала еси прелестнику [н](запинателю) твоему первыя доброты [н] (красоты) твоя первенство [н](первородство), и отеческия молитвы [н](благословения) отпала еси, и дважды поползнула еси[н] (запнулась), окаянная, деянием и разумом: тем же ныне покайся.

Исаак имел от Ревекки двух сыновей-близнецов, Исава и Иакова. Исав был первородным. Но он не удержал прав и преимуществ, свойственных первородным. Он легкомысленно, за снесь, уступил свои права Иакову и лишился отеческого благословения, которое отцом предназначено было ему как первенцу, но предвосхищено было Иаковом. Огорченный этим унижением, Исав сказал об Иакове: "праведно (недаром) наречется имя ему Иаков: запя бо мя се уже вторицею, и первенство мое взя и ныне взя благословение мое» (Быт. 27, 36).

Смысл этих слов такой: Иаков значит запинатель. Имя это дано ему потому, что при рождении он запнул, или задел, Исава за пята. Но Исав видит в этом имени предзнаменование своего унижения перед братом и говорит, что это предзнаменование оправдалось в двух случаях: Иаков запнул его или помешал его благополучию тем, что сперва купил у него первенство за дешевое кушанье (см. Быт. 25, 36), а теперь хитростью предвосхитил у него отчее благословение. Это, конечно, было великим несчастьем для Исава, – но он заслужил его своим легкомыслием и грубостью нрава, – свойствами поистине ненавистными пред Богом и людьми.

Унижение ненавистного Исава перед Иаковом есть образ унижения души, отдавшей во власть греха. Душа по самой природе своей превознесена Творцом пред всеми земными тварями. Она сотворена не из земных стихий, как прочие земные существа, а непосредственно Самим Богом вдохнута в тело человека. Она украшена образом и подобием Божиим, или подобно Богу есть существо духовное, бессмертное, разумное и

свободное. Ради этих достоинств, ради этой «первой», с самого сотворения данной ей «доброты», она в ряду всех земных тварей явилась первенцем, заняла первенствующее и господственное положение, подобное тому, какое в семействе принадлежало первородным; но душа не сохранила своего первоначального достоинства и в этом отношении поступила не лучше Исав. Исав за дешевое кушанье отказался от первородства в пользу Иакова: и душа, в лице Адама и Евы, тоже на снесь променяла свое достоинство, – и до сих пор мирские наслаждения нередко предпочитает тому, что может удовлетворять духовным, свойственным ее богоподобной природе потребностям. Совесть и долг призывают ее к молитве, к поучению в законе Господнем, к покаянию, – но вот представился случай провести весело время в обществе людей, собравшихся для опасных в нравственном отношении развлечений, – и случай не упущен, искушение не встретило сопротивления в слабой душе. В этом отношении она поступает еще хуже Исав: этот согласился на унижение себя перед родным младшим братом, а она уступает над собой власть «прелестнику» – дьяволу, участвующему во всяком искушении с тех пор, как он обольстил наших прародителей.

Далее, Исав лишился отеческого благословения, предвосхищенного Иаковом. Равно и душа, добровольно рабствующая своему прелестнику, или искусителю, навлекает на себя неблаговоление Божие, как навлекли его послушавшиеся искусителя Адам и Ева.

Исав почитает себя двукратно униженным пред Иаковом. Унижение души, побежденной греховными искушениями, также двояко: сначала она отступает от закона Божия только «деянием», которое, впрочем, осуждается разумом, – грешит, но не теряет сознания своей виновности, – грешит по слабости воли, а не по убеждению, что в грехе нет вины: потом привычка ко греху затемняет в ней сознание греха, она начинает оправдывать грех, примиряется с ним мыслью, перестает различать, что грешно и что не грешно, забывает о различии добра от зла: она грешит «разумом». Горе тебе, окаянная душа,

если ты дошла до этого состояния или близка к нему! Поспеши покаяться и покаянием спасти себя от вечного осуждения.

* * *

Едом Исав наречется крайнего ради женонеистовного смешения [п](за крайнее пристрастие к женам): невоздержанием бо присно разжигаем и сластями оскверняем, Едом именовася, еже глаголется разжжение души любогреховныя.

Исав прозван Эдомом, что значит – «красный», в память той жадности и легкомыслия, какую обнаружил он, когда, возвратившись с охоты голодным и увидав у Иакова кушанье, по цвету красное, сказал ему: «накорми меня красным этим», – и за это кушанье отказался в пользу Иакова от своего первородства. Что мне в этом первородстве, когда я умираю (с голоду), – сказал он при сем и свой отказ от первородства подтвердил клятвой (см. Быт. 25, 30–33).

Таким образом, в угоду чувственности он не только не подорожил священными правами, соединенными с первородством, но показал еще недостаток благоговения к имени Божию, запечатлев им свой непохвальный поступок. Имя Божие не было для него священным, сила чувственности победила в нем страх к нему. В этом смысле апостол Павел называет Исава «сквернителем» (см. Евр. 12, 16), то есть презрителем святых.

Страсть к чувственным наслаждениям сказалась также в любострастии Исава. Она была причиной, что Исав имел жен из нечестивого Ханаанского племени, – они были в тягость Исааку и Ревекке, особенно недовольна была ими Ревекка: она от них жизни была не рада (см.: Быт. 26:35, 27:46). Что мне до того, – рассуждал, конечно, Исав, – что они язычницы, не веруют в Единого Истинного Бога, чтут ложных богов и предаются мерзостям языческого суеверия, например, прибегают к волхвованию, – за все это не мне отвечать, это дело их совести: мне нужна не вера их, а ложе их.

Чувственность и в этом случае говорила в нем языком, подобным тому, каким он говорил Иакову: мне не нужно первородство, – мне нужно кушанье. В обоих случаях он

заслуживал прозвища – Едом, – красный: в нем горел пламень чувственных страстей, так сказать, докрасна, до крайней степени накалявший все его существо.

Чревоугодие и любострастие Исава, невоздержанием присно разжигаемого и любострастием оскверняемого, сделали его образом всякой грехолюбивой души, подобно ему воспламеняемой чувственными страстями. Горе душе, пожираемой этим пламенем! Подобно Исаву, она теряет уважение ко всему святому.

Для чревоугодника не существует постов – он глумится над ними и над самой Церковью, их заповедавшей. А пламень любострастия пожигает, наконец, самую совесть в человеке.

Он без смущения и стыда приносит в жертву своей скотской страсти честь девиц и замужних, не стесняясь законами Божескими и человеческими.

Он даже тщеславится своими похождениями, как бы великими подвигами, и жестоко глумится над людьми честными, чистыми и целомудренными.

В нем до того затемнены понятия о различии добра и зла, что он не только не почитает грехом, а еще называет честным делом бросить жену, как только почувствует охлаждение к ней и найдет себе другой предмет привязанности.

Святости брачного союза, освященного Таинством, для него не существует. Поистине это Исав-сквернитель. Бойся, душа христианская, подражать ему.

Глава 16 Иаков

Иаковлю лествицу разумела еси, душе моя, являемую от земли к небесам. Почто не имела еси [п](не избрала) восхода тверда, благочестия?

Исаак, благословляя Иакова, нарек его господином над братом его Исавом и утвердил за первым обетование обладания землей, обильной хлебом и вином. Исав за предвосхищенное у него благословение воспытал враждой против Иакова и грозил убить его, как только умрет отец.

Иаков, по совету родителей, спасаясь от ярости брата, предпринял путешествие в Месопотамию, где и провел 20 лет у дяди своего Лавана и женился на дочерях его Лии и Рахили. На первом ночлеге во время этого путешествия Иаков сподобился чудного видения во сне. Ему показана была лестница, от земли достававшая до неба. По лестнице восходили на небо и нисходили на землю Ангелы Божии, а наверху лестницы занимал место Сам Господь. Господь удостоверил при сем Иакова в Своем покровительстве во время его странствования и на всех путях его жизни и подтвердил ему обетования, данные Аврааму.

По пробуждении от сна Иаков, одобренный видением и словами Господа, по чувству благодарности к Нему поставил на месте видения каменный столп, принес на нем бескровную жертву Господу, возлив на верх столпа елей, и дал обет, если благополучно возвратится на родину, принести Господу десятую часть от своего имущества (см. Быт. 28, 12–22).

Видение лествицы было знаменательно не в отношении только к Иакову. Оно вообще знаменовало непрерывающееся общение мира духовного с избранниками Божиими на земле, – показывало, что не только Сам Господь с высоты святой Своей призывает на них, но и слуги Его Ангелы по воле Его нисходят к ним для охранения их. Но преимущественно видение лествицы знаменательно было в том отношении, что предсказывало тайну воплощения Сына Божия. Грех расторгнул тесный союз человека с Богом и с верными Его слугами – Ангелами.

Через сошествие Сына Божия на землю и все Его искупительные действия, как бы через лестницу, небо снова соединилось с землей, Бог с людьми, снова водворился на земле мир с Богом и открылся путь к Небу странникам земли. В этом именно смысле разумеет Иаковлево видение лестницы научил нас Сам Господь Иисус, когда в беседе с Нафанаилом открыл ему, что отселе верующие в Него очами веры будут «зреть Небо отверстое и Ангелов Божиих, восходящих на Небо и нисходящих к Сыну человеческому» и в лице Его ко всем искупленным людям (см. Ин. 1, 51).

Но чем поразительнее милость к нам Господа, открывшаяся в воплощении ради нас Сына Божия, тем достойнее сожаления, что мы не умеем пользоваться ею. С воплощением Сына Божия для всех земнородных открыт путь к Небу: и Сын Божий простирает с высоты Небес объятия Своего милосердия, призывая нас на Небо, и Ангелы Божии посылаются с Неба для всех желающих наследовать спасение (см. Евр. 1, 14), и всегда готовы облегчать нам восход на Небеса. Но грех так крепко привязывает душу к земле, что ей не хочется даже думать о восходе на Небо. У ней недостает того, что нужно для безопасного восхода на Небо, – нет благочестия, того благоговейного настроения духа, которым проникнут был Иаков, когда сподобился видеть чудную лестницу. Он сподобился этого утешительного видения во время путешествия в дальнюю страну, которое совершал один, без слуг, пеший, с одним жезлом в руках и с дорожной сумой. Надобно было иметь немало самоотвержения, чтобы не устрашиться трудностей такого путешествия. Что же поддерживало его в этом самоотвержении? Единственно упование на Бога. Он уповал, что Господь, избравший его в наследники Своих обетований, не покинет его и проведет его благополучно через все трудности и препятствия на всех путях его жизни. «Господь – Пастырь мой, – говорил он про себя, – я ни в чем не буду нуждаться... Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня» (Пс. 22, 1, 4). Видением лестницы еще больше подкреплено было упование на Бога.

Какой внушительный пример для твоего подражания, душа христианская! Путь к Небесному Отечеству не менее труден, как и путь Иакова в дальнюю страну. Но если Иаков утешался надеждой на помощь Божию и на получение обещанных ему благ, – то и ты, душа христианская, ободряй себя к перенесению трудностей пути к спасению упованием на благость и любовь Господа; ибо если Он «Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Рим. 8, 32) – упованием на Его всемогущую силу, совершающуюся в немощах наших, на верность и непреложность Его обетований вообще, особенно же относящихся к нашему вечному спасению (см. Евр. 10, 23).

Далее, благочестие Иакова выразилось в том, что после видения он поспешил принести Богу жертву и дал обет принести Ему новую жертву. И каждый из нас должен приносить Богу жертвы: дух сокрушенный и смиренный, жертву хвалы и благодарности Господу, жертву благотворения ближним, ибо всеми этими жертвами благоугождается Бог, – каждый должен давать Богу обеты или обязательства всегда благоугождать Богу подобными жертвами. Они восходят к Богу, как дым кадила восходит кверху, и облегчают нам восход на Небо. Как жаль, что ты, душа христианская, не избираешь этого благонадежного восхода, не подвизаешься в делах благочестия, боишься трудностей и унываешь при одной мысли о них!

Перестань малодушествовать и с упованием на помощь Божию вступи на предлежащий подвиг. Без подвига нет воздаяния.

* * *

Лествица, юже виде древле великий в патриарсех, указание есть, душе моя, деятельного восхождения, разумного восшествия. Аще хочещи убо деянием и разумом и зрением пожити, обновися.

По лестнице, виденной Иаковом, восходили Ангелы. Это означало не только то, что Иаков и подобные ему находятся под покровом Сил Небесных, но и указывало на то, что христианская душа должна стремиться к равноангельскому совершенству в духовной жизни. Она должна постепенно

отрешаться от земных пристрастий, подобно тому как по ступеням лестницы чем выше поднимаются кверху, тем дальше отходят от земли. Она должна поставить себе задачей достижение ангельского бесстрастия и совершенства. Она должна помнить заповедь Спасителя: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48), и стремиться к исполнению сей заповеди с ангельской ревностью. Смысл заповеди не тот, что мы должны быть совершенны в одинаковой мере с Отцом Небесным, а тот, что если Отец Небесный беспредельно совершен, то мы можем быть совершенными в отмеренном нам круге действия соответственно данным нам силам и условиям. Так мы не можем быть милосердны в той степени, как милосерд Отец Небесный, простирающий Свое милосердие на весь мир; но мы можем подражать милосердию Его в доступном нам круге действия по мере данных нам сил и средств. Ближайшим руководством в духовном усовершенствовании себя должна служить для нас жизнь Иисуса Христа. "В вас, – говорит Апостол, – должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп. 2, 5). Всем нам вменяется в обязанность достигать до зрелости совершенного мужа, приходить в меру возраста полноты Христовой (см. Еф. 4, 13).

К духовному совершенству мы должны стремиться не ослабевая, не останавливаясь на пути к нему, но простираясь все дальше и дальше, поднимаясь все выше, подобно Апостолу, который говорил о себе, что он, забывая заднее и простираясь вперед, стремится к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе (см. Флп. 3, 13–14).

По словам Григория Двоеслова, душа наша подобна кораблю, плывущему вверх по реке. Если он не будет подниматься вверх, то спускается вниз, – на одном месте не может стоять («Указание пути ко спасению» епископа Петра. 1872. С. 12). Так и в духовной жизни: застой в ней есть смерть для души, созданной по образу Божию и способной развиваться в бесконечность. Кто не идет вперед, тот пятится назад. Не поддерживаемая ревностью к дальнейшему усовершенствованию, жизнь духовная слабеет. Недостаток этой

ревности может происходить от нравственной усталости, когда человек чувствует, что ему не под силу держать себя в постоянном духовном напряжении, – или от самодовольства, когда человек, оглядываясь на пройденное им поприще, станет любоваться своими успехами в духовных подвигах и скажет себе: «Довольно потрудился, теперь можно позволить себе какую-нибудь льготу, пора отдохнуть». Самодовольство всего более пагубно для человека, – оно есть шаг к нравственной распушенности и ведет к опасности потерять плоды всех предшествовавших трудов.

Преуспевание в духовной жизни должно состоять в «деятельном восхождении», в том, чтобы подвигаться вперед в благоустроении нравственного поведения, в христианском доброделании, в том, чтобы постепенно усовершенствоваться в благочестии, в набожности, в молитве, в смирении, в кротости, в милосердии, в целомудрии, в подвигах чистоты душевной, вообще в исполнении заповедей, данных для упражнения воли и сердца, «в деянии».

Но с деянием должно соединяться разумение, «с деятельным восхождением разумное восшествие». Недостаточно только жить благочестиво и добродетельно, надобно еще заботиться о сознательном усвоении учения о христианской жизни, а именно надо узнать, в чем состоят добрые дела, как должно творить их, при каком условии они могут быть богоугодны.

Не знающий ничего подобного находится в опасности под именем добрых дел творить совсем не добрые или не получить никакой пользы для души от творения добрых дел, если по невежеству будет творить их без смирения, с пренебрежением к другим нравственным обязанностям.

Кроме нравоучительных истин христианин обязан упражняться в познании догматов веры. Незнание их может вести к грубейшим заблуждениям, – к ереси, суемудрию, к суеверию, и потому не менее пагубно, как нехристианская или ложно-христианская жизнь. Что каждый должен не только жить по-христиански, но и заботиться о духовном просвещении себя, это внушает Апостол, когда говорит: «не будьте дети умом: на

злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (1Кор. 14, 20); «не будьте нерассудительны, но познавайте, что́ есть воля Божия» (Еф. 5, 17).

Многие не почитают для себя обязательным следовать подобным внушениям, говоря в оправдание себя: мы люди темные, с нас за невежество не взыщут. Но в самом этом оправдании лежит обвинение против себя. Сознание недостатков, если оно искренно, должно вести к исправлению себя. Голодный не ограничивается тем, что скажет: «я голоден», а старается достать себе кусок хлеба. Подобно сему и называющий себя темным человеком, если только он не намеренно любит оставаться во мраке, должен искать выхода из него.

Христианину не извинительно не только жить в духовной темноте и пробавляться только начатками христианского учения, – ему вменяется в обязанность восходить в разумении его выше и выше. «Да растете... в разуме Господа нашего и Спаса Иисуса Христа», – пишет апостол Петр (2Пет. 3, 18). И апостол Павел внушает верующим из евреев: «оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству» (Евр. 6, 1). Он же благодарит Бога за то, что при помощи благодати Божией коринфяне «обогатились... всяким словом и всяким познанием» (1Кор. 1, 5). Венец разумения того, что нужно знать и творить для благоугождения Богу, есть «зрение» – созерцание, духовное ясновидение, когда человек достигает такого совершенства в разумении истины, что как бы видит ее глазами, ощущает ее чувством сердца.

Потребен немалый труд, чтобы пожить деянием и вместе разумением или духовным ведением, чтобы счастливо сочетать в себе деятельную и созерцательную жизнь. Но если хочешь этого достигнуть, – а не хотеть нельзя, – то с ревностью возмись, душа христианская, за этот труд и не ослабевай в нем, а «обновляйся», – не довольствуйся приобретенными успехами, а ищи «новых»; с юношеской бодростью подвигайся вперед по пути духовного совершенства и по мере умножения препятствий на сем пути умножай усилия к побеждению их.

* * *

Зной дневный претерпе лишения ради [п](нужды ради) патриарх и мраз ночный понесе, на всяк день снабдения[п] (прибыток) творя, пасый, труждаяся, работая, да две жене сочetaет.

Иаков, убежавший в Месопотамию к дяде своему Лавану отчасти для того, чтобы укрыться от мщения Исава, отчасти для того, чтобы найти себе жену в том племени, откуда взята была мать его Ревекка, прожил у Лавана 20 лет, занимаясь пасением его стад.

Первые семь лет он работал на Лавана, чтобы получить в супружество младшую его дочь – Рахиль; но будучи обманут и получив вместо нее старшую – Лию, согласился иметь обеих и за это служил у Лавана еще семь лет. Остальные шесть лет Иаков служил Лавану за вознаграждение, которое состояло в агнцах и козлятах известного цвета, какие народятся в порученной его надзору части Лаванова стада. В эти шесть лет Иаков разбогател и по прошествии их вернулся к отцу с семейством, рабами и многочисленным скотом.

Тяжело было положение Иакова на службе у Лавана. Но нужды ради он с самоотвержением служил ему, заботясь в первые два семилетия только о выгодах его и забывая о своих. Иаков на прощании с Лаваном говорил ему: «Овнов стада твоего я не ел. Растерзанного зверем я не приносил к тебе, это был мой убыток; ты с меня взыскивал, днем ли что пропадало, ночью ли что пропадало. Я томился днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убежал от глаз моих» (Быт. 31, 38–40). И все эти тягости Иаков нес, «да две жене сочetaет.»

Но не менее тяжелый подвиг предстоит душе христианской, если она желает преуспеть в добродетели и духовном ведении. Каждый шаг на пути к этой цели она должна завоевывать тяжелой борьбой с искушениями внутренними и внешними. Она должна неустанно бороться со своим самолюбием, чтобы оно не охладило ее ревности к духовной жизни, – со зном страстей, готовых, если дать им волю, в самом корне иссушить эту жизнь, – с нападениями духов злобы, ищущих с зверской алчностью поглотить ее. Она должна работать Господу, все делать во славу Его с таким же усердием и преданностью, с

каким Иаков работал на Лавана. На службе Господу она должна быть готова отказаться от всего, что ей дорого на свете, если все то, чем она дорожит, грозит ей опасностью измены Богу и Его закону. Она должна не только мужественно обороняться против врагов спасения, воюющих с нею, против плоти, мира и диавола, но все более и более преуспевать в подвигах духовной жизни; должна не только не поддаваться искушениям греховным, но еще выше восходить в своем стремлении к духовному совершенству.

Если Иаков не жалел никаких усилий, чтобы услужить Лавану и заслужить право быть мужем его дочерей, – не гораздо ли больших трудов и подвигов стоит для души стяжание духовного совершенства, а с ним вечного спасения?

* * *

Жены ми две разумей, деяние же и разум в зрении, Лиубо деяние, яко многочадную, Рахиль же разум, яко многотрудную [п](полученную через многие труды), ибо кроме [п](без) трудов, ни деяния ни зрение, душе, исправится.

Почему в этом стихе христианская добродетель и духовное разумение приравниваются к женам?

Жена роднее, ближе всего к мужу, одна плоть с ним. В подобное близкое отношение к добродетели и ведению, или мудрости, должен поставить себя каждый христианин. Добродетель и мудрость должны сродниться с ним, войти в его плоть и кровь. Так и бывает. Говорят про иного: это воплощенная мудрость, воплощенная честность, кротость и тому подобное. Смысл в этих отзывах такой: если хотите иметь ясное понятие о том, что такое то или другое из названных духовных качеств, то посмотрите на этого человека, – они в нем отразились всей полнотой, стали неотделимыми от него. «Хваля Афанасия, буду хвалить добродетель», – говорил святой Григорий Богослов об Афанасии Великом. Бывает и противное: «это воплощенная злоба, скупость, зависть», – говорят про иного. В иных эти злые свойства постоянно живут, составляют их характер, господствуют всецело над их душой. Но и добродетельные и благочестивые не избавлены от опасности испытать на себе подобную силу зла. Не равен час, – и ими

иногда овладевает, например, ярость до такой степени, что в этом состоянии, перестав владеть собой, они способны совершить самые тяжкие грехи, – делаются воплощенным бешенством.

Христианская душа не иначе как смирением может избежать подобного несчастья и утвердиться в добродетели и мудрости.

Образом добродетели пусть послужит для нее Лия, которую Господь благословил многочадием и тем преимуществом, что один из сыновей ее был родоначальником колена, давшего миру Спасителя мира. Ревнуй, душа христианская, быть многоплодной в нравственном отношении, как Лия была многоплодна в физическом.

Рахиль была доброзрачна, за что особенно любил ее Иаков и по любви к ней служил Лавану лишних семь лет, она стоила ему самых тяжелых трудов: вот образ трудов, необходимых, чтобы достигнуть совершенства в христианском ведении! Ведение в высшей своей степени есть созерцание истины. Оно услаждает созерцателя, как Иаков услаждался доброзрачностью Рахили; но оно бывает плодом болезненных подвигов очищения себя от всего страстного и греховного. Свет истины ясно отражается только в чистой душе, как свет солнца в чистой воде. Подвиги самоотвержения для достижения чистоты сердечной, необходимого условия для успеха в ведении и созерцании, в такой же мере нужны, как и для успеха в деянии, то есть в добродетельной жизни.

* * *

Бди, о душе моя, изрядствуй [п](будь мужественна), якоже древле великий в патриарсах, да стяжеша деяние с разумом, да будеша уме зряй Бога, и достигнеша незаходящий мрак в видении [п](в созерцании), и будеша великий купец [п](стяжатель).

Иаков на обратном пути из Месопотамии в Ханаанскую землю, прежде чем перейти Иордан, почел нужным задобрить брата своего Исава, чтоб обезопасить себя от его мщения. Иаков отправил Исаву дары и не без смущения ждал встречи с ним. Накануне этой встречи он всю ночь наедине провел в бодрственном состоянии и в молитве к Господу.

И вот, во тьме ночной кто-то приблизился к нему и вступил с ним в борьбу, которая упорно продолжалась до появления зари. Боровшийся не одолел Иакова, но повредил сустав бедра его, так что Иаков остался хромым на всю жизнь. «Отпусти меня, – просил Иакова незнакомец, – ибо взошла заря. Иаков сказал: Не отпущу тебя, пока не благословишь меня». Тот спросил: «Как имя твое?» Иаков назвал себя по имени. И сказал ему незнакомец: «Отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь.» Спросил и Иаков: «Скажи мне имя твое.» Тот сказал: «На что ты спрашиваешь о имени моем? Оно чудно», – и благословил его, то есть изъявил ему свое благоволение. «И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл (лице Божие), ибо, – говорил он, – я видел Бога лицом к лицу и сохранилась душа моя» (см. Быт. 32, 24–30).

Значение этой таинственной борьбы такое: она была образом дерзновенной и настойчивой молитвы Иакова. Понятно это дерзновение, эта настойчивость в его положении: ему грозила опасность от Исава. Иаков опасался, что Исав жестоким образом отомстит ему за предвосхищение первородства, что он лишит его всех плодов двадцатилетних трудов его в доме Лавана, отнимет у него весь скот, перебьет или возьмет в плен его, и его семейство, и рабов.

Иаков, хотя уповал на Господа, милости Которого испытывал доселе, но в то же время, ввиду угрожавшей ему опасности, в нем могли пробудиться беспокойные движения совести при воспоминании о тех неодобрительных в нравственном отношении средствах, о той хитрости и обмане, при помощи которых ему удалось исторгнуть благословение Исаака со вредом Исаву. Он почувствовал себя неправым пред Богом и мог думать, что на этот раз Сам Господь для его вразумления попустит ему пострадать от гнева Исава. Ему осталось одно: умиловить Господа молитвой. Он и за день перед этим молился Господу: «Недостоин я всех милостей Твоих... Избавь меня от руки брата моего, от руки Исава, ибо я боюсь его, чтобы он, придя, не убил меня и матери с детьми» (Быт. 32, 10–11), – и теперь, накануне встречи с братом, он

провел всю ночь в той же молитве. Она была так же настойчива, как настойчива и упорна была борьба его с таинственным незнакомцем, продолжавшаяся целую ночь. Он угадывал, что с ним борется не простой человек, что под образом его скрывается Высшая Сила, – Сам Господь, и потому, напрягая телесные усилия, чтобы одолеть Его, он в то же время был в молитвенном напряжении, чтобы победить гнев Господа, заслуженный им, и вызвать Его милость. И Иакову удалось достигнуть своей цели. Он боролся с незнакомцем до тех пор, пока не получил от Него благословения. Это значило, что он утруждал Бога своей молитвой до тех пор, пока не получил удостоверения в Его благоволении к нему, пока ему не было объявлено, что если он боролся с Богом, то одолеет и людей, – могут ли быть люди страшны тому, кто с дерзновением и непреклонной настойчивостью в молитве препирался с Самим Богом, склоняя Его к милосердию. И самая борьба была уже делом милости Господа, ибо поставила Иакова в столь близкое отношение к Нему, что он лицом к лицу видел Господа в чувственном образе, прикасался к Нему – и сохранился цел.

Велика была близость Господа к Иакову, боровшемуся с Ним. Но и ты, душа христианская, можешь сподобиться подобного счастья. Подобно Иакову, всю ночь бодрствовавшему и подвизавшемуся на молитве, и ты бодрствуй и мужественно упражняйся в том же подвиге. Неотступно, с дерзновением веры и упования, умоляй Господа, стучи в двери милосердия Его во всех твоих нуждах, – и будешь услышана, по Его обетованию: «просите, и дастся вам... толцйте, и отверзется вам» (Мф. 7, 7). Все наши нужды и скорби близки Его сердцу; но преимущественно Он готов помогать нам в духовных нуждах. Иаков неотступно молил Бога об отведении от него внешней беды и был услышан – получил от Него благословение: не скорее ли Он услышит нас, когда будем неотступно умолять Его о помощи в духовной жизни?

Взывай же, душа христианская, к Господу о сей помощи, смиренно исповедуя пред Ним свою немощь, свое бессилие в борьбе с греховными искушениями, и ты «стяжеша деяние с разумом», – преуспеешь в добродетели и духовном ведении,

восторжествуешь над врагами твоего спасения, запинаящими твои стопы на этом многотрудном пути. Сего мало: Иаков в ночной темноте сподобился узреть Бога лицом к лицу. Подобного боговидения и ты можешь достигнуть, если предпочистишь к нему твой ум подвигами добродетели и духовного ведения.

Еще в этой жизни ты вступишь «в незаходящий мрак в видении», то есть будешь умными очами ощущать присутствие Господа в Его действиях на тебя через святое слово Свое, Таинство и видимую природу, пока, наконец, не достигнешь Царства Славы, где узришь Его лицом к лицу (см. 1Ин. 3, 2), в Его существе, а не в откровениях только Его присносущей силы. Выше этого блага ничто не может быть, и обладая им, ты будешь великий купец, или стяжатель.

* * *

Дванадцать патриархов великий в патриарсах детотворив [н](родив), тайно [н](таинственно) утверди тебе лестницу деятельного, душе моя, восхождения: дети, яко основания, степени, яко восхождения, премудренно подложив [н](премудро расположив детей, как ступени, а свои шаги по этим ступеням, как восхождения вверх).

Иакова Господь благословил многочадием: от него родилось двенадцать сынов, родоначальников 12 колен израильского народа. Это физическое многоплодие Иакова имеет духовно-таинственный смысл: подобно многоплодному Иакову должна быть многоплодна в духовной жизни и душа христианская.

Духовная жизнь начинается с покаяния, а истинное покаяние состоит не в том только, чтобы называть себя грешником, исповедовать свою вину перед Богом, но в плодах, достойных покаяния, плоды же покаяния состоят в усиленной борьбе с грехами, в которых приносится покаяние, и в подвигах ревности о жизни святой и богоугодной. Как ни тяжелы эти подвиги для души, боримой грехом, она не должна ослабевать в них, но, как бы по лестнице, восходить к большему духовному совершенству, с одной ступени подниматься на другую. К сожалению, опыт представляет противное. Бесплодное

покаяние – обыкновенное явление. На исповеди редко можно слышать, чтобы грешник отстал от прежних грехов: он приносит на исповедь старые свои грехи с прибавлением новых. Пока говеет человек, он еще сдерживается, но по окончании говения спешит к прежним греховным привычкам. От этого и самое говение бесплодно. Не хотят знать, что говением не прекращается покаяние, а только полагается начало его, только посеивается доброе семя; а чтобы это семя принесло плод, надобно продолжать труды покаяния. Нелегки эти труды, но без труда ничего не достается. Притом сначала трудно, а потом все легче и легче. Поступившему на военную службу сначала трудно привыкать к воинскому искусству, а когда привыкнет, он шутя упражняется в нем. Учиться грамоте сначала тоже трудно; а как выучится человек, чтение делается насущной его потребностью.

Итак, не бойся, душа христианская, трудностей покаяния, приноси плоды покаяния и ревностью об умножении их благоугождай Господу.

Глава 17 Рувим

Рувима подражая окаянный аз, содеях незаконный и законопреступный совет на Бога Вышняго, осквернив ложе мое, якоже отчее он.

Рувим был старший сын Иакова от брака его с Лией, родившийся в Месопотамии. Из истории приключений брата его Иосифа известно, что Рувим воспротивился намерению братьев умертвить Иосифа и сохранил жизнь его, дав совет лучше бросить его в ров, чем проливать невинную кровь. Но Рувим же оставил по себе недобрую память преступным поведением в отношении к отцу. Он осквернил ложе отца своего, вступив в преступную связь с наложницей его Валлой, за что в предсмертном завещании Иакова лишен прав первородства, которые перешли на Иуду (Быт. 49, 3–4, 8). Любодейство, особенно же кровосмешение, в чем провинился Рувим, есть самый тяжкий грех. К сожалению, подобный грех допускается и в отношении к Богу. В Писании Ветхого и Нового Завета религиозный союз Бога с человеком представляется в образе брака, а нарушение верности Богу, отступление от истинного богочтения, уклонение к иным богам называется блуждением (см. Исх. 20:5, 34:15. Втор. 32, 10, Ис. 62, 5; Иез. 16, 8–4; Мф. 9, 15; Откр. 19:7, 21:2).

Вопроси себя, христианин, не виновен ли и ты в этом грехе, не оскорбляешь ли этим грехом Бога, как Рувим своего отца?

Со времени возрождения в купели Крещения ты вступил в такое же тесное отношение к Господу, в каком находятся дети к отцу, жена к мужу. Устами восприемника ты дал обет верности Христу и закрепил этот обет в Таинстве Миропомазания, приняв печать дара Духа Святого как залог верности Христу, подобный обручальному перстню. С тех пор ты обязался принадлежать Единому Христу, – и в сердце твоём, которое должно быть ложем Его Единого, не допускать врагов Его и твоего спасения. Но не осквернил ли ты этого ложа, открыв его этим врагам? Не изменил ли ты Христу, променяв служение Ему на служение миру с его нехристианскими обычаями, плоти с ее самоугодием

и нечистыми мудрованиями и требованиями, и диаволу, от которого отрекся в день Крещения, но который доселе действует в сынах противления, искушая их на всякое нечестие и неправду? Не вступил ли ты с этими враждебными силами в незаконный и законопреступный союз против Бога Вышнего, рабски покоряясь их внушениям и дерзко восставая против заповедей и оправданий Господних? Горе тебе, душа христианская, если до конца земной жизни останешься в таком состоянии. Подобно Рувиму, потерявшему первородство, тебе грозит опасность не попасть в церковь первородных, на небесех написанных, быть недопущенной в общество их (см. Евр. 12, 23) и разделить участь отверженных духов.

Поспеши, подобно блудному сыну Евангельской притчи, вступить на путь покаяния и со слезами обратившейся блудницы припади к ногам Иисуса, и Он, не отринувший слез блудницы, примет и тебя в Свои благодатные объятия и помилует тебя.

Глава 18 Иосиф

Исповедаюся Тебе, Христе Царю: согреших, согреших, яко прежде Иосифа братия предавшии, чистоты плод и целомудрия.

Иосиф, сын Иакова от Рахили, возвышался над своими братьями нравственными достоинствами. Он поистине был плодом чистоты и целомудрия, потому что в его душе плодородно раскрылись эти качества. Его чистая душа возмущалась теми нравственными недостатками, которые он замечал в своих братьях и за которые он обличал их перед своим отцом. За целомудрие Иосиф подвергся гонению от жены Пентефрия, озлобленной его сопротивлением ее бесстыдству. Но не от нее одной ему пришлось терпеть и страдать. Еще живя в доме родительском, он подвергся ненависти своих родных братьев. Они озлобились на него за то, что он пользовался преимущественным расположением отца, за то, что он обличал их поведение перед отцом и за то, что простосердечно рассказал им сны, предвещающие их унижение перед ним. Они не могли простить ему всего этого и сначала хотели убить, но потом одумались и продали его в неволю измаильским купцам, ехавшим в Египет. Такой поступок менее преступен, чем убийство, но все же преступен, ибо несправедлив, жесток и бесчеловечен.

К сожалению, не поступает ли подобным образом, несправедливо и бесчеловечно, и христианин в отношении к ближним своим? Он должен любить их, как братьев своих по происхождению от общего всех Отца Бога, как сотворенных по образу и подобию Божию, как искупленных кровью Христа. Особенно он должен любить тех из ближних, которые, подобно Иосифу, возвышаются над другими нравственной чистотой и целомудрием и светом духовных совершенств побуждают нас к прославлению Отца Небесного. Но не случается ли, что эти именно нравственные достоинства в наших ближних не только не ценятся нами, но еще вооружают против них? Не случается ли, что люди правдивые и благонамеренные, если вздумают подобно Иосифу обличать и вразумлять ближних своих за

нечестие и разврат, встречают с их стороны не благодарность, а одну досаду и вражду? Не случается ли даже, что люди истинно благочестивые и добродетельные навлекают на себя ненависть людей мира не обличениями и вразумлениями, а единственно тем, что благочестивы и добродетельны, по закону: «Всяк бо делаяй злая ненавидит света и не приходит к свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть» (Ин. 3, 20)? Свет благочестия и добродетели нестерпим для больных глаз. Делаящие зло не прощают тому, кто не на их стороне, кто обличает их самой противоположностью своих убеждений и жизни – их мнения и поведение. Они никак не могут ужиться с ним, они тяготятся одним присутствием его вблизи себя.

Тяжело положение его среди них; он, однако, не смущается, утешая себя сочувствием к нему благомыслящих людей и добрым влиянием своего образа мыслей и жизни на окружающую среду. Но это сочувствие и доброе влияние еще пуще раздражает против него людей мира, – и они всячески стараются вредить ему, поступая в этом случае так же безжалостно, как безжалостны были к Иосифу его братья. Эти обрекли его на позор неволи: и те стараются уничтожить и опозорить чистого и непорочного христианина, распространяя про него клеветы и злые свои суждения. Он богомолен, правдив, человеколюбив, честен. Нет, говорят его недоброжелатели, – он ханжа, лицемер и все, что ни делает для блага ближних, делает по корыстным побуждениям, чтобы выслужиться у людей, задобрить их, заслужить награду от начальства и всеобщие похвалы. И сбывается слово Апостола: «Вси же хотящии благочестно жити о Христе Иисусе гоними будут» (2Тим. 3, 12).

Вопроси себя, душа христианская, не поступаешь ли и ты в отношении к чистым и непорочным по вере и жизни ближним твоим подобно этим гонителям, и если совесть обличит тебя в подражании им, в несправедливости и озлоблении против благочестивых и добродетельных людей, – то поспеши раскаяться в этом грехе, не опозорь себя подражанием братьям Иосифа, поступившим с ним несправедливо и жестоко.

* * *

Аще и в рове поживе иногда Иосиф, Владыко Господи, но во образ погребения и востания Твоего: аз же что тебе когда сицевое принесу?

Бедственно было положение Иосифа, брошенного братьями в ров, то есть в пустой, безводный колодезь, и находившегося в опасности умереть в нем голодной смертью. Но в этом положении Иосиф послужил образу Христа Спасителя. Враги Господа Иисуса "положиша Его в рове преисподнем, в темном и сени смертной» (Пс. 87, 7), то есть довели его до смерти и погребения. Но как Иосиф выведен был живым из рва и, проданный в Египет, здесь прославился: так Иисус Христос восстал из гроба со славой.

Образом погребения и воскресения Христова служит также Таинство Крещения, совершенное над каждым из нас (см. Рим. 6, 3–5).

Купель, в которую нас погружали, – это гроб Христов, в котором погребался наш ветхий человек, наша растленная грехом природа.

Выход из купели, – это восстание наше для новой благодатной жизни, это – наше духовное рождение, вступление в права и обязанности чад Божиих, любящих Господа как Отца по благодати и из любви послушных Его святой воле. Как только окрещен человек, он свят и непорочен, так что, если бы помер тотчас по выходе из купели, прямо в рай перешел бы. Этим объясняется существование обычая в Древней Церкви – отлагать Крещение до конца жизни: желали умереть чистыми и святыми, какими стали в Крещении. Обычай не совсем похвальный, потому что смерть могла застать врасплох и человек мог умереть совсем некрещеным; но мысль о святости и непорочности, получаемой в Крещении, лежавшая в основании этого обычая, правильна. К сожалению, мы не сохраняем этой святости.

Погребенный в водах Крещения ветхий человек снова оживает; омытая ими от грехов душа снова оскверняется грехами и перестает быть тем, чем должна быть как спогребенная Христу и сооставшая с Ним в Крещении. С сердечным сокрушением и стыдом грешник пусть говорит

Господу: Иосиф был образом Твоего, Господи, погребения и воскресения по телу. Был и в моей духовной жизни момент, когда отпечтался на мне образ Твоего погребения и воскресения. Но этот святой образ затмился во мне. Я уже не могу сказать, что после спогребения и сораспятия с Тобой в Крещении я мертв для греха и живу для одного Бога (см. Рим. 6, 10).

Как в этом отношении я не похож на Иосифа, послужившего совершенным в своем роде образом Твоего погребения и восстания! «Что тебе когда сицевое принесу?» – Правда, для оживления в себе духовной жизни я прибегаю ко второму крещению – к покаянию; но и покаяние мое так бесплодно! Как быстро вслед за покаянием духовная жизнь побеждается плотской!

Потерпи меня, Господи, и даруй мне благодать истинного покаяния, чтобы не отойти мне из сей жизни неочищенным от скверн греховных.

* * *

От сродников праведная душа связася, продася в работу сладкий [n](возлюбленный), во образ Господень: ты же вся, душе, продалася еси злыми твоими [n](делами)

Иосиф, проданный в неволю, поистине есть «образ Господень», – прообразование Христа. Черты сходства – очевидные. Иосиф был праведная и чистая душа. Иисус Христос ни в чем не был виновен, греха не ведал и не сотворил. Иосиф продан был сродниками – родными братьями. Иисус продан был врагам – учеником своим, а враги Христа иудеи – сродники Его по плоти – предали Его Пилату. Иосиф продан за 20 сребренников, Иисус – за 30.

Жалко было положение Иосифа; но не менее жалко положение души, которая сама себя продает в неволю врагу своего спасения диаволу, творя в угоду ему злые дела.

Душа создана по образу и подобию Божию, умалена немногим чем перед Ангелами, искуплена бесценной кровью Богочеловека, дороже целого мира, ибо «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит, или какой выкуп даст человек за душу свою» (Мф. 16, 26). И вот ее-то, эту

бесценную душу, грешник продает в неволю врагу за бесценок. Христу диавол обещал предать все царства мира и славу их, если Христос ему поклонится, отдаст ему Себя под власть (см. Мф. 4, 9). А грешная душа продает себя диаволу несравненно дешевле – за какие-нибудь ничтожные блага и удовольствия мира, – и продает себя всецело («вся»), всем своим существом. Известно выражение: «Продажная душа, продажный человек». Для продажного человека ничего нет заветного. Нет ни одного злого дела, на которое бы он не решился из самоугодия и корысти. Страсть к наживе заглушает в нем голос совести, разума и естественное доброе чувство. Одержимый этой страстью не задумается взять на себя оправдание на суде отъявленного злодея, скрыть свое имущество от заимодавцев и, объявив себя несостоятельным должником, пустить их по миру, войти в смелые, основанные на обмане торговые или промышленные предприятия, поджечь свой дом для получения страховой суммы и т.п.

Все это радует врага нашего спасения: грешник злыми своими делами попал в сеть его, уловлен в волю его (см. 2Тим. 2, 26), следственно раб его, хотя не сознает этого рабства. Но есть и такие грешники, которые сознательно продают свою душу диаволу, когда, например, оставляя веру в силу Божию, прибегают за помощью к людям, которых почитают орудиями сатаны (колдунам), – и готовы снять с себя крест, чтобы только получить от них помощь. Все это грубые, злые дела. Положим, ты, душа христианская, еще не дошла до такой крайности; но знай, что все, из каких-нибудь житейских расчетов изменяющие христианской совести, больше или меньше находятся на стороне врага Бога и человеков, князя воздушного, действующего доселе «в сынах противления» (см. Еф. 2, 2). И горе тебе, душа христианская, если ты не поспешишь свергнуть власть его над собой! Все твои злые дела, которыми ты продаешь себя ему, он вносит в свое рукописание, в свою долговую запись, чтобы в свое время получить по ней уплату, навеки погубить тебя.

О, Христе, пригвоздивый на Кресте грех Адамов, раздери это пагубное рукописание и дай мне силу бороться с кознями

дьявола.

* * *

Иосифа праведного и[n] (его) целомудренного ума подражай, окаянная и неискusstная[n] (непотребная) душе, и не оскверняйся бессловесными[n] (неразумными) стремлениями, присно беззаконнующи.

Праведность Иосифа состояла в его правдивости и прямоте, с какой он, как уже было сказано выше, обличал перед отцом братьев своих, – в его незлобии, с каким он принял в Египте братьев своих, удержавшись от желания заплатить им обидой за обиду, – в честности и добросовестности, какую он обнаружил, находясь в услужении у царедворца Пентефрия и в темничном заключении, – в его богобоязненности и смирении пред Богом, ибо на высоте славы и среди соблазнов языческой жизни он не зазнался, непрестанно помнил милости к нему Господа и сохранил истинную веру.

Все это такие качества, которые если свойственны были ветхозаветному человеку, не тем ли паче должны служить украшением новозаветного верующего, которому заповедано не довольствоваться исполнением законной правды, но возвышаться к праведности пред Богом, даруемой верой во Христа. К сожалению, и между христианами есть люди, которые или совсем небрегут об угождении Богу жизнью по заповедям Божиим, или которых праведность не лучше праведности книжников и фарисеев, – наружная только и лицемерная. На примере ветхозаветной ревности о праведности христианин тем больше должен ревновать о ней, чем больше дано ему благодатных сил и средств к тому.

Целомудренный, не затемненный страстями ум Иосифа проявил себя преимущественно в самообладании, которое он обнаружил перед женой Пентефрия, склонявшей его ко греху с нею. Кому не известен его ответ ей: «како сотворю глагол злый сей и согрешу пред Богом» (Быт. 39, 9)?

Сему целомудренному рассуждению следуй и ты, душа христианская, при встрече с искушением нецеломудрия и вообще со всякими греховными искушениями. Как я могу не только сделать то или другое худое дело, даже помыслить о

нем перед лицом Бога Всеведущего, Правосудного и Святейшего? От людей я могу утаить не только мысли, но и дела незаконные, даже могу без опасения ответственности перед их судом явно сделать что-нибудь дурное: но я боюсь Бога, от всеведения Которого нельзя скрыть никакой тайны, от правосудия Которого никуда не убежишь, перед святостью Которого мерзок всякий помысл нечистый.

Такое поистине целомудренное, то есть здравомысленное, трезвое, рассуждение могло бы предохранить нас от увлечения всякими «бессловесными стремлениями», то есть недостойными разумного существа порывами страстей, только оскверняющими нашу душу, и от беззаконий.

Глава 19 Иов

Иже первее [п](бывший прежде) на престоле, наг ныне на гноищи гноен [п](изъязвлен); многий в чадех и славный, безчаден и бездомен напрасно[п] (вдруг): палату убо гноище [п] (смрадную кучу) и бисерие струпы вменяше.

Царским достоинством, венцем и багряницею одеян, многоименный [п](владевший большим именем) и праведный, богатством кипя [п](изобиловавший) и стады, внезапно богатства, славы и царства обнищав лишися.

Идет речь о праведном Иове. Он жил в патриархальные времена и хотя не принадлежал к избранному племени, ибо происходил из рода Исава, был учителем истинного Бога.

Страшный переворот совершился в жизни его. Он был князем в своем племени, восседал на царском престоле, носил царский венец и царскую порфиру. Господь благословил его многочисладием и обилием крупного и мелкого скота. Он пользовался всеобщим уважением и любовью не только из-за своего высокого положения и богатства, но и главным образом за личные достоинства, как праведный муж. Он был богобоязнен и благочестив, судя по тому, что имел обычай после каждого пиршества, на которое собирались друг у друга его сыновья и дочери, приносить за них умиловительную жертву Господу, рассуждая: «может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем». Он был в высшей степени целомудрен, – положил завет с глазами своими отнюдь даже не помышлять о девице (см. Иов. 31, 1). Он был в высшей степени справедлив к подчиненным и человеколюбив. "Я, – говорит он о себе, – спасал страдальца вопиющего и сироту беспомощного. Я был глазами слепому и ногами хромому; отцом был для нищих и тяжбу разбирал внимательно. Сокрушал я беззаконному челюсти и из зубов его исторгал похищенное» (Иов. 29, 12, 15–17). «Странник не ночевал на улице, двери мои я отворял прохожему» (Иов. 31, 32). Богатство и слава нимало не надмевали его, он не полагал «в золоте опору свою и не говорил сокровищу: ты – надежда моя» (Иов. 31, 24).

И вот, этот непорочный и праведный муж подвергся величайшему злостраданию. По поущению Божию, сатана навел на него бедствия, одно другого тягчайшее. Иов внезапно лишился стад своих, имения и детей: скот его угнали разбойники, или истребила молния; рабы его перебиты теми же разбойниками; дети его все до одного погибли под развалинами дома, опрокинутого бурей. И все эти бедствия случились в один день. Вскоре сам он поражен был жесточайшей проказой с головы до ног. Тело его сгнивало и распространяло смрад. В этой заразной болезни он не мог оставаться дома, а вдали от него, вместо царского престола, сидел на гноище, покрытый струпами вместо драгоценных камней, какими прежде был украшен. Не только чужие бросили и презрели его, даже жена потеряла к нему сострадание, а друзья своими обличениями только отягчили его страдания. Тот, кто был царем, стал последним нищим и предметом всеобщих глумлений.

Для чего было поущено такому праведному и благочестивому мужу, как Иов, подвергнуться столь великим бедствиям? Для того чтобы дать ему возможность засвидетельствовать, что он любит Бога и служит Ему искренно, бескорыстно, и тем посрамить диавола, который обвинял пред Богом Иова, будто он чтит Бога за одни Его милости, за внешние блага, ему дарованные от Бога в обилии, и перестанет чтить Его, когда этих благ у него не станет. Праведный Иов своим поведением при постигших его бедствиях действительно посрамил диавола. Пораженный ими по воле Божией, он продолжал чтить Бога, как прежде. Быстрый переход от благополучия к злополучию не только не поколебал в нем верности Господу, но вызвал из уст его благословение: «буде имя Господне благословенно во веки», и когда жена его советовала ему отречься от Бога и наложить на себя руки для прекращения страданий, он с упреком отвечал ей: «Вскую яко едина от безумных жен возглагонала еси? Аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим» (Иов. 2, 10). Правда, Иов, спустя несколько времени, от нестерпимых мук проклял день своего рождения, но все же ни разу не похулил Господа, не дерзнул прекратить своих страданий самоубийством и даже

выразил надежду на то, что если не в этой жизни Господь помилует его, то в будущей воскресит его для блаженства (см. Иов. 19, 23–27).

Так Иов вел себя во время посланных на него тяжких испытаний, показав нам пример бескорыстной преданности Господу. Вопросы себя, христианин, следуешь ли ты, или готов ли следовать этому примеру. Можешь ли своим поведением доказать, что чтешь и любишь Господа Бога от всего сердца, – не за то только, что Он осыпает тебя земными благами, а за то, что Он Сам по себе, как верховное благо, достоин всякой любви и почтения? Если ты чтешь и любишь Господа только как твоего благодетеля, то твоя любовь и преданность Ему не есть чистая, а корыстная и потому непрочная. Она может продолжаться только до тех пор, покуда продолжают Его благодеяния, и с прекращением их неминуемо должна иссякнуть. Не доводи себя, душа христианская, до этой опасности и для сего поревнуй стяжать любовь к Господу чистую, возлюби его так, чтобы ни благоприятные, ни неблагоприятные обстоятельства жизни не могли отвлечь тебя от любви к Нему.

Для кого Господь есть верховное благо, кто поэтому дорожит общением с Господом больше всего на свете, тот легко найдет в Нем себе утешение, когда лишится всех земных благ. С лишением их он еще не все теряет, он не теряет главного блага, заключающегося в общении с Богом. Это благо при нем остается, и никто отнять его у него не может. Земные блага по самой природе своей тленны и скоро преходящи, а Господь Бог, в общении с Которым полагается главное благо, вечен и неизменен. И вот почему любовь к Господу как единому истинному благу так наполняет сердце любящего, что в нем не остается места пристрастию к временным благам. Если же нет пристрастия к ним, то не жалко и расстаться с ними.

Любишь ли ты, христианин, Господа так, чтобы любовь к Нему занимала в твоём сердце главное место, не была ослабляема и заглушаема любовью к миру и его благам? Не кланяешься ли ты идолам страстей – любостяжания, сластолюбия и гордости, и на служение им не теряешь ли столько времени, что тебе некогда служить Богу, упражняться в

Богомыслии, в молитве, в чтении Слова Божия, вообще в делах благочестия и добродетели? Сердце твое вместо того, чтобы принадлежать Единому Богу, не отдано ли миру, не занято ли одними житейскими делами и интересами? Если так, то когда придут на тебя, христианин, напасти и ты лишишься всего, в чем полагал счастье жизни, к чему прилеплялся всем сердцем, тебе предстоит два исхода: или ты совсем растеряешься, впадешь в отчаяние, предашься пьянству и близок будешь к опасности самоубийства, потому что с утратой того, что привязывало тебя к жизни, жизнь для тебя потеряет всякое значение; или, напротив, может случиться, что в душе твоей произойдет спасительный поворот.

Утрата земных благ для многих служит началом обращения к Богу. Они убеждаются в их суетности, начинают обвинять себя в том, как это они могли ослепиться пристрастием к ним. Они горько раскаиваются в своем ослеплении и начинают искать утешения в Боге, Которого дотоле забывали. И если милосердый Господь обретается не ищущим Его, является не вопрошающим Его (см. Ис. 65, 1), может ли Он отказать в Своем милосердии тем, которые бедствиями земной жизни приведены к тому, что сами взыскали Его, восчувствовали нужду в Его благодатной помощи? Близок Господь всем призывающим Его. Он готов поступить с ними, как поступил с блудным сыном отец, когда тот после долгого скитания вдали от дома отеческого возвратился к нему. Хорошо, если и с тобой, душа христианская, произойдет подобный спасительный перелом, если бедствия и скорби отрезвят тебя. Но что, если они только озлобят тебя? Бойся подобного исхода и для сего не давай овладеть собой пристрастием к земным благам. Только сердце, свободное от пристрастия к ним, легко с ними расстанется и еще с большей силой прилепится к Господу.

* * *

Иова на гноищи слышавши, о душе моя, оправдавшегося, того мужеству не поревновала еси, твердого не имела еси предложения [н](духа) во всех, яже разумела еси [н](узнала), яже веси [н](видела) и имиже искусилася еси [н](что испытала), но явилася еси нетерпелива.

Иов, оправданный и восстановленный в прежнем состоянии, служит примером награжденного Богом упования на Него и терпения, к утешению подобных неповинных страдальцев. Иов оправдался прежде всего против обвинения на него диавола, будто он чтит Бога не даром, а за Его обильные земные дары. Иов посрамил диавола, ибо продолжал чтить Бога и тогда, когда лишен был земного благосостояния и впал в тяжкие бедствия. Иов потом оправдан был Самим Богом перед его друзьями. Они, рассуждая с ним о причине страданий, утверждали, что Бог посылает их только на нечестивых, а благочестивым всегда дает благоденствие, что, следовательно, всякий страдалец есть грешник, караемый Богом. Таким образом, если и Иов поражен тяжкими бедствиями, верно, за ним есть тяжкие вины, неизвестные людям, но ведомые Богу. Иов с силой восстал против этих суждений. Он утверждал, что не знает за собой вины, что вся жизнь его посвящена была подвигам благочестия и добродетели, и что вообще несправедливо из страданий человека заключать о его преступлениях.

Распределение земных благ зависит единственно от воли Божией, действующей по своим не всегда известным причинам, и отнюдь не имеет необходимой связи с нравственными качествами людей, ибо, по свидетельству опыта, нечестивые часто всю жизнь проводят благополучно, тогда как жизнь истинных чтителей Бога есть непрерывный ряд бедствий. В словах Иова не заслуживало одобрения только то, что он слишком настойчиво защищал свою невинность и произносил самые горькие жалобы на жребий смертных. Этого не одобрил и Сам Господь, когда явился пред Иовом и спорившими с ним друзьями, чтобы решить их спор; но во всех других отношениях рассуждения Иова были справедливы, и самая горечь его жалоб на свою участь смягчается тем, что он не терял упования на Бога. Он уверен был, что у него есть Заступник на Небесах, и к Нему «слезит око» его (см.: [Иов. 16, 19–20](#)) с надеждой получить от Него утешение если не в здешней, то в будущей жизни. И надежда Иова на Господа оказалась не тщетной. Господь вступился за него, сказав друзьям Иова: «горит гнев Мой на

тебя (Елефаза Османитянина) и на двух друзей за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов» (Иов. 42, 7). Друзья Иова, по велению Божию, должны были смиренно попросить Иова, чтобы он принес за них Господу умиловительную жертву и испросил им у Господа прощения тех несправедливостей, какие они допустили в отношении к Иову, подозревая его в тяжких преступлениях и восставая против его рассуждений о путях Промысла Божия. Только по молитве Иова друзья его пощажены были Господом, а сам Иов не только оправдан Богом, но и возвращено было ему прежнее благосостояние – здоровье, многочисленье, честь и богатство.

В лице ветхозаветного праведника, явившего пример преданности и упования на Господа и на гноище оправдавшегося, заключается обличение и вразумление для тебя, душа христианская. Он явил мужество в страданиях и своим мужеством и терпением посрамил диавола. Но ты поревновала ли его мужеству? Беды и напасти не возбуждают ли в тебе только малодушие, уныние, досаду на Бога, хотя они посылаются для твоего блага, для воспитания в тебе смирения, для удержания тебя от грехов, для испытания твоей верности Господу? Иов среди самых жалоб на свою горькую участь старался сохранить присутствие духа и ободрить себя упованием на Бога и сознанием своей правоты. Размысли, душа христианская, походишь ли в этом отношении на Иова? Вот ты видишь в мире торжество зла над добром, силы над бессилием, неправды над правдой и невинностью, и если не видишь, по крайней мере, слышишь обо всем этом, все это «веси и разумеешь». Как ты взираешь на эти возмутительные явления? Сохраняешь ли «твердое предложение», твердый дух, взирая на них? Успокаиваешь ли себя при этом мыслью, что как ни возмутительны эти явления, они не выходят из круга промысла Божия, что они попускаются Господом по мудрым и благим, хотя не всегда известным для нас намерениям? Утешаешь ли себя упованием, что зло может иметь только временный успех, что торжество останется наконец на стороне добра если не в этой, то в будущей жизни?

Очень жаль тебя, если торжество зла над добром, видимое тобой вне тебя, колеблет в тебе упование на промышление Божие; ибо что же будет, если сама над собой испытываешь это торжество? Если, со стороны смотря на возмутительные проявления зла, ты теряешь самообладание и благодушие, то не явишься ли совсем нетерпеливой, когда будешь не зрительницей только чужих неповинных страданий, а сама будешь искушена ими? Одна мысль, что это может случиться с тобой, что тобой может овладеть уныние и отчаяние в этом случае, должна устрашать тебя, потому что уныние и отчаяние – смертный грех. Но что, если ты не избегла этой опасности, если ты действительно явилась нетерпеливой? В этом случае поспеши признать свою вину, поспеши раскаяться в ней. Сам Иов повинился Господу в горячности своих жалоб на участь свою (см. [Иов. 42, 6](#)), хотя по суду своей совести признавал себя не заслуживающим страданий.

Но таково ли твое нравственное состояние, грешник, чтобы ты по совести мог сказать Господу: я ни в чем не повинен пред Тобой и терплю напрасно? Если совесть не позволяет тебе этого сказать, тебе остается только смириться пред Господом, тяжкими испытаниями очищающим тебя от греховных скверн, и с благодарностью принять эти испытания.

В этом заключается лучшее врачевство против духа нетерпения и средство к обучению себя в терпении, в благодушии и перенесении всего, чем искусилася еси, грешная душа.

* * *

Аще праведен бяше он и непорочен паче всех и не убеже ловления [н](наветов) и сети льстивого [н](обольстителя): ты же, грехолюбива сущи, окаянная душе, что сотвориши, аще чесому от неведомых случится найти тебе? [н](если что-нибудь неожиданное постигнет тебя)

Иов, как известно, несмотря на жестокость и множество бедствий, какие по попущению Божию навел на него диавол, не отступил от Бога, устоял против искушения изменить Ему. Тем не менее, неожиданность этих бедствий смутила Иова и вызвала из его уст горькие жалобы на постигшую его участь. Он

знал и заявлял перед друзьями, что по непостижимым судьбам Божиим страдают нередко невинные и непорочные, к числу которых и себя относил. Эта-то непостижимость и была причиной, которая вывела его душу из того спокойного настроения, с каким он, в духе преданности воле Господа, отнесся к совету жены покончить с собой самоубийством.

Нам из Книги Иова стало известно, почему этот праведный и непорочный паче всех муж предан был Богом во власть диавола; и сам Иов по окончании своих бедствий, разрешившихся великой наградой ему от Господа, узнал то, что сокрыто было от него в начале и продолжении этих бедствий, – узнал, что в тяжких испытаниях ему дан был случай засвидетельствовать бескорыстие и искренность благочестия и преданности Богу. Но пока он этого не знал еще, пока сокрыта была от него эта тайна, естественно, она тяжелым гнетом ложилась на его душу, и вот он проклиная день своего рождения, нетерпеливо вопрошает Бога: «И зачем Ты вывел меня из чрева? Пусть бы я умер, когда еще ничей глаз не видел меня» (Иов. 10, 18), – и дерзает говорить о Боге: «Он губит и непорочного, и виновного. Если этого поражает Он бичом вдруг, то пытке невинных посмеивается. Земля отдана в руки нечестивых; лица судей ее (чтобы не видели правды) Он закрывает» (Иов. 9, 22–24).

Таким образом, в душе Иова происходила борьба между преданностью Богу и нетерпеливостью. Правда, эта нетерпеливость не переходила в отчаяние – она высказывалась с целью облегчить жалобами душу свою и обыкновенно разрешалась в нем смиренной мольбой облегчить его страдания (см.: Иов. 10, 20, 21) и выражением упования на помилование; но все же душевное смущение Иова было неправильным состоянием. Диаволу не удалось поколебать верность его Богу; но это смущение свидетельствовало, что Иов не совсем избежал наветов и сетей обольстителя и был близок к опасности запутаться в этих сетях. Верой и упованием на Господа Иов расторг их.

Ты же, грехолюбивая душа, что сотворишь, если что-нибудь неожиданное постигнет тебя – неожиданная болезнь,

неожиданное лишение имущества, почестей, неожиданная утрата близких людей? Если Иова смутили подобные неожиданности, ты не растеряешься ли от них совершенно? Достанет ли у тебя настолько веры и упования, чтобы в них обрести себе утешение и опору среди нашедших на тебя зол, чтобы отразить козни диавола, всегда готового через них смутить тебя, навести тебя на грех малодушия, уныния, ропота на Бога и отчаяния? Достанет ли у тебя настолько любви к Господу, чтобы ты могла без сожаления расстаться с земными благами? Нет ли, напротив, в тебе пристрастия к ним, не овладело ли оно тобой до такой степени, что утрата их покажется для тебя невознаградимой? Бойся этого пристрастия и потщись возлюбить Господа, как любил Его Иов, и у него научись искусству терпеть и от Господа ожидать утешения в напастьях.

Глава 20 Моисей

Моисею слышала еси ковчежец, душе, водами волнами (в водах) носимь речными яко в чертоз, древле бегаящий горького дела, совета фараонитска.[п] (Ты слышала, душа, как Моисей в ковчежце, как бы в чертоге, древле носим был по воде волнами реки и избег горестной участи, фараоном предназначенной).

Моисею, вождю народа Божия, с самого рождения грозила горькая участь от злого умысла фараона.

Фараон, опасаясь усиления евреев, поселившихся в Египте со времени Иосифа, умыслил воспрепятствовать размножению их и дал повеление убивать еврейских младенцев мужского пола при самом рождении.

Сострадательные бабки, на которых возложено было исполнение бесчеловечного повеления, не исполняли его. Тогда вышло от фараона новое повеление – бросать в реку всякого новорожденного еврейского младенца. В сие-то время родился Моисей. Любящая мать укрывала его от фараоновых сыщиков три месяца; но видя, что укрывать его долее невозможно, употребила для спасения его такую меру: она устроила из тростника корзину, положила в нее младенца и пустила ее в воды реки Нила около того места, куда приходила купаться дочь фараонова.

Мать рассчитывала на сострадание дочери фараоновой, паче же всего надеялась на Промысл Божий, и не обманулась. Корзина с плачущим в ней младенцем привлекла внимание царевны. Она сжалилась над ним, и по совету сестры его, присутствовавшей при этом как бы случайно, отдала его для млекопитания родной его матери, и по окончании млекопитания взяла к себе во дворец и усыновила его.

Нельзя не признать особенного Промышления Божия в том, что рукой дочери жесточайшего гонителя евреев спасен был будущий освободитель их от его мучительства. Так Господь посрамляет козни врагов Своего Царства. Корзинка, которой вверена была жизнь Моисея, послужила для него таким же

благонадежным приютом, как бы это был царский чертог, оберегаемый многочисленными стражами.

Младенец Моисей, подвергавшийся опасности смерти и чудесно сохраненный от нее, есть образ души христианской, находящейся в подобном положении. Как жизни Моисея грозила опасность от египетского царя, так и душе христианской на каждом шагу грозит духовная смерть и вечная погибель со стороны князя мира сего (см.: Ин. 12, 31), дьявола.

Духовная смерть состоит в отчуждении от Бога мыслями и стремлениями, в направлении их к одному земному и плотскому, в богозабвении, в самоугодии. Дьявол, с львиной алчностью ищущий кого поглотить, усиливается отвлечь нас от Бога и духовно умертвить многообразными искушениями, действуя на нас то непосредственно, то через мир с его нехристианскими обычаями, то через наши нечистые склонности. В благоприятных обстоятельствах жизни он наталкивает нас на грех гордости, тщеславия, праздности и рассеянности, в неблагоприятных – на грех малодушия, уныния, отчаяния. А за духовной смертью, в которую впадают податливые на дьявольские искушения, неизбежно следует вечная погибель, если они не успеют раскаяться при жизни.

Не доводи себя, душа христианская, до смерти духовной, если не желаешь себе вечной гибели. Молитвой и духовным трезвением, или бдением над собой, предотвращай и уничтожай козни дьявола. Укрывай себя от мира с его суетой и соблазнами, подобно тому как Моисей укрываем был матерью от фараоновых слуг, и умоляй Господа, чтобы не допустил тебя потонуть в волнах житейского моря, воздвигаемого напастей бурей, как Он не допустил потонуть в водах Нила младенца Моисея, и чтобы самые беды и напасти послужили к твоему спасению, как послужила орудием спасения Моисея дочь жесточайшего гонителя евреев.

* * *

Аще бабы слышала еси, окаянная душе, убивающия иногда безвозрастное мужское [н](слышала ли ты, чтобы повивальные бабки истребляли некогда новорожденных мужского пола), целомудрия деяние [н](этот образ подвигов целомудрия) ныне,

яко великий Моисей, сси премудрость [п](питайся млеком премудрости).

Нельзя не подивиться самоотвержению и состраданию, которое показали повивальные бабки, имевшие повеление от фараона убивать еврейских младенцев мужского пола при самом их рождении. За неисполнение повеления им грозил гнев фараона. Но они больше боялись гнева Царя Небесного, чем гнева царя земного, – и оставляли в живых новорожденных младенцев. Так сохранился в живых и Моисей и беспрепятственно питался млеком родной матери до трех лет.

Новорожденные младенцы, пощаженные бабками, суть образ души, упражняющей себя в подвигах чистоты и целомудрия, уподобляющих ее чистому и невинному младенцу. Трудны эти подвиги. Немало нужно самоотвержения и бдения над собой, чтоб оградить себя от искушений нецеломудрия, сохранить чистоту сердечную. Но если повивальные бабки с опасностью для себя берегли чужих детей, ты ли, душа окаянная, не позаботишься об охране самой себя от искушения нецеломудрия? Они страхом Божиим удерживали себя от исполнения злой царской воли. Не должна ли и ты тем же страхом ограждать себя от приражающихся к тебе нечистых помыслов и желаний, повторяя вместе с Иосифом: «Какое сотворю глагол злый сей и согрешу пред Богом?» (Быт. 39, 9).

Моисей, пощаженный повивальными бабками, возвращен был дочерью фараона матери и беспрепятственно питался млеком ее. Пусть это будет напоминанием для христианина, что и он, если хочет сохранить младенческую невинность и чистоту, должен питаться премудростью. Премудрость, или духовная рассудительность, потребна для него, как млеко для младенца. Целомудрие необходимо условливается мудростью. Целомудрие есть плод мудрости, научающей обуздывать страстные движения плоти, по самой природе своей неразумные. Увлекаясь ими, человек уподобляется бессловесному животному, которое не может противиться животным влечениям именно потому, что не имеет разума, не может рассуждать. Достоинство разумного существа открывается именно в том, что оно силой рассуждения

удерживает себя от того, от чего неразумное животное удержаться не может.

Ревнуй же, душа христианская, остояжании духовной мудрости, и по мере преуспеяния в ней ты преуспеешь «в деянии», то есть в подвигах «целомудрия». У кого же ближе ты можешь научиться этой мудрости? У Святой Церкви.

Она есть общая наша мать. Мудрость, которой она всех нас учит, так же питательна, как питательно для младенца молоко родной матери. Послушный сын Церкви, благоговейно следующий ее руководству в жизни, боится грехов нецеломудрия, ибо знает, как строго преследует она грехи нецеломудрия, как они не соответствуют тем высоким правилам нравственности, какие она предписывает своим чадам, тем образцам чистоты душевной, на какие она указывает для подражания.

Если мудрость естественного разума, как показывают примеры язычников, способна была держать их в пределах воздержания от плотских похотей, – не гораздо ли благотворнее в этом отношении влияние на человека богопросвещенной наставницы мудрости, Святой Христовой Церкви?

* * *

Яко Моисей великий египтянина ума уязвивши, окаянная душе, не убила еси [н](подобно Моисею, поразившему египтянина, ты не умертвила ума); и како вселишия, глаголи, в пустыне страстей покаянием?

Моисей жил при дворе египетского фараона, как усыновленный его дочерью. Но, достигши сорока лет, он должен был оставить придворную жизнь по следующему случаю.

Однажды он вздумал навестить братьев своих, сынов израилевых, на месте их работ и возмутился до глубины души тем, что увидел. Он увидел, как изнуряли их тяжкими, непосильными работами и как жестоко обращались с ними. В его присутствии один египтянин бил еврея. Моисей воскипел негодованием на мучителя и не без тайного внушения свыше, в предзнаменование того, что ему суждено быть мстителем египтянам (см. Деян. 7, 24–25), убил египтянина и труп его зарыл в песке. Вопреки ожиданию Моисея, поступок его

сделался известным фараону. Избегая гнева фараонова, Моисей удалился из Египта и поселился среди мадиамлян в Синайской пустыне, и прожил здесь 40 лет, пася стада тестя своего, мадиамского священника Иофора.

Египтянин, бывший еврея и убитый Моисеем, есть образ ума, ослепленного страстями. Горе человеку, обуреваемому страстями! Он постепенно теряет силу противостоять греховным искушениям и соблазнам, перестает Бога бояться и с ближним начинает поступать несправедливо и бесчеловечно, как поступали в отношении к евреям египтяне, которые по зависти к евреям, по корыстолюбию и властолюбию не хотели иметь в них полноправных сограждан, а хотели владеть ими, как рабами и невольниками, и всячески угнетали их.

Но пагубное действие страстей на душу не одинаково. Иной увлекается ими только по слабости воли, и сам оплакивает свою слабость, не мирится со своим греховным состоянием, осуждает его – страсти покорили его волю, но не ослепили его ума, христианского смысла и совести: ум его восстает против страстей. Но в иных страсти получают такую силу, что помрачают самый ум. Привычка к удовлетворению страстей доводит их до того, что они наконец перестают видеть в ней грех, извиняют и оправдывают свои страстные увлечения, они грешат не волей только, но и самым умом – ум их перестает различать добро от зла, отрешается в суждении о том, что грешно и что нет, от руководства Слова Божия и подчиняется только плотским мудрованиям; он одобряет только то, что льстит самоугодию и чувственности, и истощается на изобретение средств к их удовлетворению.

Жалко положение души, дошедшей до такого состояния. Поистине она окаянна, если светильник ее затмился, если ум ее, вместо того чтобы освещать пред ней путь к Богу, предохранять ее от страстных увлечений, дал себя ослепить страстями! Ей грозит вечная гибель, если она не поспешит раскаяться. Но как трудно для нее вступить на путь покаяния, когда она не сознает опасности своего положения, когда самый ум ее не только не осуждает ее служения страстям, а еще сам служит им! Напрасно умертвила мудрования плоти, если

смирению не покорилась своего ума внушениям веры! Без этого смирения невозможно, чтобы она покаялась и посредством покаяния открыла себе путь в пустыню страстей, то есть к состоянию бесстрастия. Только в пустыне Моисей нашел безопасность от преследований фараона.

Только в отрешении от всего, что питает страсти, душа может обрести для себя мир и спасение.

* * *

В пустыню вселился великий Моисей: гряди убо, подражай того житие, да и в купине богоявления, душе, в видении будеши [n](дабы и тебе узреть Бога, явившегося в Купине)

Сорокалетнее пребывание Моисея в Синайской пустыне, где он поселился, убежав от фараонова гнева, представляет нечто, достойное подражания для нас.

Подобно Моисею, и каждый ревнующий о спасении должен удалиться в пустыню, не в буквальном смысле – пустыня сама по себе никого не спасает, ибо никого не защищает от козней лукавого. Пустыня, куда он должен укрыться от мысленного фараона – диавола, от его искушений и наветов, это – отрешение от пристрастия к суете мирской, любовь к уединению, не столько к внешнему, хотя и сие полезно бывает, сколько к внутреннему, иначе к безмолвному собеседованию с собой и с Богом, к самоиспытанию, богомыслию и молитве.

В пустыне Моисей вел простой, близкий к природе образ жизни, не жалея о том, что расстался с роскошной и великолепной обстановкой придворной жизни, какую вел в Египте, что общество людей образованных и занимавших высокое общественное положение променял на жизнь с людьми простыми, дворец на пастушескую кущу, великолепные искусственные сады на пастбища для скота.

Как бы высоко ни стоял кто из нас в сравнении с ближними по уму, по богатству, по знатности, он должен относиться к ним со смирением Моисея, не должен пренебрегать общением с низшими его; он должен стыдиться не сближения с ними, а тлетворных обычаев их. Пусть он ест и пьет с мытарями и грешными, как ел и пил с ними Христос, но пусть не подражает им в лихоимстве и других пороках и, напротив, пусть

благотворным влиянием своего примера и внушений старается облагородить и исправить их. В пустыне Моисей проводил жизнь в великих трудах, неизбежных для пастыря: он оберегал вверенные ему стада от нападения разбойников и зверей, от зноя и холода, сам терпел зной и холод. Подобно Моисею и ты, душа христианская, с бдительностью пастыря охраняй себя от бесовских приражений, от того, чтобы не сделаться тебе добычей духа злобы, с львиной яростью ищущего поглотить беспечного грешника; береги себя от соблазна и искушений со стороны мира, с разбойническим насилием старающегося навязать тебе свои нехристианские правила и обычаи; с терпением и самоотвержением переноси все житейские тяготы и скорби, не допускай, чтобы они отвлекли тебя от благочестия и добродетели; ободряй себя надеждой, что за временную скорбь, христиански переносимую, ждет тебя вечное утешение.

Моисей в пустыне, вдали от мирского шума, упражнялся в благоговейном созерцании, следовал премудрости и благодати Божией в окружавшей его пустынной природе. Подобно Моисею, и ты, душа христианская, привыкай находить сладость в подобном духовном занятии. Благословляй Господа, вся премудростью сотворившего, облакающего светом, яко ризою, в море пролагающего пути Свои и стези Свои в водах многих, манием Своим содержащего всю вселенную, пред величием Которого одинаково ничтожны песчинка земная и мириады светил небесных, и величие Которого с одинаковою поразительностью проявляется в былинке и в совокупности всех творений.

Моисей за подвиги смирения и очищения себя от пристрастия к земному сподобился узреть явление Бога в Купине и беседовать с Ним лицом к лицу. Подражай, душа христианская, житию Моисея, тогда и ты достигнешь блаженства лицезрения Божия в будущей жизни. Но и в настоящей жизни нам дано предвкушать это блаженство в Таинстве Причащения. И достойные, и недостойные причастники Святых Таин «огню причащаются и неопальны пребывают, якоже Купина древле горевшая» (Молитва к Причащению). Но достойные причастники Тела и Крови Христовой, предпочистившие себя к принятию их

подвигами истинного покаяния, имеют то преимущество, что как только прикасается к ним этот Божественный огонь, тотчас разливается в их сердце неизъяснимо-усладительная теплота и производит в них ощущение присутствия в них Господа, столь же сильное и неотразимое, как внешнее ощущение зрения.

Подобное радостное ощущение присутствия Божия истинно верующие испытывают во время молитвы, во время чтения Слова Божия, также при размышлении о судьбах человечества и о явлениях видимой природы, свидетельствующих о присносушной силе Божией, в них открывающейся.

* * *

Рука нас Моисеова да уверит, душе, како может Бог прокаженное житие убелити и очистити, и не отчайся сама себе, аще и прокаженна еси.

Когда Господь из купины возвестил Моисею повеление идти в Египет и извести отсюда евреев в землю, кипящую медом и млеко, Моисей уклонялся от исполнения сего повеления, изъявляя, между прочим, опасение, что евреи не поверят его словам о явлении ему Бога.

Господь вооружил Моисея чудесами против этого неверия. Одно из них состояло в том, что рука Моисея покрылась проказой, как только он вложил ее в пазуху и потом вынул, и мгновенно очистилась от проказы, когда он снова вложил ее в пазуху и снова вынул. Совершив предварительно над Моисеем это чудо, Господь повелел Моисею повторить его перед старейшинами израильскими, что и сделал он, и через это и вместе другое чудо приобрел их доверие.

Проказа – это болезнь, похожая на злокачественный лишай, переходящий в гнойные язвы. Гной въедается в мускулы и уничтожает их, обнажая кости. Голос зараженного делается хриплым, нервы теряют чувствительность, глаза непрестанно слезятся. Мучительные сны, уныние, отчаяние – неразлучные спутники проказы. Прокаженный – это ходячий мертвец, заживо разлагающийся труп, распространяющий вокруг нестерпимое зловоние. Прокаженные удаляемы были от общежития из-за прилипчивости их болезни и отвращения, возбуждаемого зрелищем ее. Прикосновение к прокаженному делало нечистым

прикоснувшегося и отнимало у него право на несколько дней иметь общение с людьми. Проказа поражала все тело, но иногда один какой-либо член, и давала ему белый, жемчужно-подобный вид. Подобной проказой поражена была и рука Моисея.

С проказой сходно греховное состояние. Грех расстраивает здоровье души и повреждает все силы, все отправления ее, помрачает ум, расслабляет волю, притупляет в сердце чувствительность к добрым впечатлениям, заглушает голос совести до того, что грешник утрачивает понятие о различии добра и зла, и привычка к греху делается у него как бы второй природой. Грех, подобно проказе, заразителен. Проводником греховной заразы служат гнилые речи и безнравственные поступки. Те и другие вносят семя растления в души неутвержденных в благочестии и добродетели слушателей и зрителей. Есть такие грешники, которые находят какое-то дьявольское удовольствие учить греху невинных, развращать неопытных, и делают это совершенно бескорыстно, довольствуясь тем, чтобы быть только зрителями успехов в зле своих несчастных учеников. Грех лишает человека мира духовного. «Несть мира в костях моих от лица грех моих» (Пс. 37, 4). «Несть радоватися нечестивым» (Ис. 57, 21). Самолюбие – всегдашний источник их внутренних мук. Удовлетворенные нечистые желания оставляют в них скуку и пустоту, неудовлетворенные только раздражают их. По временам пробуждается в них совесть и терзает жгучими упреками. Наконец, подобно тому как проказа есть состояние медленного умирания, грех постепенно убивает в человеке духовную жизнь. Духовные мысли, стремления и желания в нем подавляются. Грех налагает печать мертвенности даже на добрые внешние дела его: по наружности они могут быть благовидны, но они совершаются не по внутреннему сердечному побуждению, а механически, по обычаю, иногда по тщеславию и лицемерию. Это не живые, а деланные из тряпок цветы, хотя издали кажутся живыми.

Плачевно состояние прокаженного, но не всегда безнадежно. Бывали случаи, что ядовитая материя, проникшая

внутри телесного состава, выходила наружу, и тело освобождалось от проказы (см. Лев. 13, 12). Это происходило естественным порядком. Но рука Моисея, как чудесно покрылась проказой, так чудесно была исцелена Господом. Подобное чудо милосердия Божия совершается над грешником, изъязвленным проказой греха. Пусть он восчувствует тяжесть своей вины перед Богом, всю мерзость греха, и вместе с прокаженным евангельским путь воззовет к Иисусу, Целителю язв греховных: «Господи, аще хочеши, можеши мя очистити» (Мф. 8, 2). Пусть он умоляет Его не только о прощении, о невменении ему греха, но вместе о даровании ему благодатной помощи для непрестанной борьбы с греховными искушениями и для достижения внутренней чистоты и святости. Пусть вопиет Ему с Давидом: «Сердце чисто созижди во мне, Боже... Окропиши мя иссопом» (Пс. 50, 12, 9), то есть каплями животочной Твоей пролитой на кресте крови, как окропляемы были иссопом, омоченным в кровь жертвенного животного, прокаженные (см. Лев. 14, 4, 6–52), когда приносили жертву за свое исцеление, «и паче снега убелюся» (Пс. 50, 9).

И милосердый Господь, не хотящий смерти грешника, но еже обратися и живу быти ему, пришедший на землю грешныя спасти, исцелить сокрушенных сердцем, скажет умоляющему Его об очищении грешнику, что сказал прокаженному: «хощу, очистися», – и тогда душа очистится от греховной проказы, убелится яко снег, и в белой одежде, омытой кровью Агнца, предстанет перед Престолом Его на Небесах, чтобы вечно вместе с небожителями славословить Его и вечно блаженствовать в общении с Ним (см. Откр. 7, 9, 14–17).

Глава 21 Фараон, Ианний и Иамврий

Яко тяжкий нравом фараону горькому бых, Владыко, Ианний и Иамврий душею и телом, и погружен умом [п](по упорству нрава, Владыко, я стал похож на фараона жестокого, по душе и по телу – на Ианния и Иамврия, и умом погряз в бездне), но помози ми.

Жестокость фараона обнаружилась не только в гонениях на евреев, но и в том упрямстве, с каким он противился требованию Моисея отпустить евреев на три дня в пустыню для принесения Господу жертвы.

Десять чудесных казней наведены были рукой Моисея на Египет с целью сломить ожесточение фараона, и только после последней, десятой казни, избиения египетских первенцев, фараон отпустил евреев. Предшествующие же казни, хотя признаваемы были фараоном за действие перста Божия, только ожесточали его. Пока продолжалась казнь и бедствия от нее доходили до крайней степени, фараон просил Моисея помолиться Господу о прекращении казни и обещал отпустить евреев; но когда по молитве Моисея казнь прекращалась, фараон не исполнял обещания и по-прежнему оскорблял Бога своим неверием и ожесточением.

В подобное неверие и ожесточение впадают многие грешники. Постигает их жестокая болезнь или другое какое бедствие, – они приходят в себя, начинают чувствовать свою виновность пред Богом, умоляют Его о помощи и дают обет, если Бог услышит их мольбу, исправиться и жить по-христиански.

Но миновала болезнь и бедствие, – они забывают обет и возвращаются к прежней порочной жизни не только по слабости воли, но и по неверию, удивляясь, как это они во время минувшей болезни могли считать ее наказанием Божиим и дойти до малодушной решимости умолять Бога об избавлении от Его гнева; как это ум их мог помрачиться до потери убеждения, что все на свете делается по одним естественным причинам, что, следовательно, и болезнь и выздоровление

могли произойти по этим одним причинам, помимо воли Божией. Они стыдятся страха Божия и упования на Бога, какие испытывали во время болезни, и признают их болезненным явлением, следствием временного помрачения здравого смысла, естественным во время болезни.

Многие грешники по упорству и неверию напоминают не только фараона, но и тех египетских волхвов, или чародеев, Ианния и Иамврия (см. 2Тим. 3, 8), которые старались слабым подражанием чудесам Моисея подорвать доверие к ним фараона. Подобно этим чародеям, они всем существом своим, «душею и телом», погрузились в чувственные чисто земные интересы и думают, что при помощи современных научных открытий можно устроить земную жизнь так счастливо, как никогда не удастся людям, следующим Евангельскому правилу: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся, то есть земные блага, приложатся вам» (Мф. 6, 33). От этих людей никогда не услышите слов: чудеса Господни, – а только: «чудеса науки», «чудеса искусства», «чудеса промышленности». Бог, по их словам, мог, пожалуй, создать мир, но власть над ним принадлежит одному человеку, не допускающему вмешательства Божия в свои дела. Вот до какой сатанинской гордости может доходить человек! Он забывает, что «чудеса» человеческой изобретательности в сравнении с чудесами Божьего промысления так же ничтожны и жалки, как жалки были фокусы египетских чародеев перед чудесами Моисея. Одного легкого дуновения гнева Божия достаточно, чтобы ниспровергнуть все создания человеческого ума, громадные и величественные, и никакие измышления людские не в силах остановить движение этого гнева.

Ум человека, ослепленного гордым сознанием своего могущества в области земных, вещественных интересов, не подозревает своего крайнего уничтожения: вращаясь в этой области, он сам оземляется, «погрязает в бездне» земного и вещественного, и теряет силы возноситься к Горнему и Божественному, то есть теряет то, в чем состоит его главное преимущество перед всеми земными тварями.

Смирись, гордая душа, пойми безумие твоей гордыни, безумие подражания фараону и его чародеям в неверии и ожесточении, и возопий к Господу: прогневал я Тебя не менее, чем фараон с Ианнием и Иамврием, прости меня и помоги мне вступить на путь смиренной покорности и преданности во всем Твоей святой воле.

Глава 22 Черное море

Моисеов жезл воображай [n](представляй), душе, ударяющий море и огустевающий глубину, во образ креста Божественнаго: имже можеш и ты великая совершити.

Десятая казнь, поразившая Египет, победила ожесточение фараона против Бога и Моисея. Фараон отпустил евреев из Египта, но вскоре раскаялся и погнался за ними, чтобы возвратить их. Он нагнал их со своими колесницами и конницей у Черного моря. Евреи ужаснулись, но Господь спас их. По глаголу Господню, Моисей простер на море свой чудодейственный жезл и огустил глубину. Это произошло так: по манию жезла Моисеева поднялся сильный ветер и обнажил морское дно. Воды моря стали твердой стеной с обеих сторон обнаженного дна, и между ними немокренно перебрался Израиль на противоположный берег.

В сем случае жезл Моисеев послужил знаменем или образом Креста Христова и чудодействовал именно потому, что был этим знаменем или образом. Но если знамение Креста Христова было столь чудодейственно во времена ветхозаветные, когда Крест Христов мог быть чествуем только в предызображениях и тенях, то меньше ли силы должно иметь знамение Креста Христова, когда через Крест Христов действительно совершилось наше спасение, когда через него действительно открыт нам путь в Царство Небесное и устранены препятствия со стороны духовного фараона – диавола к шествию этим путем?

По вере в силу Крестных страданий и смерти Богочеловека, как видно из истории и из многочисленных современных опытов, посредством крестного знамения совершались и доселе совершаются великие дела, например, исцеление безнадежно больных. Посредством крестного знамения совершаются все Таинства, через которые преподаются многообразные дары благодати Божией и все освящения. Крестное знамение необходимо соединяется с каждой молитвой и дает ей силу перед Богом. Крестным знаменем отражаются греховные

искушения, идущие или прямо от дьявола, или от мира и от нас самих. Поистине великие дела совершаются через крестное знамение. В крестном знамении каждому из нас дана возможность «совершать великая». Если же, однако, нам не удастся посредством крестного знамения достигнуть не только великих, но и малых успехов в стремлении к тому или другому благу, в избежании того или другого зла, то это случается или потому, что Господу не угодно давать нам легкие победы и успехи, дабы мы не превозносились или не привыкали к беспечности в надежде на Бога, или потому, что употребляем крестное знамение не как следует: надобно творить его с живой верой в Распятого, ибо оно не само по себе имеет силу, а только в соединении с этой верой.

Надобно творить его с благоговением и со смиренным сознанием, что можем умиловать Господа не своими заслугами, а только надеждой на милосердие Его ради претерпенных за нас Богочеловеком крестных страданий и смерти. Только под этим условием могут быть угодны Господу и наша ревность к исполнению заповедей Господних, и вместе наши молитвы, соединенные с крестным знамением.

* * *

Волны, Спасе, прегрешений моих, яко в мори Чермнем возвращающесе, покрывша мя внезапно, яко египтяны иногда и тристаты.

Когда израильтяне благополучно перешли по осушенному дну моря на другой берег, тогда по их следам вступили на дно моря египтяне, но нашли здесь свою погибель. Моисей с противоположного берега снова простер жезл над морем, и расступившиеся воды устремились на прежнее свое ложе и поглотили египтян (то есть всю конницу египетскую) и тристаты (то есть все боевые колесницы со стоявшими на каждой из них тремя воинами²).

Египтяне, погрязшие в глубине морской, суть образ людей, потопляемых волнами греховными. Порывы страстей, повторяясь чаще и чаще, отнимают наконец у души силу для сопротивления им; душа, сначала боровшаяся с ними не без надежды восторжествовать, наконец становится столько же

бессильной в этой борьбе, сколько бессильными оказались конница и боевые колесницы для борьбы с разъяренной стихией. Египтяне внезапно, едва успели заметить опасность, погибли. И душа, утратившая силу для борьбы с греховными искушениями, быстро увлекается ими, не давая себе труда противостоять им даже в первые минуты напора их. Размышление о последствиях могло бы если не уничтожить, то уменьшить силу греховных искушений. Но греховные привычки ослабляют не только волю, но и способность размышления. Остается одна надежда: не вразумят ли грешника по крайней мере самые последствия его греховных увлечений. Действительно, испытывая горькие последствия греховных волнений, душа может прийти в себя и подумать о спасении. И в таком случае состояние ее не безнадежно. Спасительно уже самое сознание опасности своего положения – оно есть первый шаг к выходу из этого положения.

Утопающие, выбившись из сил для спасения себя от потопления, но не утратив чувства самосохранения, кричат людям о помощи, которую иногда и получают. Подобно им и утопающая в греховных волнах бедная душа, если не хочет погибнуть, пусть взывает о помощи к Господу, исповедуя перед Ним свое бессилие в борьбе с греховными искушениями, пусть вопиет Ему: Господи, беззакония мои превзыдоша главу мою, то есть повергли меня в положение человека утопающего, сначала выныривающего из воды головой, потом совсем покрываемого водой. Чувствую, что у меня нет сил самому подняться из греховной бездны. Даруй мне Твою благодатную помощь, чтобы мне не погибнуть в этой бездне; ибо нет бездны, из которой не извлекла бы грешника всесильная благодать Твоя.

Глава 23 Вода из камня

Кладенцы, душе, предпочла еси хананейских мыслей паче жилы камене [п](камню, содержащему в себе жилу), из негоже премудрости река, яко чаша, проливает токи богословия [п] (боговедения).

По переходе через Чермное море израильтяне, по указанию Божию, держали путь по направлению к Синаю, которого и достигли в начале третьего месяца по исходе из Египта.

На сем пути для ободрения народа совершенно было несколько поразительных чудес. Одно из них произошло вблизи Синая в пустыне Рефидим. Израильтяне почувствовали в этой пустыне недостаток в воде и стали роптать на Моисея: зачем он вывел их из Египта и морит жаждой их, детей их и стада их и настойчиво требовали у него воды. Моисей, по повелению Божию, взял свой чудодейственный жезл, подошел к скале хоривской, ударил по ней жезлом, и из нее брызнула вода в таком обилии, что ее достало для утоления жажды всего народа. По толкованию апостола Павла, эта скала или камень был Христос, то есть она предызображала Христа, а вода, чудесно изведенная из камня, которую пили израильтяне, была образом духовного питья (см. [1Кор. 10, 4](#)).

Господь Иисус Христос есть действительно источник духовной воды, утоляющей наши духовные потребности. В ряду этих потребностей есть потребность истины, и преимущественно религиозной, – боговедения. Господь Иисус Христос открыл эту истину в такой полноте, в какой она неведома была до Его Пришествия не только язычникам, но и иудеям. Он возвестил о Боге все, что нужно нам знать для нашего просвещения и спасения, а для большего утверждения людей в религиозной истине Он послал от Отца Святого Духа, Который есть Дух Истины. Наученные Христом истине и приявшие в день Пятидесятницы в обильной мере дары духовной мудрости и ведения, апостолы пронесли слово истины по всей земле. Восприятая ими от камня – Христа, – через Святого Духа, благодать божественной мудрости из их душ, как из

переполненной чаши, разлилась по всему миру рекой и напоила жаждущие истины умы струями боговедения в такой мере, что даже младенцы стали теперь знать о Боге больше, чем знали о Нем языческие мудрецы. Эта река божественной мудрости до сих пор течет и до скончания века будет течь в Христовой Церкви, ибо до скончания века будет существовать Святая Церковь с ее просветительными средствами, заключающимися в Слове Божиим, в котором дышит Дух Истины, в учении Вселенских Соборов, отцов и учителей Церкви, в богослужебных книгах, проповеднической деятельности пастырей Церкви. Эти источники духовного просвещения, божественной мудрости, богословского ведения всем доступны; но, к сожалению, не все ими пользуются. Есть среди христиан души, которые не дорожат сокровищами духовного ведения, какие предлагает им Святая Церковь. У них нет жажды этого ведения, они не пойдут на зов: жаждущие истины, идите ко Христу и здравым учением, содержимым в Его Святой Церкви, утоляйте свою жажду. Гордые и равнодушные души предпочитают кладенцы хананейских мыслей. Хананеи преданы были крайнему нечестию и грубейшему идолопоклонству и славились успехами торговли и промышленности. Сколь процветали их житейские дела, столь жалко было их духовное состояние.

На них походят грешники, в которых пристрастие к земным благам заглушило духовные потребности и между ними потребность духовного ведения. Все силы своего ума они употребляют на изобретение средств к устройению и упрочению земного благосостояния, но о духовном просвещении себя нимало не думают, и если по временам пробуждается в них любопытство относительно религиозной истины, они для удовлетворения его обращаются не к источнику ее – к Христу и Его Святой Церкви, а к хананейским нечестивым учениям и мнениям о религии, распространяемым в мире под влиянием отца лжи – дьявола, властвующего доселе над умами людей легкомысленных и гордых.

Вопроси себя, душа христианская, не предпочитаешь ли и ты по временам хананейский нечестивый образ мыслей здравому христианскому учению, не напояешь ли себя мутной и

гнилой водой мирского суемудрия, вместо того чтобы искать истины в самом источнике ее – во Христе и Его Святой Церкви? Если ты виновна в этом, то поспеши с раскаянием обратиться ко Христу, взывающему ко всем жаждущим истины: «Аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет» (Ин. 7, 37).

* * *

Яко удари Моисей, раб Твой, жезлом камень, образно [п] (таинственно) животворивая ребра Твоя прообразоваше, из нихже вси питие жизни, Спасе, почерпаем.

Вода, чудесно изведенная жезлом Моисея из камня, предызображала не только струи боговедения, истекшие от Христа к напоению жаждущих истины, но вместе животворящие ребра Христовы, из которых почерпается питие жизни.

Это предызображение исполнилось так. Когда Христос испустил на Кресте дух, тогда один из воинов, совершителей казни, подошел к Нему и копьем пронзил Ему бок с целью удостовериться, действительно ли не осталось признаков жизни в Распятом, и если бы таковые оказались, то довершить умерщвление Его. И вдруг из пронзенного бока Иисусова «истекла кровь и вода» (см. Ин. 19, 34). Истечение крови было знаком того, что хотя Богочеловек умер на Кресте, но тело Его не подверглось естественному закону разложения и с самой минуты смерти начало входить в то состояние, которое окончилось воскресением в прославленном виде³).

Не менее чудесно было истечение вместе с кровью воды. И вот эта-то животворящая кровь, истекшая с водой из пречистых ребр Спасителя, служит для нас питием жизни, которое подается нам, мы принимаем его как бы из ребр Спасителя и принимаем в том виде, в каком оно истекло из этих ребр, именно кровь в растворении с водой. Поистине это питие есть питие жизни, потому что вводит нас в теснейшее общение с Источником жизни и бессмертия. Через это общение подаются нам благодатные силы к жизни духовной, святой и богоугодной, и вместе вводится в нас семя или залог блаженного бессмертия по самому телу. «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь имать живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день» (Ин. 6, 54), изрек Господь. Дорожишь ли ты, душа христианская,

высочайшей честью жить в духовном общении с Господом, и вечным блаженством? Если дорожишь, то не лишай себя питья жизни из животворящих ребр Спасовых. Но знай, что сие питье животворно и спасительно только для достойных причастников. «Ядый бо и пияй недостоине, суд себе яст и пьет» (1Кор. 11, 29). Из пивших воду, изведенную из скалы, только немногие дожили до счастья вступить в обетованную землю, прочие поражены были смертью в пустыне в наказание за неоднократный ропот на Бога и на Моисея в пустыне, за похотливость и идолопоклонство (см. 1Кор. 10, 5–11). Все это служит предостережением для нас. Если не хочешь лишиться вечного блаженства на земле живых, в Царствии Небесном, то не подражай мятежным и похотливым израильтянам, старайся быть достойным причастником питья жизни, чтобы оно не послужило тебе в суд и осуждение, и к приятию его приготавлийся с благоговением, и по приятию блюди себя от всего, что может прогневать Господа.

Глава 24 Манна

Неразумное, душе, произволение имела еси, яко прежде Израиль: божественная бо манна предсудила еси безсловесно [п](безрассудно предпочла Божественной манне) любосластное страстей объядение [п](пресыщение).

Свиная мяса и котлы и египетскую пищу паче небесная предсудила еси, душе моя, якоже древле неразумнии людие в пустыни.

Спустя месяц по выходе из Египта израильтяне, по случаю недостатка в пропитании, подняли ропот на Моисея и Аарона, говоря: «О если бы мы умерли от руки Господней в земле египетской, когда сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! Вы вывели нас в эту пустыню, чтобы всех уморить голодом».

Эта жалоба была поводом к тому, что Господь стал посылать израильтянам чудесную пищу, которую они назвали манной, ибо, увидев ее в первый раз, они спрашивали: что это (мангу)? Манна имела вид мелких снеговидных крупинок, а вкусом походила на лепешку с медом. Она ежедневно, кроме субботы, чудесно нисходила к ним от Бога, почему справедливо называется пищей божественной, небесной. Этой пищей израильтяне питались во все время странствования в пустыне до вступления в землю Ханаанскую (см. [Исх.16](#)). Она была питательна; но ее однообразие, при отсутствии другого рода пищи, было причиной недовольства ею и жалоб со стороны прихотливого народа, помнившего, что в Египте, хотя тяжело было жить, не было недостатка в разнообразных снедах. И это недовольство Господь не оставлял без наказания. Однажды, когда они, сидя у шатров своих, с плачем вспоминали про обилие египетской пищи и говорили: кто накормит нас мясом? Господь повелел сказать им, что Он даст им мясо, и они будут есть его, пока оно не сделается отвратительным. И вот к стану израильскому налетело бесчисленное множество перепелов. Народ с жадностью стал собирать их и пресыщался их мясом. Но еще не прошла прихоть их, еще мясо было в зубах их, как

гнев Господень возгорелся – и поразил Господь народ страшной язвой. Множество людей погибло от нее, и место, где произошло это событие, было прозвано гробами похотения или прихоти, ибо за прихоть пали здесь мертвыми сыны Израилевы (см. Числ. 11:4–5, 18, 20, 31–35). В последний год странствования снова был ропот на Бога и на Моисея из-за манны. «Опротивела душе нашей эта негодная пища», – говорили недовольные. И Господь послал на них ядовитых змей. Весьма многие погибли от их укушения. Народ раскаялся, и Господь повелел Моисею воздвигнуть медное изображение змея, и кто угрызаем был змеем, тот, взглянув на это изображение, исцелялся (см. Числ. 21, 5–9).

Неразумно вели себя сыны Израилевы, когда предпочитали божественной манне мясную пищу и другие снеди и удовлетворяли своим сластолюбивым вожделениям (страстям) до пресыщения, до забвения в себе человеческого достоинства, до слепого, ничем не сдерживаемого увлечения. Еще неразумнее поступает христианин, когда предается чревоугодию до того, что не дорожит общением со Христом, предлагающим каждому Свою духовную пищу. Христос питает нас Своим словом, которое есть "млеко для духовных младенцев" (см. 1Пет. 2, 2) и крепкая пища для зрелых духовно (см.: Евр. 6, 1), которая насыщает алчущих и жаждущих истины и правды, сообщая им удовлетворительное понятие о всем, что нужно знать и делать для спасения души. Христос питает нас благодатью Таинств и преимущественно Таинства Евхаристии. Преподаваемое в сем Таинстве Тело и Кровь Свою Спаситель Сам называет «истинным брашном и истинным питием» (см. Ин. 6, 55), в противоположность ветхозаветной манне, которая хотя и была чудесным хлебом, но только образом Тела и Крови Христовой. Высочайшее преимущество брашна Тела и Крови Христовой перед ветхозаветной манной состоит в том, что вкушающий сие брашно теснейшим образом соединяется со Христом и в Нем становится причастником Вечной жизни. «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем. ядый Мою плоть и пияй Мою кровь иматъ живот вечный (унося с собою на тот свет семя, или залог, вечно-блаженной жизни), и

Аз воскрешу его в последний день» (Ин. 6, 56, 54). Посему уклоняться от вкушения Тела и Крови Христовой значит не дорожить общением со Христом и вечным спасением. К сожалению, уклонение от Евхаристии если не на всю жизнь, то на продолжительное время – обыкновенное явление. Многие христиане относятся к Евхаристии, как израильтяне к манне. Они приступают к сему святейшему Таинству с неохотой и потому не ежегодно. Отчего это? Оттого же, от чего израильтяне недовольны были манной: от любо сластного страстей объядения, то есть от чревоугодия, от пристрастия к удовольствиям чрева, от привычки есть и пить до пресыщения. Это пристрастие и эта привычка заглушают духовную алчбу и жажду общения со Христом. Церковь всякому заповедует приготовляться к Святому Причастию посредством продолжительного говения, воздержания в употреблении пищи и питья. Но отстать от невоздержания привыкшему к нему тяжело. Приступать же к Святому Причастию без предварительного говения, без предварительных подвигов воздержания не безопасно. Ибо, если и при говении причастие Святых Таин бывает для многих в суд и осуждение, то суди, было ли бы оно спасительно без говения? Итак, возненавидь, грешная душа, чревоугодие и не уклоняйся от говения, от подвигов воздержания не только во дни приготовления к Причащению, но и после Причащения, ибо воздержание требуется от нас во всякое время. Во всякое также время – и постом, и мясоедом – должно быть поддерживаемо в нас благоговейное настроение души. Тогда и усиленные подвиги говения перед Причащением были бы не так тяжелы, потому что переход к ним не был бы резок и крут. Израильтяне за чревоугодие и недовольство манной были, как мы видели, строго наказываемы Господом.

Этот пример, равно как и примеры упоминаемых в Евангельских притчах блудного сына, расточившего свое имение на чувственную жизнь и доведшего себя до позорной нищеты, также богача, веселившегося каждый день светло и потом попавшего в ад, показывают, что чревоугодие и для нас не останется безнаказанным, и только покаянием может быть отвращено наказание.

Глава 25 Дафан и Авирон

Уклонила еси, душе, от Господа твоего, якоже Дафан и Авирон, но пощади, воззови из (при виде) ада преисподняго, да не пропасть земная тебе покрывает.

Во время сорокалетнего странствования евреев в пустыне не раз происходили возмущения их против вождя их Моисея и Аарона. Одно из них было произведено Кореем левитом в сообщничестве с Дафаном и Авироном. Оба они были родные братья, принадлежавшие к потомкам Рувима, старшего сына Иаковлева, который не сохранил, однако, своего первенства, предоставленного отцом Иуде. Дафан и Авирон, может быть, с надеждой возвратить своему колену утраченное первенство, стали вместе с Кореем во главе движения против Моисея и Аарона, оправдывая себя благовидным предлогом. "Полно вам, – говорили мятежники Моисею и Аарону, – все общество, все святы, и среди их Господь! Почему же вы ставите себя выше народа Господня?"» (Чис. 16, 3). После стольких чудес, совершенных через Моисея, свидетельствовавших о его особенной близости к Господу, о его божественном авторитете, решаться так дерзко нападать на власть его, оспаривать у него и Аарона права их, значило восставать против самого Бога, хотя заговорщики не отрекались от Господа. Нельзя было оставлять безнаказанным такое нечестие. Господь страшно покарал мятежников. Одни из них попалены были огнем, – это те, которые вместе с Аароном по приглашению Моисея явились пред скинию с кадилами для того, чтобы узнать, кого Господь изберет служить Ему. Но Дафан и Авирон, не принявшие этого приглашения и остававшиеся в своих шатрах, поглощены были разверзшеюся под ними землей вместе с семействами и со всем имуществом их. С ними погиб и Корей.

Пример Дафана и Авирона, казненных Господом за непокорность законной власти, показывает, как тяжок этот грех. Власть гражданская и церковная есть установление Божие. Поэтому неповиновение той и другой власти – это неповиновение Самому Богу. «Несть бо власть аще не от Бога,

сущия же власти от Бога учинены суть: темже противляйся власти, Божию повелению противляется» (Рим. 13, 1–2). Это сказано о гражданской власти. Равно и власть церковная, известная под именем священноначалия, имеет божественное происхождение. Сам Христос, Глава Церкви, дал ей «овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова» (Еф. 4, 11–12). До какой степени должно быть священным для верующих послушание лицам, поставленным в Церкви учить, священнодействовать и руководить их, видно из следующих слов Христа, сказанных апостолам и в их лице преемникам их служения, пастырям Церкви: «Слушай вас, Мене слушает, а отменяйся вас, Мене отменяется. Отменяйся же Мене, отменяется пославшаго Мя» (Лк. 10, 16); «елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будет разрешена и на небеси» (Мф. 18, 18); «Аще же и Церковь (то есть церковную власть) преслушает брат твой, буди тебе, якоже язычник и мытарь» (Мф. 18, 17).

Вопроси себя, душа христианская, не виновна ли и ты в грехе неуважения к законным властям, гражданским и церковным, и если не восстаешь явно против них, то не отвергаешь ли богоучрежденности их? Всего менее, впрочем, позволительно предполагать в тебе противление гражданской власти, – на это решаются только отребия общества, ничтожные по количеству, – но непослушание Церкви, ее законам и властям не есть ли обыкновенное явление? Не говорим об открытых врагах Церкви, например, раскольниках и современных безбожниках, – не встречаем ли на каждом шагу в среде православного общества возмутительные примеры уклонения от руководства Святой Церкви? В пастырях Церкви не хотят признавать учителей и не слушают их учения, обижаются их обличениям. Правила церковные о говении, о постах, о еженедельном посещении церковных служб, об исполнении епитимий пренебрегаются и не почитаются обязательными или по ложному мнению о христианской свободе, которую будто нельзя связывать правилами, или по

грубому соображению, что за пренебрежение их не полагается никакого вещественного штрафа. Признайся, душа христианская, не позволяешь ли ты себе относиться с подобным неуважением к Святой Церкви, которой ты обязана повиноваться со времени крещения? Но знай, что уклоняясь от повиновения ей, ты уклоняешься от Самого Господа, облекшего ее в лице священноначалия властью учительства, священнодействия и духовного руководства, следственно, виновна, в грехе Дафана и Авирона. Они в наказание за восстание против законной власти поглощены были землей.

Не надейся и ты избежать наказания за преслушание церковной власти. Господь щадит в этой жизни упорных слушников, ожидая от них покаяния. Но горе нераскаянным! Им грозит по смерти вечная казнь в преисподней. Пока не разверзлась перед тобой преисподняя, поспеши умиловать Господа покаянием, вступи на путь смиренной покорности Святой Церкви, скажи Господу: пощади меня, Господи, не накажи меня, как наказал Дафана и Авирона.

Глава 26 Иисус Навин

Испытай, душе, и смотри, якоже Иисус Навин, обетования землю, какова есть, и вселися в ню благозаконием.

В первый год по выходе из Египта евреи достигли южных пределов земли обетования. По повелению Господа посланы были в нее по числу колен двенадцать соглядатаев (разведчиков), чтобы собрать сведения о ее состоянии. В числе их был Иисус Навин. Сорок дней продолжался осмотр земли Ханаанской. По возвращении к стану все они единогласно объявили, что в ней подлинно течет мед и млеко, и в доказательство ее плодоносия показали принесенную ими из долины Эсхол виноградную ветвь с кистью ягод, столь тяжелую, что ее надобно было нести на шесте двум человекам. Но десятеро из них с таким малодушием отзывались о силе и воинственности ее жителей, что народ отчаялся завладеть ею и произвел возмущение против Моисея, за что осужден был Господом на сорокалетнее странствование в пустыне. Из всех соглядатаев только Иисус Навин и Халев с опасностью быть убитыми от возмущившихся обнадеживали народ в помощи Божией, за что оба удостоились счастья вступить в обетованную землю, тогда как все принимавшие участие в возмущении, начиная с двадцатилетних юношей, должны были по приговору Божию перемереть в пустыне (см.: [Чис. 14](#)).

Земля обетованная была образом Царства Небесного. Как земля обетованная была для народа землей успокоения после тревог долговременного странствования: так и для нас в Иерусалиме небесном уготованы обители вечного успокоения, ничем не возмутимого мира и блаженства (см. [Евр. 4, 1–3](#); [Ин. 14, 2](#)). Земля обетованная текла медом и млеком: и Царство Небесное обилует благами, «ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его» ([1Кор. 2, 9](#)). Подобно Иисусу Навину, бывшему в земле обетованной для предварительного осмотра ее, и ты, душа христианская, испытай и виждь, что это за блага, какие уготованы любящим Бога в Царстве Небесном, чтобы возбудить

в себе ревность к исканию их. Любящие Бога еще в настоящей жизни предвкушают их, ибо и здесь испытывают сладость общения с Богом в молитве, в Таинствах, в чтении и изучении словес закона Господня, сладчайших меда и сота.

Но в ком еще не раскрылся вкус к этому духовному наслаждению, тот может получить по крайней мере теоретическое понятие о благах Царства Небесного, читая изображение их в Священном Писании. Из него узнает он, что блаженство в Царстве Небесном состоит в лицезрении Господа, в общении со святыми, в чувстве успокоения, естественно следующего за удовлетворением потребностей истины, добра и блаженства.

Евреи 40 лет провели в странствовании, прежде чем достигли земли обетованной. Подобно сему и жизнь наша есть время странствования на пути к обетованному нам Царству Небесному, время приготовления к нему. Из евреев дожили до счастья вступить в обетованную землю только те, которые родились в пустыне и также те, которые были в юношеском возрасте при исходе из Египта; прочие перемерли в пустыне за помянутый ропот на Бога и возмущение против Моисея. Равным образом и из нас не все сподобятся получить Царство Небесное, а только те, которые идут к нему путем «благозакония», – доброго, согласного с законом жития. Узок и прискорбен этот путь, – путь заповедей Господних. Но другого пути туда нет. Какие это заповеди, указано в Нагорной беседе Христа Спасителя (см. Мф. 5–7). При исполнении их неизбежна борьба с искушениями от мира, от своего самолюбия и от диавола, – искушениями тем более тяжкими и опасными, чем строже требования этих заповедей, чем выше и недостижимее тот образец, к подражанию которому должен стремиться исполнитель их: «Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5, 48). Ему нужно великое терпение и самоотвержение, чтобы устоять против этих искушений и остаться верным закону Господню. Но Царство Небесное есть такая возделенная цель нашего земного странничества, для которой христианин не должен отступать ни перед какими лишениями и жертвованиями.

Израильтяне, роптавшие на Господа в пустыне, погибли в ней разными смертями, в предостережение нам, чтобы мы не роптали на Бога, не оскорбляли Его жалобами на тесный и скорбный путь, ведущий в Рай, а утешали себя надеждой на венец славы, уготованный шествующим этим путем. «В путь узкий хождшии и прискорбный и вси в житии крест, яко ярем, вземшии и Мне последовавшии верою, приидите – насладитесь, ихже уготовах вам почестей и венцев небесных», глаголет Господь устами Церкви.

* * *

Востани и побори, яко Иисус Амалика, плотския страсти, и гаваониты, лестуыя помыслы, присно побеждающе.

По переходе чрез Чермное море израильтяне держали путь к Синаю. На этом пути внезапно напали на них амаликитяне (одно из арабских племен) и побили у них всех отставших по причине утомления.

Для отражения амаликитян Моисей отрядил Иисуса Навина, а сам взошел на холм для молитвы. Сражение продолжалось целый день. И всякий раз, как Моисеевы руки были распростерты на молитву, одолевали Израильтяне, а когда от усталости опускались, брали верх амаликитяне. Победа осталась, наконец, на стороне израильтян. Распростертыми руками Моисей, по замечанию учителей Церкви, изображал Крест, победоносное оружие на брани.

Разбойническое нападение амаликитян есть образ плотских страстей, воюющих на душу. Плотские страсти, – это грехи плоти, обратившиеся в страсть, или страстно совершаемые. Грехи плоти суть вообще дела ветхого человека, или растленной грехом нашей природы, противоположные подвигам жизни духовной, или жизни в общении с Богом мыслями, желаниями, действиями, с отсечением чувственных и земных пристрастий. Ближайшим образом к грехам плоти относятся грехи любострастия и сластолюбия. «Явлена же суть дела плотская, – говорит апостол Павел, – яже суть прелюбодеяние, блуд, нечистота, стыдоддеяние... пьянство» (Гал. 5, 19, 21). Но наряду с этими грехами, живущими в чувственности и питающими ее, Апостол относит к делам плоти также «вражду,

ссоры, зависть, гнев, распри, волшебства» (см.: [Гал. 5, 20](#)). Эти грехи, хотя по-видимому не имеют связи с чувственностью, на самом деле имеют плотский характер. Кто увлекается ими, тот увлекается большей частью под влиянием одних чувственных впечатлений, без всякого рассуждения, подобно неразумному животному, управляемому слепым инстинктом. Животное, например, не может не злиться, когда его дразнят.

Так и гневливый человек выходит из себя, когда его оскорбляют, или покажется ему, что его оскорбляют. Но животному простительно злиться; оно не способно возвыситься над неприятными для него впечатлениями силой рассуждения, которого не имеет. Человек может стать выше их, может избегать неприятных столкновений с ближними, а при неизбежности этих столкновений может успокоить себя христианскими рассуждениями. Гневливый человек в припадке гнева теряет способность к христианским рассуждениям и в этом положении не видно в нем не только христианского, но и вообще человеческого достоинства, – в нем сказывается одна животная, а не духовно-разумная природа, в нем господствует плоть, а дух подавлен ею.

Не доводи себя, душа христианская, до столь унижительного состояния, восстань и побори плотские страсти, как Иисус Навин восстал против Амалика и поборол его. Когда духовный Амалик – диавол – нападает на тебя со своими искушениями и успеваешь возмутить в тебе мир, поспеши отразить его страхом Суда Божия, смертной памятью, подвигами терпения и самоотвержения, но паче всего молитвой и крестным знаменем, ибо Иисус Навин победил Амалика не одним только личным мужеством, но при молитвенной помощи Моисея: Моисей молился с воздетыми к небу руками, изображая Крест, которым Христос победил диавола и в котором даровал и нам залог победы над нашими видимыми и невидимыми врагами.

Продолжительна была битва Иисуса Навина с амаликитянами, и победа над ними долго колебалась. Продолжительных и тяжких усилий с нашей стороны требует и борьба с плотскими страстями; трудно изжить их из души, когда

они уже засели в ней и дали ей испытать свое мучительство. Нужна непрерывная брань с ними и непрерывный подвиг молитвы, ибо и победа над Амаликом колебалась, когда распростертые на молитву руки Моисея изнемогали и опускались. Не ослабевай в этой брани и в молитвенном против плотских страстей подвиге.

В борьбе с плотскими страстями особенно опасны «лестные гаваонитские помыслы». Гаваонитяне известны по той хитрости и обману, к какой они прибегнули с целью избежать горькой участи хананейских городов Иерихона и Гая, завоеванных Иисусом Навином. Отправленные из Гаваона к Навину послы уверили его и старейшин, что они пришли из далекой страны, тогда как на самом деле Гаваон был одним из Хананейских городов, лежавший недалеко от Иерихона, и что уполномочены заключить союз с евреями. В доказательство долговременности своего путешествия из дальней страны они показали еврейским старшинам заплесневелый хлеб, обветшавшую одежду и обувь. Старейшины поспешили заключить с гаваонитянами союз, не спросив о том Бога, и поклялись оставить их неприкосновенными. Обман открылся спустя три дня, но клятва была исполнена.

Подобно гаваонитянам вторгаются в душу лестные помыслы, склоняя ко греху благовидными предложениями. Блудник оправдывает свое поведение заботой о здоровье, вор – нуждой, нечестный торговец поговоркой «не обманешь – не продашь», мстительный – уважением к своему личному достоинству, немилосердный – опасением сделать добро тунеядцу, лгун и клеветник – желанием пошутить, беспечный грешник – надеждой покаяться со временем. У раскольников в оправдание грехов существует поговорка: «не согреша не покаешься, не покаешься – не спасешься». Бойся, душа христианская, подобных лестных рассуждений, не увлекайся их благовидностью, обличай скрытый в них грубый обман словом Божиим, им одним руководствуйся в рассуждении о том, что грех и что не грех, что свет и что тьма. Старейшины еврейские вдалились в обман гаваонитянам потому, что не спросили о них Господа.

И ты находишься в опасности впасть в грубое заблуждение, если доверишься лестным гаваонитским помыслам, не спросив о них Бога в святом слове Его, ибо только в слове Его нет лести: оно всегда называет грех своим именем.

Глава 27 Иордан

Прежди времени текущее естество, яко прежде ковчег, и буди во одержании земли оные обетования, душе, Бог повелевает.

Прошло сорок годов странствования евреев по аравийской пустыне. Они подошли к Иордану. Оставалось перейти эту реку, чтобы вступить в одержание земли обетования.

По случаю весеннего разлива Иордан имел в это время самую высокую воду. Но это не остановило движения евреев. Господь повелел им очиститься нравственно и физически в три дня и потом переправиться через Иордан. Переправа совершилась чудесным образом. Впереди шли священники с Ковчегом Завета, и лишь только они вступили в воды Иордана и остановились у берега с Ковчегом Завета, река стала в своем течении, верхняя часть воды поднялась горою, а нижняя стекла в Мертвое море. Открылось сухое дно, по которому весь народ перешел на другую сторону, видя Ковчег Завета, как бы сдерживавший напор воды, пока не совершился переход.

Вот и тебе, душа христианская, уготована Земля Обетованная, Царствие Небесное, и тебе путь к нему лежит через Иордан. Иордан, быстрый в своем течении всегда, особенно же в половодье, есть образ быстротекущего времени жизни, все уносящего в своем течении. Как перейти этот поток времени благополучно, выбраться из него на другой берег прямо в землю обетования и неувлеченному быть течением в Мертвое море, в область вечной смерти, или погибели? А как перешли через Иордан сыны Израилевы? Они вступили в Иордан вслед за Ковчегом Завета, несомым священниками, и шли по дну Иордана, видя его. Подобно этому и мы должны проходить поток временной жизни, имея перед глазами светильник ногам нашим и свет стезям нашим – закон Господень, озарять свой путь этим светом, руководствоваться указаниями его во всех делах и случаях жизни, иначе собьемся с пути, ведущего в Царство Небесное, и попадем в Мертвое море.

Ковчег Завета при переходе израильтян был на руках священников, истолкователей закона Господня и блюстителей за исполнением его. Подобное значение в отношении к новозаветному закону имеют в Христианской Церкви пастыри ее. В их руках ключ разума Слова Божия, им вверено попечение о душах и руководство их ко спасению. Кто чуждается общения с ними, доверяя только своему личному мудрованию, тот находится в опасности отступить от истины, хранимой в Святой Церкви, и от самой Церкви, вне которой нет спасения. Бойся, душа, этой опасности.

Сыны Израилевы прошли через Иордан посуху – и мы, подобно им, можем выйти, так сказать, сухими из воды, если, живя среди мира, не будем прилепляться к нему, к его благам и удовольствиям, если не будем увлекаться потоком его изменчивых мнений и обычаев, разнообразными господствующими в нем соблазнами, если не будем смущаться огорчениями от людей, житейскими неудачами, утешая себя мыслью, что всякое земное горе и беда временны, а вечное мздовоздаяние на Небесах. Если же не удастся нам сохранить себя сухими, или чистыми от греха на пути к вечности, если бездна греховная поглотит нас и беззакония, словно воды, превзыдут главу нашу, – не будем приходить в уныние и отчаяние, употребим последние усилия к тому, чтобы спасти себя от гибели, – и наипаче воззовем о помощи к Тому, Кто устроил немокреный путь через Иордан сынам Израиля. И если Он иногда обретается не ищущим Его, и является не вопрошающим Его (см. [Ис. 65, 1](#)), то не предстанет ли Он с Своей благодатной помощью к взывающим о ней?

Глава 28 Офни и Финеес

Аарон приношаше огонь Богу непорочный [п](чистый), нелестный [п](беспримесный); но Офни и Финеес, яко ты, душе, приношаху чуждее Богу, оскверненное житие.

После того как Аарон поставлен был в сан первосвященника, на первую жертву, им принесенную, от Господа чудесно сошел огонь и воспламенил ее.

Этот огонь должен был с тех пор гореть неугасимо. Священники обязаны были поддерживать его день и ночь, и кроме него нельзя было употреблять в скинии другого, чуждого, со стороны взятого огня. Сыновья Аарона, употребившие в то же время огонь чуждый для курения в скинии, тотчас же были попалены от Господа. Если для жертвы надлежало употреблять только священный огонь, однажды навсегда данный от Самого Господа, если не дозволительно и не безопасно было заменять его посторонним или примешивать к нему посторонний, то понятно, с каким настроением духа надлежало являться в скинию и присутствовать в ней в виду этого священного огня. Соответственно чистоте и целости жертвенного огня душа каждого израильянина, являющегося пред лицом Господа в Его святилище, должна была гореть огнем чистой, беспримесной любви и преданности к Нему и к Его святому закону. В ней не должно оставаться места лицемерию и двоедушию.

Напрасно кто из сынов Израиля стал бы думать, что он может угодить Богу одним только присутствием в Его святилище, одним только присутствием в хвалах и славословиях Ему, одними вещественными, внешними жертвами. Внешнее служение Богу угодно только в соединении с внутренним стремлением к общению с Ним и с ревностью об исполнении Его святого закона. Служение Богу без соблюдения этих условий богопротивно. Святыня скинии оскорбляема была не только внесением в нее чуждого огня для жертвы, но также отсутствием в душе огня любви к Богу, лицемерием, нечистым и оскверненным житием. Богопочтение лицемеров, их хваления и славословия Богу – суетны. «Приближаются Мне людие сии

усты своими и устами своими почитают Мя, сердце же их далече отстоит от Мене, все же почитают Мя» (Ис. 29, 13). Богопротивны также жертвы незаконных. Незаконник, приносящий в жертву тельца, – то же, что убивающий пса, и благовонное курение его – то же, что кровь свиная (см. Ис. 66, 3).

Как прогневляет Господа служение Ему незаконников, видно из примера сынов первосвященника Илиа Офни и Финееса. Пользуясь снисходительностью к ним и потворством отца, они бесчестно злоупотребляли своим служением в скинии: они отнимали у богомольцев для своего стола лучшие части жертвенных мяс, не довольствуясь законной долей, и в самой скинии распутствовали. За это бесчиние, которым оскверняема была скиния к общему соблазну, Господь грозил Илию гибелью его дома, а Офни и Финеесу – смертью в один и тот же день. Эта угроза вскоре исполнилась. Офни и Финеес были убиты на войне с филистимлянами; сам Илий при вести о их смерти и о пленении филистимлянами Ковчега Завета вдруг пал бездыханным.

Вопроси себя, душа, не подражаешь ли Офни и Финеесу оскверненным житием? Вместо чистого огня любви к Богу не горит ли в тебе огонь нечистых страстей? Не примешиваются они к самым делам твоего благочестия и добродетели? Не оскверняется ли молитва твоя в храме неблагочинным стоянием, помышлениями об одном житейском и греховном? Не приносишь ли жертвы храму из неправедных прибытков? Не творишь ли добрые дела своекорыстно, с целью получить со всех сторон похвалы и даже награды? Не делаешь ли их не по чистому христианскому произволению, а по одному желанию не отставать от других, с неохотой, даже со злостью? Все это не приближает тебя к Богу, а только отчуждает от Него. Твое служение Богу, соединяемое с нечистыми мыслями и оскверненным житием, так же негодно Ему, как служение при скинии Офни и Финееса, и если не здесь, то в будущей жизни грозит тебе праведное воздаяние.

Глава 29 Саул

Саул иногда, яко погуби отца своего осляте, внезапно царство обрете к прослутию [п](с известием о них); но блюди, душе, не забывай себе, скотские похоти произволивши [п] (предпочитая) паче Царства Христова.

Саул был первый царь израильский. Он был избран в цари внезапно, неожиданным для него образом. До избрания в цари он был простым земледельцем в колене Вениаминовом и жил при своем отце.

У его отца пропали ослицы. Отец послал Саула отыскать их. Три дня он искал их, но не мог найти, пока не зашел в местечко, где жил Самуил пророк и судия Израильский, чтобы спросить его о пропаже. Бог открыл Самуилу, что пришедший к нему гость предопределен царствовать над Израилем. Самуил сказал ему, чтобы он не беспокоился об ослицах, – они нашлись, угостил его; на другой день, провожая Саула, остановился с ним на дороге, возлил елей на его голову и наименовал его царем Израиля. С тех пор почил Дух Божий над Саулом и направил его мысли к царственным делам. Обретши царство, он перестал думать о рабочих скотах.

Не так поступает раб греха. Он не дорожит благами Царства Христова и предпочитает им скотские похоти. Ему незнакома духовная радость общения со Христом, почерпаемая в Евангелии, в молитве, в Таинствах; он знает вкус только в грубых, скотских удовольствиях. Он предается им до забвения человеческого своего достоинства. От них не удерживает его ни разум, ни совесть, ни страх Суда Божия. Скотоподобная жизнь помрачает в человеке разум или обращает его в орудие служения похотям. Скотоподобный человек не любит размышлять о Боге, о делах Божиих, о душе, о вечности, он умен только на изобретение средств к умножению и разнообразию житейских и чувственных благ и удовольствий. Скотоподобная жизнь убивает в человеке чувствительность к голосу совести. Какая, например, совесть в человеке, преданном пьянству! "Били меня, – говорит он, – мне не было

больно; толкали меня, я не чувствовал. Когда проснусь, опять буду искать того же» (Притч. 23, 35). Погрязшие в скотоподобной жизни могут быть удерживаемы от крайностей ее только физической невозможностью удовлетворять своим нечистым вожделениям, или неизбежным наказанием. Они не перестанут осквернять себя ими, пока уверены в безнаказанности. Поразительное сходство с бессловесными, которые боятся только бичей и сдерживаются одними удилами. Скотоподобные люди даже хуже скотов. Скот сыт – и доволен. Человек невоздержанный никогда не доволен; пьян, а все пьет, пока не дойдет до бесчувствия. Скотоподобная жизнь изгоняет из души страх Суда Божия. Во времени Суд Божий не всегда открывается над грешником, – Господь долготерпит ему, ожидая от него покаяния; но о вечном суде преданный скотским похотям не помышляет: ибо такое помышление могло бы обеспокоить его, могло бы нагнать на него скорбь, которой он пуще всего боится, поставляя блага жизни только в чувственных удовольствиях. Привычка к скотоподобной жизни или совсем делает человека нераскаянным, или не способным к истинному раскаянию. Есть нечистоплотные животные, которые любят лежать в грязи и, омывшись в чистой воде, спешат опять в грязь. На них, по слову апостола Петра, похожи люди, возвращающиеся к сквернам мира, или к скверным похотям, от которых очистились покаянием и обращением ко Христу (см. 2Пет. 2:10, 20:22).

Блуди себя, душа христианская, от скотских похотей, – не забывай себя, своего человеческого достоинства. Помни, что ты сотворена по образу и подобию Божию, по самой природе умалена немногим чем пред Ангелами: помни, что для твоего спасения, для восстановления в тебе образа Божия сам Единородный Сын Бога Отца облекся в человеческое естество, пролил за тебя на Кресте Свою пречистую кровь и призвал тебя в Свое благодатное Царство, в общество спасаемых. Пойми из сего, как дорога ты в очах Божиих, и возненавидь все, что унижает тебя до скотоподобия, возненавидь скотские похоти. С ними тебе не место в Царстве Христовом, – не предпочитай их сему Царству, если не хочешь быть исключена из числа

спасаемых. Скот умрет, и все для него кончится. Не то с человеческой душой: скотоподобная душа, по разлучении с телом, не утратит бессмертной своей природы и в вечности будет пожинаать то, что посеяла здесь: «Сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление» (погибель) (Гал. 6, 8).

Глава 30 Зан

Кивот яко ношашеся на колеснице, Зан оный, егда превращуся тельцу, точию коснуса [н](его), Божиим искусия гневом [н](испытал гнев Божий); но того дерзновения убежавши, душе, почитай Божественная честне.

Главнейшая святыня ветхозаветной Церкви – Ковчег Завета. К этой святыне нельзя было безнаказанно прикасаться не только мирянам, но и левитам.

Когда Ковчег Завета, захваченный в правление первосвященника Илия филистимлянами, возвращен был ими в землю Израилеву, тогда пало бездыханными более пятидесяти тысяч израильтян в наказание за то, что они, привлекаемые любопытством, дерзали не только касаться Ковчега Завета неосвященными руками, но еще вздумали осмотреть внутренность его. Подобное случилось в царствование Давида. Возвращенный от филистимлян, Ковчег Завета остался в Кариафиариме, городе колена Иудова.

Давид решился перенести эту святыню в Иерусалим. На пути тельцы, везшие ее, свернули в сторону, одному из сопровождавших Ковчег, левиту Зану (Озе), показалось, что Ковчег от этого движения тельцов может упасть на землю. Чтобы предохранить его от падения, Оза бросился к нему и коснулся его руками, но в ту же минуту пал бездыханным в наказание за дерзновенное обращение с святыней, которой не имел права касаться, и в предостережение, да никогда в будущем не коснется ее рука скверных – неосвященных.

Помни, душа христианская, это грозное предостережение, избегай дерзновенного обращения со святынею, подобного тому, за которое испытал гнев Божий Оза. «Почитай Божественная», то есть всякую святыню, «честне», то есть благоговейно. Ковчег Завета имел значение Престола Царя Славы, открывавшего над ним Свое присутствие. Подобное значение имеет трапеза христианского алтаря, на которой приносится бескровная жертва Тела и Крови Христовой. Взирайте на эту священную трапезу со страхом и трепетом, как взирают

на нее лики Ангельские, предстоящие ей, когда приходит заклатися на ней и датися в снедь верным Царь царствующих и Господь господствующих.

В Ковчеге Завета хранились скрижали закона, которым в новозаветной Церкви соответствует книга Евангелия. Благоговейно внимай словам Евангелия, как бы слыша их из уст Самого Иисуса Христа и Его апостолов; бойся произносить их в нескромных разговорах, среди шуток; бойся исказить смысл их.

При Ковчеге хранился сосуд с манною, которая была образом хлеба животного, преподаваемого верующим в Таинстве Тела и Крови Христовой. Приступай к принятию этого Таинства по предварительном говении, то есть благоговейном упражнении в подвигах поста и покаяния, чтобы сколько-нибудь быть достойным благодати сего Таинства, ибо ядущий и пьющий недостойно в суд себе яст и пиет.

При Ковчеге Завета хранился жезл Аарона, чудесно прозябший, как памятник Божественного избрания Аарона на великое служение при скинии, и посему, как нельзя было безнаказанно не чтить в лице Аарона и его преемников богоизбранных посредников между Богом и народом, так небезопасно относиться непочтительно к служению пастырей Христовой Церкви, епископов и их сотрудников. Кто не чтит их и не слушает их, тот не чтит и не слушает Самого Христа.

Относись с благоговением и к другим священным предметам, – например, к имени Божию, к храму Божию, к святым иконам, мощам, к церковным службам и т.п. Бойся греха кощунства или глумления над святыней. Оза за свой грех поражен был смертью. Не навлекай на себя и ты гнева Божия, карающего неблагоговеющих пред святыней если не в этой жизни, то в будущей.

Глава 31 Давид

Давид иногда Богоотец, аще и согреши сугубо, душе моя, стрелою убо устрелен быв прелюбодеяства, копием же пленен быв убийства томлением [п](и поражен быв копьем жестокого убийства); но ты сама тягчайшими делы недугуеши, самохотными стремленми.

Царь Давид совершил два преступления: склонил на грех любодеяния с ним жену Урии, воспользовавшись отсутствием ее мужа, находившегося в походе против аммонитян, и был виновником смерти самого Урии, приказав своему полководцу поставить его с немногими воинами во время битвы в самое опасное место.

В подобных преступлениях виновен каждый грешник, когда любодействует если не делом, то мыслью, мечтаниями, желаниями, когда поражает ближнего если не копием и мечом, то убийственным словом, когда губит его нравственно соблазном.

Одно преступление привело Давида к другому, ибо он убил Урию с целью окончательно завладеть его женой. Подобная связь грехов и преступлений – обыкновенное явление в жизни грешника. Так ложь ведет к божбе, корыстолюбие к неправдам всякого рода и к нечестию, непочтение родителей – к грехам, от которых они удерживают, – презрению самой веры и Церкви; праздность вообще мать пороков, и т.д. Давид не искал намеренно случая к греху прелюбодеяства, а случайным образом увидел жену Урии и соблазнился на ее красоту. Но есть грешники, которые самохотно, сознательно и намеренно ищут случая к греху, и устремляются на грех с заранее обдуманнами способами к совершению его. Эта преднамеренность, эта обдуманность делает их грехи более тяжкими, чем случайное греховное увлечение Давида, а греховный недуг – более пагубным. При том преступления Давида, хотя, во всяком случае, ничем не могут быть оправданы, объясняются легкостью и относительной беспрепятственностью, с какой ему, как царю, можно было грешить.

Но решительно ничем не смягчается вина грешников, которые идут на грех, так сказать, напролом, не взирая ни на какие препятствия к достижению своих преступных намерений, и препятствия не только не останавливают их, а только раздражают, подбивают к большей настойчивости в преследовании преступных целей, к большей стремительности на пути к греху.

Горе тебе, душа христианская, если и ты недугуешь подобными стремлениями или порывами ко греху и не заботишься об обуздании их. Такой недуг – это признак духовной смерти, он может привести к вечной гибели.

Пожалей себя, не губи себя навеки; поспеши с такой же силой на путь раскаяния, с какой допускаешь увлекать себя греховным искушениям.

* * *

Совокупи убо Давид иногда беззаконию беззаконие, убийству же любодейство растворив, покаяние сугубое показа абие; но сама ты, лукавейшая душе, соделала еси [п] (соделала более зла), не покаившись Богу.

Велико было падение Давида, с любодейством соединившего убийство, но велико также было и его раскаяние. Как только выслушал он от пророка Нафана обличение в сугубом преступлении, то «абие», немедленно, показал сугубое раскаяние. Он с сердечной скорбью исповедал свою вину пред Господом, со смирением покорился Суду Господа, когда Нафан объявил ему, что за его преступление меч не отступит от дома его, что мститель за грех любодейства возникнет в самом доме его.

Мститель действительно явился в лице сына его Авессалома, возмутившегося против отца. Давид принужден был бежать от него и на пути подвергся жестокому оскорблению от Семей, внука Саулова. Семей бросал камнями в Давида, проклинал его, называл его кровопийцей и злодеем. Один из спутников Давида просил у него позволения умертвить этого дерзкого человека. Давид не согласился, смиренно сказав: «Оставьте его проклинать меня, верно, Господь повелел ему».

Нельзя было сильнее высказать смирение пред Господом, каравшим его за вину, и, следственно, раскаяние в этой вине. Искренность и глубину своего раскаяния Давид засвидетельствовал также тем, что в течение всей своей жизни оплакивал свой грех, каждую ночь орошал слезами постель свою и, сверх того, оставил по себе вековечный памятник своего покаяния в 50-м псалме: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей» (Пс. 50, 3). Этот псалом и сейчас служит, и до конца века будет служить лучшим руководством к излиянию пред Богом покаянных чувствований. Давид не только сам лично покался, но своим примером и своим покаянным псалмом научал и научает всех покаянию, как он исповедал в том же псалме: «Научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся» (Пс. 50, 15).

Не все, однако ж, беззаконные и нечестивые учатся у Давида покаянию. Не все, подражающие ему в грехах и даже превосходящие его в этом отношении, подражают ему в раскаянии. Вопросы себя, душа христианская, не проходишь ли на сих жалких грешников? Осуждаешь ли себя за твои грехи? Не закосневаешь ли в них более и более? Прислушиваешься ли смиренно к голосу обличающей тебя совести, как Давид смиренно выслушал обличения Нафана? Поражаешься ли страхом Суда Божия если не в этой, то в будущей жизни при размышлении о твоих согрешениях? Не оправдываешь ли их лукавыми измышлениями, – не ссылаешься ли, в свое извинение, на силу искушений, на слабость природы, на пример других? Не утешаешь ли себя в нераскаянности надеждой на милосердие Божие? Не отлагаешь ли покаяния до старости, по неосновательной надежде, что успеешь покаяться? Или не ограничивается ли все твоё покаяние одним бесплодным исповеданием грехов без сердечного сокрушения о них, без ревности об исправлении себя и заглаждении вины своей пред Богом? Если действительно таково твоё состояние, душа, то восчувствуй опасность его и поспеши, подобно Давиду, очистить себя слезами, смирением пред Богом и поревнуй принести плоды покаяния.

Давид иногда вообрази [п](начертал), списав яко [п] (живописуя как бы) на иконе, песнь, еюже деяние обличает, еже содея, зовый: помилуй мя, Тебе бо единому согреших, всех Богу: Сам очисти мя.

В 50-м псалме, как бы на картине, живыми чертами изображено в лице Давида состояние кающегося грешника. Истинно кающемуся свойственно обличать себя во грехах не только перед Богом и своей совестью, но и перед людьми, с целью предотвратить или уничтожить соблазн, какой могли произвести в них его грехи. Кто своими грехами подает повод к соблазну, тот сугубо увеличивает тяжесть своей вины, ибо должен будет отвечать не за себя только, но и за других, увлекаемых его примером. Поэтому истинно кающийся заботится не об очищении только себя от греха, но также о вразумлении и спасении ближних, угрожаемых заразой его примера или уже зараженных.

Кающийся Давид так и поступил. Он ведал, что пример его преступления тем заразительнее, чем выше его положение: люди обыкновенно перенимают дурное скорее от высших, чем от низших или равных. Имея в виду это обстоятельство, Давид написал обличительный на самого себя псалом не для собственного только употребления, но и в руководство ближним своим, особенно преданным своим, от которых не могли утаиться его преступления. Можно сказать, что 50-й псалом есть памятник всенародного, публичного покаяния Давидова. И как поучительно и трогательно его покаяние! Каким смирением, сердечным сокрушением и вместе упованием на Бога дышит оно! «Помилуй мя», – взывает Давид к Господу. Это значит, что он, подавленный тяжестью своей вины, от единого милосердия Божия ожидает прощения и оправдания. Он признает себя вполне безответным пред Богом, кругом виноватым. Он совершил такие преступления, за которые, если бы был подданным, а не царем, подлежал бы уголовной ответственности. В отношении к царю не применима строгость законов, карающих преступления против 6-й и 7-й заповеди. Но Давид чувствует, что он не изъят от Суда правды Божией, что царское достоинство не снимает с него ответственности пред

Царем неба и земли, что он такой же раб пред Ним, как и последний подданный. И вот, как преступник, достойный казни, не смеет требовать себе помилования по законам, а ждет его только от милосердия высшей судебной власти, так и Давид, сознающий себя вполне безответным пред Господом, трепещет пред Его праведным судом и умоляет только о милосердии. «По грехам я достоин строгого наказания и готов понести его; но я надеюсь на беспредельную милость Твою, – поступи со мною по милости, но не яростью обличи меня, ни во гневе Твоем накажи меня».

Давид провинился, собственно, против ближних, против Урии и его жены; по отношению же к заповедям богопочтения он был чист, – он исполнял их усердно, был набожен и богобоязнен, но сознание вины против ближних было так сильно в Давиде, так тяжело легло на совесть его, что, оскорбив своими преступлениями ближних, он признавал себя оскорбившим непосредственно, как бы лично, Самого Бога. Преступить против ближнего значило, в его глазах, преступить против Бога, в лице ближнего оказать непочтение к Самому Богу. Обязанностей богопочтения Давид не отделял от обязанностей любви к ближним, а потому был убежден, что никакими жертвами и всесожжениями он не замолит Бога, не угодит Ему, если в то же время будет обижать ближних, а в сделанных обидах не раскается.

Отсюда понятно, почему Давид, умоляя Господа о помиловании, о прощении ему вины против ближних, говорит: «Тебе бо единому согреших.» Это не значит, что он не признает своей вины перед ближними, а значит только, что эту вину он признает тяжелой только потому, что она была и виной против Бога, заповедавшего любить ближних во свидетельство любви к Нему и потому обиды ближним относящего к одному Себе.

«Сам очисти мя», – взывает далее Давид. Речь идет не о прощении только греха, не об одном невменении его, а о внутреннем очищении, освобождении от него. Внешнее прощение может послужить только к отягчению вины, если прощенный грешник продолжает жить во грехе, если повторяет его или, по крайней мере, соуслаждается ему мечтаниями и

помыслами. Но внутреннее нравственное очищение невозможно без помощи благодати Божией, без внутреннего, тайного действия ее на сердце человека. Дело не в том только, чтобы не осквернять себя греховными делами, но и чтобы сердечные помышления иметь чистыми. Кто воздерживается от внешних грехов, но питает греховные мысли, чувствования и желания, может быть неукоризненным только перед людьми, но не пред очами всеведущего и святейшего Господа, Который зрит сердечную нечистоту и осуждает ее с не меньшею строгостью, как и наружные грехи (см. Притч. 15, 26). Но достигнуть сердечной чистоты не под силу человеку. Сие может сделать только Сам Бог Своей благодатью. Поэтому Давид умоляет Его: «Сам очисти мя. Сердце чисто созижди во мне, Боже».

Кто из нас не знает и не прочтет на память покаянного псалма Давида: «Помилуй мя, Боже?» Но дело не в том, чтобы знать и твердо помнить этот псалом, а в том, чтобы под руководством его проникаться тем же смирением пред Богом, теми же чувствами своего недостойнства и безответности пред Ним, но вместе упованием на Его милость как на единственное условие прощения от Него и помилования. Настрой себя, душа христианская, на эти чувства, – и твое покаяние пред Богом, выражаемое словами Давидова покаянного псалма, будет так же угодно Богу, как покаяние Давида.

Поползохся, яко Давид, блудно [п](от невоздержания, как Давид, я пал) и осквернихся, но омой и мене, Спасе, слезами.

В Таинстве Крещения грешник очищается от грехов. Водами Крещения душа младенца омывается от первородного греха, а взрослого от первородного и произвольных, и возвращается ей та праведность, которую человек имел в состоянии невинности и безгрешности (Православное исповедание. Ч. 1. Ответ на вопрос 103). Поэтому вода Крещения называется у Апостола «банею водною», в которой Христос очистил Свою Церковь для того, чтобы представить ее Себе славной Церковью, не имеющей пятна или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна (см. Еф. 5, 26–27). Но, омытый от

грехов в Крещении, снова оскверняет себя грехами и находится в опасности погибнуть навеки, если не прибегнет к покаянию.

Слезные воды покаяния снова омывают нас от скверн греховных, снова очищают нас от вины пред Богом, хотя бы она была не менее тяжка, как и вина Давида, падшего от невоздержания, от увлечения плотским грехом. Это омовение или очищение даруется грешнику в Таинстве Покаяния. К сожалению, не все грешники, подражающие Давиду в грехопадении, приносят Господу покаяние с такими же слезами, с какими каялся Давид, орошавший ими ночное ложе свое. Иной сознает тяжесть своих грехов и не удаляет от себя мысли об ответственности за них перед Богом на Суде Его, и желал бы оплакать их горькими слезами, но они не даются ему, он чувствует духовную сухость, недостаток сердечного сокрушения, и в этом состоянии является даже к Таинству Исповеди.

Это не значит, что в таком грешнике нет приемлемости к благодати Таинства Исповеди, – Богу угодны не одними слезы, но и самое желание слез, при глубоком сознании своей вины и самоосуждении.

Пусть душа христианская в самой этой духовной сухости находит побуждение к вящему смирению пред Богом и смиренно вопиет к Господу: «Сам, Господи, даруй мне слезы умиления и омой меня ими. Ни слез, ниже покаяния (истинного) имам, ниже умиления: Сам ми сия, Спасе, даруй».

Глава 32 Авессалом

Слышала еси Авессалома, како на естество воста, познала еси того скверная деяния, имже оскверни ложе Давида отца: но ты подражала еси того страстная и любосластная стремления.

Пророк Нафан, обличавший Давида за его известные преступления, предсказал ему, что мститель за них явится в семействе его. Предсказание сбылось. Против Давида возмутился сын его родной, честолюбивый Авессалом, еще прежде огорчивший своего отца убийством брата своего Адонии, но потом помилованный Давидом. Авессалом провозгласил себя царем, с большим войском напал на Иерусалим, заставил бежать отсюда Давида и, вступив в Иерусалим, осквернил наложниц отца своего.

Авессалом, сын неблагодарный и мятежный, есть образ грешника, неблагодарного к Отцу Небесному и мятежного против Его вседержавной власти. Бесчисленны к нам милости Отца Небесного: Он даровал нам бытие, украсил нас образом и подобием Своим. Им мы живем, движемся и существуем. Он так возлюбил нас, что Сына Своего Единородного предал за нас, послал для нашего освящения Духа Святого. Безмерно велика Его милость в том, что мы родились в недрах Православной Церкви, где открыты для нас все средства спасения, что по долготерпению своему Он щадит нас, прогневающих Его грехами, дает нам время на покаяние, в ожидании, не принесет ли плода бесплодная смоковница – грешная душа.

Чем же мы платим Отцу Небесному за Его милости к нам? Тем же, чем Авессалом заплатил отцу своему, любившему его и по любви к нему простившему ему братоубийство. Неблагодарный грешник восстает против Отца Небесного умом своим, непокорным веро и откровению; восстает сердцем, которое прилепляется к одной твари и не находит вкуса в духовных радостях, доставляемых духовными занятиями; восстает волей, которая редко после борьбы увлекается

искушениями, большей же частью без всякой борьбы уклоняется на широкий путь греха. Ей (воле) предложены на выбор огонь и вода, жизнь и смерть, то есть зло и добро (см. Сир. 15, 16–17). Она выбирает огонь и смерть, не внимая никаким предостережениям. Своя воля – рай человеку, и гуляет грешник в этом раю, пока не догуляется до ада, предаваясь страстным и любосластным стремлениям.

Авессалом в порыве любосластных стремлений осквернил даже ложе отца своего. Подобное делает и каждый грешник, когда вовлекает в грехи и беззакония души ближних своих, обрученных Христу в Таинстве Крещения, отвлекая их от союза со Христом, от служения Ему, и увлекая на путь гибели. Горе тебе, душа христианская, если подражаешь Авессалому! Убойся его участи. Он погиб на войне против своего отца, и память его до сих пор проклинается всеми проходящими мимо гробницы его в долине Иосафатовой возле Иерусалима.

Берегись, да не погибнет с шумом и твоя память, да не поразит тебя приговор праведного Судии на нераскаянных грешников: «Идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его» (Мф. 25, 41).

Глава 33 Ахитофел

Покорила еси неработное твое достоинство телу твоему, иного бо Ахитофела обретши врага, душе, снизшла еси сего советом: но сия разсыпа сам Христос, да ты всяко спасешися.

Душа, сотворенная по образу и подобию Божию и в сем отношении умаленная немногим пред Ангелами, должна господствовать над телом, употреблять его как орудие для достижения духовных целей, привлекать его к участию в богоугодных делах.

Душа должна помнить, что не она создана для тела, а тело для нее, как одежда ее. К сожалению, грех извратил их отношения. Душа унижает перед телом свое владычественное достоинство: она не ограничивается согласием на удовлетворение, в пределах, указуемых разумом и законом, его естественных потребностей, но с рабской покорностью служит его прихотям в пище, одежде, жилище, родотворении и прочем. В порывах усердия к этому служению она забывает свои духовные потребности, не заботится о познании того, что нужно знать для вечного спасения, пренебрегает обязанностями благочестия, самоотвержения и любви к ближним, заглушает в себе потребность общения с Богом, и тем губит себя. «Кийждо же искушается (на грех), от своея похоти влеком и пресыщаем» (Иак. 1, 14), но не без участия сторонней злой силы, исконного врага нашего спасения. Он всегда старается уловить людей «в свою его волю» (2Тим. 2, 26) и помогает плоти поработить дух, внушая человеку, что не стоит жить для духа, что счастье заключается в чувственных благах и удовольствиях, что жизнь человеческая коротка и что поэтому надо спешить пользоваться ею, чтобы извлечь из нее все, что может она дать приятного для чувственности.

Подобные внушения, обольстительные для плоти, напоминают злой совет Ахитофела во время возмущения Авессаломова. Ахитофел изменил Давиду и вслед за бегством его подал совет Авессалому немедленно напасть на Давида, чтобы воспользоваться его утомлением и неготовностью к

обороне. К счастью, совет Ахитофела разрушен был Хусием, который, оставаясь верным Давиду, вошел в доверенность Авессалома и убедил его помедлить нападением на Давида и наперед собрать против него со всего Израиля многочисленное войско, чтобы вернее победить его. Ахитофел с горя, что его не послушали, погиб самоубийством.

Подобно Хусию Христос богомудрым льщением расстраивает замыслы против нас диавола. Он пришел в мир именно затем, чтобы «разрушить дела диавола» (1Ин. 3, 8) и смертью Своей сокрушить его, имеющего власть во власти своей (см. Евр. 2, 14). Христос Сам был искушен от диавола в пустыне, где немало советов наслушался от него, а потому состраждет всем искушаемым от диавола, и как Сам посрамил злого советника, внушавшего ему гордые и честолюбивые замыслы, – так и им помогает. Просвещаемые Его благодатью, они прозревают умыслы сатаны (см. 2Кор. 2, 11) и, облекшись во всеоружие Божие, твердо выдерживают злокозненные нападения его (см. Еф. 6, 11).

Душа, поработившая себя плоти, пойми позор твоего положения, знай, что ты находишься в сетях врага – диавола, и поспеши высвободиться из них. Не внимай его злым советам, клонящим тебя к гибели. Он подбивает тебя жить только для плоти; но «сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление», то есть гибель (Гал. 6, 8).

Глава 34 Соломон

Соломон чудный и благодати премудрости исполненный, сей лукавое иногда пред Богом сотворив, отступи от Него; емуже ты проклятым твоим житием, душе, уподобилася еси.

Сластьми влеком страстей своих оскверняшеся, рачитель премудрости, рачитель [п] (возлюбив) блудных жен и странен [п] (отчуждившись) от Бога: егоже ты подражала еси умом, о душе, сладострастьми скверными.

Соломон был мудрейший из царей. Благодати премудрости он просил себе у Бога собственно для дел правления и суда (см. 3Цар. 3, 6–13).

Но Господь даровал ему кроме этой мудрости необыкновенную мудрость в других отношениях: «И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости египтян... И изрек он три тысячи притчей, и песней его было тысяча и пять. И говорил он о деревьях от кедра, что на Ливане, до иссопа, вырастающего из стены, говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах. И приходили от всех народов послушать мудрости Соломона» (3Цар. 4, 30, 32–34). Имя Соломона сделалось именем мудрости. К сожалению, необыкновенная мудрость не спасла Соломона от падения.

Этот мудрец поглупел как нельзя позорнее, – отступил от Бога и поклонился идолам, служил Астарте, Хамосу и Молоху, строил капища им. Что же было причиной тому? Слостолюбие, пристрастие к чувственным наслаждениям, и в частности, женолюбие. Любитель мудрости сделался страстным любителем блудных жен. Вопреки закону, запрещавшему царям иметь много жен (см. Втор. 17, 17), у него было 700 жен и 300 наложниц. Вместе с израильтянками в гареме Соломона были и иноплеменницы. Эти-то последние и вовлекли его в идолопоклонство, в служение богам, которым сами кланялись (см. 3Цар. 11, 1–8). Нет сомнения, что он не вдруг поддался их пагубному влиянию.

Сначала он, конечно, ходил в капища идольские из одного любопытства, дай, посмотрю, говорил он себе, как эти глупые женщины кланяются идолам. Он так надеялся на свою мудрость, что, удовлетворяя свое любопытство, считал себя далеким от опасности увлечься до участия в языческом богослужении. Надежда его оказалась, однако ж, тщетной.

Трудно думать, чтобы такой великий мудрец, видевший на себе столько опытов благоволения к нему Господа, получавший от Него откровения, впал в идолопоклонство по убеждению и совсем бросил веру в истинного Бога. Его идолопоклонство не было заблуждением разума, а только слабостью воли. Он был невольником своих жен и по страсти к ним сначала был только зрителем их идолослужения, а потом стал участвовать в нем вопреки убеждению: обольщения, какие они употребляли с целью склонить его к своему нечестию, были так настойчивы, что, не поколебав его убеждения в истинной вере, поколебали его волю, охладили его ревность к истинному богочтению, так что он сам едва ли участвовал в богослужении храма Господня, хотя не препятствовал своим подданным ходить в храм. Вина Соломона тем тяжелее, чем яснее он сам признавал ее: это был грех ведения, допущенный им вопреки совести и убеждению. Соломон вполне был безответен пред Богом, сам, произвольно вызывал против себя осуждение.

Сознайся, душа христианская, не отступила ли и ты от Бога, если, подобно Соломону, осквернила себя сладострастием. Соломон, увлеченный своими женами, вместе с ними кланялся идолам. Ты чужда грубого идолопоклонства, но отступила от Бога умом, впала в духовное идолопоклонство. Помышляя об одних чувственных наслаждениях, ты перестала помышлять о Боге. Ум твой весь сосредоточился на изобретении и умножении средств к тому, чтобы как можно веселее провести эту жизнь. Чувственное веселье – вот твой бог, которому ты служишь с бессмыслием идолопоклонника.

Может быть, ты сама осуждаешь себя за это бессмысленное раболепство чувственности; может быть, ты не дошла еще до убеждения, что чувственные наслаждения составляют единственное благо в земной жизни; может быть, по

временам возникает в тебе отвращение к ним, и только по слабости воли, по привычке тебе тяжело расстаться с ними. Тем жалче твое положение, тем безответнее ты пред Господом Богом, служение Которому променяла на служение плоти. Всякий, творящий грех ведения, безответнее того, кто творит его, не подозревая, что это грех. Пойми же, как пагубно твое нравственное состояние, и всеми силами постарайся выйти из него. Вот и Соломон победил, наконец, слабость своей воли и под конец жизни раскаялся в своем заблуждении. Памятником его раскаяния служит оставленная им книга Экклезиаст, где он, испытав столько зла от женщин, резко осуждает их, говоря, что «горче смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки» (Еккл. 7, 26).

Подобно Соломону, которому подражаешь сладострастным житием, и ты принеси к Богу раскаяние и для сего прекрати общение с людьми, которые вовлекли тебя в это житие. Пусть расстаться с ними так же тяжело, как тяжело вырвать у себя правый глаз, дать на отсечение правую руку, – не отрекись принести эту жертву, если не желаешь себе вечной гибели.

Глава 35 Ровоам и Иеровоам

Ровоаму поревновала еси, не послушавшему совета отча, купно же и злейшему рабу Иеровоаму, прежнему отступнику [п] (мятежнику), душе; но бегай подражания и зови Богу: согреших, ущедри мя.

Ровоам был сын и наследник Соломона. Вопреки совету старейшин, бывших в силе при отце, он начал свое царствование угрозой сурово и жестоко обращаться со своими подданными, просившими у него некоторых льгот в отбывании повинностей. Этой угрозой он оттолкнул их от себя. Ему остались верными только два колена, а прочие 10 колен отделились от него и избрали царем Иеровоама, который возвратился к этому времени из Египта, куда убежал при Соломоне после неудавшегося мятежа против него (см. 3Цар. 11, 26).

Худому примеру Ровоама подражает всякий грешник, чуждый кротости и снисходительности в отношении к ближним, требующий от них многого во имя своих действительных или мнимых прав, а сам ничего не делающий для них, взыскательный к ним за малейшие упущения, но не ценящий их трудов и заслуг.

Такие подражатели Ровоама встречаются среди начальников и хозяев, несправедливых к подчиненным и слугам своим, налагающих на них бремена тяжкие и неудобноносимые, которых сами пальцем не касаются. Они смотрят на подручных, как на рабочий скот, и обращаются с ними, как со скотом, даже хуже, вопреки примеру добрых людей, которые ласковы и к скоту, жалеют его.

Вопроси себя, душа, не подражаешь ли и ты жестокому Ровоаму, не обращаешься ли с ближними так же жестокосердно, как он с подданными?

Ровоам последовал в этом случае совету молодых своих сверстников, презрев мнение опытных старцев. Не увлекаешься ли и ты в своем высокомерном и суровом обращении с ближними внушениями людей легкомысленных, которые не

внемлют заповеди Христовой любить ближних как самих себя, и руководствуются в отношении к ним побуждениями одного самолюбия и своекорыстия, и другим навязывают свои правила?

Им по сердцу пришлось учение современных просветителей: «Всякому до себя, каждый знай одного себя, отстаивай себя; других высших, неличных побуждений не должно быть и в помине; что же касается до ближних, то они сами пусть поступают так же, и если не успеют достигнуть того же, чего удалось достигнуть вам, жалеть их не стоит. У кого нет сил отстоять себя в борьбе за существование, пусть гибнет в этой борьбе, как гибнут слабые животные от сильных, – пусть остаются одни сильные».

Горе тебе, душа, если сочувствуешь этому бесчеловечному учению. Если бы это учение повсюду восторжествовало, общество человеческое перестало бы быть обществом **человеческим**, превратилось бы в царство зверей. Не там хорошо живется на свете, где господствует одно самолюбие и вследствие того вражда, а там, где царствует мир, уважение к правам и человеческому достоинству ближнего, взаимная снисходительность и уступчивость.

Ровоам нехорошо повел себя в отношении к подданным. Еще хуже поступил Иеровоам. Получив царство по соизволению Божию, он сделался крайне неблагодарным к Богу. Из опасения, чтобы его новые подданные не возвратились под власть дома Давидова, если будут ходить в Иерусалимский храм со своими жертвами, Иеровоам ввел в своем царстве идолопоклонство. Он отлил двух золотых тельцов, из которых одного поставил на южных границах царства, в Вифиле, другого на северных, в Дане, и объявил народу: «Не нужно вам ходить в Иерусалим: вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской» (3Цар. 12, 28).

Возмутительна неблагодарность к Господу Иеровоама! Но подобную неблагодарность показывают многие, подобно Иеровоаму, из низкой доли, из бедности достигшие высокого общественного положения и богатства, из грязи попавшие в князи. Непривычная им высота кружит им голову: они забывают

Бога, перестают молиться Ему. Если не говорят, то про себя думают: «Зачем нам Бог? И без Него обойдемся, был бы ум в голове, было бы умение обделывать житейские дела, были бы деньги». Гордые своим земным величием и богатством, они поклоняются только своему «я» и своим деньгам, забывая, что обязаны земными благами Господу, смиряющему и возвышающему, богатящему и бедность посылающему, и имеющему от каждого потребовать отчета в употреблении Его даров, отчета тем более строгого, чем больше кому дано. Кланяющиеся своим деньгам, как Иеровоам золотым тельцам, не рассуждают, что денег на тот свет не возьмут, и ни за какие деньги не откупятся от праведного Суда Божия.

Не беда наживать деньги, иметь богатство, – беда и грех – к текущему богатству прилагать сердце, поставлять в обладании им главное благо жизни, зазнаваться среди обилия благ земных до забвения Бога. Бог мог бы, если бы признал нужным и полезным, поровну распределить земные блага. Но Он не признал это нужным и полезным. Через неравномерное распределение земных благ Он положил связать людей самыми крепкими нравственными узами – узами любви и благодарности. Если бы все одинаково были богаты, ни в ком и ни в чем не имели нужды, то не было бы того общения между людьми, которое держится милосердием и состраданием с одной стороны и благодарностью с другой. Это мудрое устройство Промысла Божия должно располагать людей богатых к тому, чтобы они смиренно взирали на себя как на орудия милосердия Божия в отношении к ближним, как на приставников Божиих для раздаяния от избытков своих помощи нуждающимся. Так и смотрят на себя люди, богатые не одними земными стяжаниями, но и страхом Божиим. Но не так судят о себе поклонники денег, подобные Иеровоаму: они забывают о Боге и ближних, самолюбие и своекорыстие заглушило в них благочестие и человеколюбие.

Если ты, душа, до сих пор подражала в сем отношении Иеровоаму, устыдись этого подражания, раскайся в своей вине пред Богом и зови Ему: согрешила я, ущедри мя.

Глава 36 Ахаав

Ахаавовым поревновала еси сквернам, душе моя, увы мне, была еси плотских скверн пребывалище [п](жилище) и сосуд срамлен [п](постыдный) страстей: но из глубины твоя вздохни и глаголи Богу грехи твоя.

Ахаав был царь израильский, восьмой после Иеровоама. Ахаав превзошел Иеровоама нечестием. Последний ввел поклонение тельцам, – под образом тельца он думал почтить истинного Бога.

Ахаав пошел дальше. Сочетавшись браком с язычницей Иезавелью, сидонской царевной, он в угоду ей ввел в своем царстве служение сидонским божествам Ваалу (солнцу) и Астарте (Луне), содержал 850 жрецов и лжепророков этих богов, воздвигал для них капища, в которых допускаем был разврат в честь этих богов, позволял преследование пророков истинного Бога, особенно восстал против Илии Фесвитянина, который беспощадно обличал его за нечестие. Ахаав опозорил себя также преступлением против благочестивого израильянина Навуфея, которого ограбил и погубил. Ахаав мог бы быть добрым царем, – он доступен был раскаянию, которое показал, выслушав обличение пророка Илии за поступок с Навуфеем; но Ахаав был слабодушный человек и слабодушно отдался влиянию нечестивой жены своей.

Ахааву, унизившему себя рабской угодливостью нечестивой Иезавели, подражают грешники, когда дают себя завлечь в общество людей развратных и нечестивых. Подобно Ахааву они в таком обществе делаются нечестивыми, развратными и обидчиками. Если справедливо, что общение с людьми благочестивыми и добродетельными благотворно в нравственном отношении, то, наоборот, «худые сообщества развращают добрые нравы» (1Кор. 15, 33). Вступать в близкое сношение с нечестивыми и развратными – то же, что прикасаться к смоле: нельзя не запачкаться, то же, что ходить на раскаленных углях, класть в пазуху огонь, нельзя не обжечься (см. Притч. 6, 27–28).

Иной, понадеявшись на себя, входит в близкое сношение с порочными людьми без опасения вреда для себя, – он не боится ни запачкаться, ни обжечься. Его сначала приводит к ним одно любопытство, но сделал один шаг, захочешь сделать другой. Любопытство незаметно перерождается в сочувствие. Пример – азартные игроки. Не вдруг они делаются таковыми. Сначала они только из любопытства присутствовали при игре, только смотрели на играющих. Потом приглашены были ими принять участие в игре затем лишь, чтобы попробовать счастья. Приглашение принято, счастье на первых порах улыбнулось. Усилилось желание продолжить пробу, чтобы продлить приятное ощущение удачи. Следовало бы остановиться, но силы для этого уже не достает. Несчастный вовлечен в игру. За удачей следуют неудачи, которые только раздражают несчастного игрока. Желание отыгаться побуждает его не бросать игры, и он не бросает, пока совсем не проиграется. Советники, вовлекшие его в игру, утешают его надеждой будущих благ, которая действительно по временам оправдывается, и он, постепенно втягиваясь в игру, делается записным, даже бесчестным игроком.

На эту постепенность уловления в сети худых сообществ можно видеть указание в словах Псалмопевца: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе» (Пс. 1, 1). Несчастен, кто дал себя увлечь в общество губителей веры и нравственности; еще несчастнее, если он стал на их пути, утвердился в их образе мысли, и гораздо несчастнее, если сел, засел с ними, сделался товарищем их в уловлении ближних. Такова пагубная постепенность падения! Крайняя степень падения является следствием первого необдуманного шага на пути к нему.

Не следует совсем сближаться с людьми нечестивыми и развратными, чтобы не сделаться подобными им, как не следовало Ахааву вступать в брак с Иезавелью, чтобы не перенять от нее нечестия. Но если и душа Ахаава доступна была раскаянию, если и он плакал и сокрушался, когда обличен был в преступлении пророком Илией, хотя это раскаяние было непрочное, то не тем ли паче свойственно раскаяние

христианской душе, впадшей в глубину грехов, сделавшейся жилищем плотских скверн, постыдным сосудом страстей? Нравственным растлением она унизила в себе не человеческое только, но и христианское достоинство, и потому пусть из глубины своего падения вздохнет и глаголет Богу грехи свои, и если она погрязла в этой глубине с тех пор, как дала себя увлечь злыми сообществами, пусть бросит их с таким же самоотвержением, какое потребно для того, чтобы дать совершить над собой, для пресечения болезни, операцию отсечения правой руки, избодения правого глаза. Лучше пожертвовать привязанностями, пагубными в нравственном отношении, как ни тяжело это, чем обречь себя на вечную гибель.

Глава 37 Пророк Илия

Заклучися тебе небо, душе, и глад Божий постиже тя, егда Илии Фесвитянина, якоже Ахаав, не покорися словесем иногда [п](глад постиг тебя, как некогда Ахаава за то, что не послушал слов Илии Фесвитянина), но Сараффии [п](вдове сарептской) уподобився, напитай пророчу душу.

Устами Моисея Господь грозил израильтянам неурожаем и голодом в наказание за непокорность Ему, за разорение завета с Ним, то есть за отступление от истинного богочтения (см. Лев. 26, 14–16).

Эта угроза исполнилась в царствование нечестивого Ахаава. По глаголу пророка Илии не было на земле израильской дождя три с половиной года. Народ бедствовал от голода, но Господь хранил пророка от этого бедствия. Сначала Илия укрывался при одном потоке, куда приносили ему пищу вороны, потом нашел убежище за пределами отечества в Сарепте Сидонской, где для пропитания его и приютившей его вдовы около двух лет послужили неистощимым запасом горсть муки и немного "елея."

Голод телесный есть образ другого рода голода, – голода, постигающего душу, отчуждившую себя от Господа, от общения с Ним через молитву, богомыслие, поучение в законе Господнем, соблюдение заповедей Его, участие в Таинствах. Кто удаляется от Господа, от того Сам Господь удаляется, для того небо закрывается, на того перестает падать свыше роса благословения Божия, и он испытывает такое же томительное ощущение, какое свойственно изнывающему от голода и жажды. Напрасно он мечтает подавить в себе это мучительное ощущение, ища для себя мира и счастья в земных благах. Земные блага не утоляют, а только раздражают душевный голод и жажду.

Так, напрасно иной надеется найти счастье в обилии земных сокровищ и заботами о стяжании, умножении, сохранении их мучит себя до пренебрежения высших духовных потребностей. Само это мучение показывает, что в них нет

истинного блага, и отравляет удовольствие обладания ими. «Любая серебро не насытится серебром» (Еккл. 5, 9) – всегда останется с мучительным чувством недовольства.

Напрасны также усилия найти счастье в земных удовольствиях и развлечениях: опыт свидетельствует, что не только неумеренное наслаждение ими, но умеренное, соединенное с благоразумием, с умением разнообразить их, пользоваться ими, так сказать, эстетически оканчивается горьким самообличением Соломона: «Смеху я сказал: безумный! и веселью: что ты делаешь?» (Еккл. 2, 2).

Суетна также надежда найти счастье в расширении власти над подобными себе существами. Чем сильнее жажда этой власти, тем она мучительнее. Однажды кто-то из друзей Александра Македонского застал его в слезах и спросил, о чем он плачет? «Я плачу о том, – ответил всесветный завоеватель, – что нет другого мира, который бы я, как землю, мог покорить своей власти». А забота удержать приобретенную власть, обеспечить за собой высокое положение, поставить себя выше происков от людей одинаково властолюбивых и завистливых, еще более делает мучительным и, следовательно, суетным обладание таким благом, каким признается власть.

Вообще все земное и тленное, даже мудрость земная, взятая сама по себе, без отношения к религии и нравственности, есть суета, и не может удовлетворить человека, утолить алчность и жажду счастья. Нельзя не видеть в этой алчности и жажде, не удовлетворяемой ничем земным, наказания Божия за то, что люди ищут счастья не там, где его следует искать.

Его следует искать только в Боге. Он есть верховное Добро и Податель всякого добра. Блажен, кто достиг общения с Господом, благоугождая Ему подвигами богомыслия, молитвы, ревностью об исполнении заповедей Его. Он достиг такого блага, выше которого не может быть ни на земле, ни на самом небе. Ощущая сладость общения с Господом, он говорит с Псалмопевцем: «Кто мне на небе? И с Тобою ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое. Бог – твердыня

сердца моего и часть моя вовек... мне благо приближаться к Богу!» (Пс. 72, 25–26, 28).

Итак, если только в Боге источник счастья, а вне Его только томление и мука, если только в Нем можно обрести утоление алчности и жажды счастья, а не вне Его, то всеми силами своего существа стремись, душа, к общению с Богом и для сего отрывай от себя всякое земное пристрастие.

Как ни обольстительны земные блага, для душевного мира и счастья не они нужны, а близость к Богу. Вот то единое на потребу, о чем напомнил Иисус Христос Марфе, укорявшей Марию за то, что духовное общение с Ним она предпочла суетливым заботам об угощении Его телесной пищей. Образом этого единого на потребу пусть служит для тебя малый, но неистощимый запас пищи в доме сарептской вдовы.

Питая себя единым на потребу, ты не только сама будешь сыта и довольна, но и доставишь удовольствие тем, которые, подобно пророку Илии, ревнуют о спасении ближних, особенно же Господу Иисусу Христу, Который, приняв на Себя дело спасения людей, называл это дело Своим брашном (см. Ин. 4, 34).

* * *

Попали Илия иногда двацати пятьдесят Иезавелиных, егда студные пророки погуби, во обличение Ахаавово [п](некогда Илия, в обличение Ахаава, истребил студных пророков Иезавели, и двукратно пожег по пятидесяти мужей), но бегай подражания обою, душе, и укрепляйся.

Идет речь о подвигах ревности пророка Илии о славе Господа. Ахаав, по внушению Иезавели, покровительствовал служению Ваалу и Астарте. Вследствие этого во всем царстве Израильском осталось не больше семи тысяч мужей, которые не преклоняли колен этим ложным богам и продолжали поклоняться Единому Богу, устроая Ему алтари на высотах или служа Ему под образом тельцов.

Прочие или совсем перестали чтить истинного Бога, или в одно и то же время служили Ему и вместе Ваалу. Против этого нечестия восстал пророк Илия. Он убедил Ахаава собрать к горе Кармилу жрецов Ваала и Астарты и весь народ, упрекнул

собранных израильтян в том, что они хромают на обе стороны, служа ныне Иегове, завтра Ваалу, или обоим вместе, и предложил им на выбор или служить одному Иегове, или одному Ваалу, смотря по тому, кто из них ниспошлет огонь на жертву. Предложение было принято. Но жрецы Ваала напрасно целый день призывали его – их жертва осталась нетронутой огнем. Тогда Илия приготовил жертву Господу и воззвал к Нему, моля послушать его огнем, – и чудесный огонь попалил ее. Народ, пораженный чудом, прославил Господа. Посрамленных служителей Ваала, в количестве 450, Илия приказал заклать согласно с законом Моисея (см. Втор. 13, 1–15). Подобную строгость Илия показал в отношении к идолопоклонникам в царствование сына Ахаавова Охозии. Во время болезни Охозия послал спросить о своем выздоровлении филистимского бога Веельзевула. Илия спросил посланных: «Неужели нет Бога в Израиле?» – и возвратил их с пути, а царю предсказал скорую смерть. Охозия два раза посылал по пятидесяти воинов схватить пророка, но каждый раз, по одному слову пророка, они истребляемы были огнем с неба.

Беспощадная строгость Илии против неверных истинному Богу выше нашего подражания. Господь Иисус Христос не одобрил даже апостолов, просивших у Него позволения низвести огонь на не принявших Христа самарян, хотя апостолы ссылались на пример Илии. Ревность наша об истинном богочтении должна иначе выражаться. Паче и прежде всего она должна быть обращена на нас самих, должна быть направлена к удалению себя от грехов подобных тем, против которых восстал Илия. Бегай, душа, подражания грехам Ахаава и Иезавели с достойным сыном их Охозией. Они сами были идолопоклонники и народ вовлекли в идолопоклонство. Кто любит тварь выше Бога, тот идолопоклонствует, следовательно, виновен в грехах Ахаава и Иезавели.

Страшись, душа, принимать на себя эту тяжкую вину и «укрепляйся»: с мужеством борись с идолопоклонническим пристрастием ко всему, что может отвлечь тебя от служения Богу и всецелой преданности Ему. Борись также с искусительным помыслом, будто можешь совместить

пристрастие к твари с служением Творцу. Подобным образом рассуждали израильтяне, когда хромали на обе стороны, служили то Иегове, то Ваалу, за что обличены были пророком Илиею. В этом обличении заключается предостережение от подражания им. Но еще сильнее и обязательнее для нас предостережение Господа Иисуса: «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6, 24) и апостольское: «Дружба с миром есть вражда против Бога» (Иак. 4, 4). Не грех собирать земные стяжания, но грех прилеплять к ним сердце. Не грех дружиться с людьми, но грех увлекаться их богопротивными и нечестивыми мнениями и обычаями.

* * *

Колесничник [п](везомый на колеснице) Илия, колесницею добродетели вшед, яко на небеса, ношашеся [п](вознесся) превыше иногда от земных: сего убо, душе моя, восход помышляй.

Пророк Илия окончил свое земное поприще подобно Еноху: с телом восхищен был в Горний мир на огненной колеснице.

Вспоминая об этом чуде, помышляй и ты, душа, о Горнем мире и стремись к Горним обителям путем тех добродетелей, которыми прославился великий пророк. Тебе не дано творить чудес Илии, но тебе доступно подражание его нравственным качествам. Подражай прежде всего его ревности о славе Божией, ревнуй не о том только, чтобы в тебе лично святилось имя Божие благочестием и добродетелью, но и о распространении славы этого имени между ближними, о спасении их, действуя на них силой примера и вразумлениями.

Подражай также любви пророка к уединенной жизни. Он любил уединяться в пустыне и горах. Не всякому из нас суждено жить вдали от мира, в уединенной обители; но и не покидая мира, жизни общественной и семейной, мы обязаны удаляться от суеты мирской, от общения с людьми неблагонадежными в нравственном отношении, от нечистых развлечений и забав; обязаны внимать себе, углубляться во внутренний наш мир, заниматься самоиспытанием под руководством закона Божия и христианской совести; обязаны обуздывать свой язык и больше любить безмолвие, чем

многоречие, ибо от многословия не избежишь греха; обязаны по временам искать и внешнего устранения себя от житейского шума для беспрепятственного упражнения в богомыслии, в молитве и в самонаблюдении.

Вот та колесница добродетелей, на которой душа, по разлучении с телом, может вознестись в Горние обители, в область вечного блаженства.

Глава 38 Пророк Елисей

Елисей иногда прием милоть Илиину, прият сугубую благодать от Господа, ты же, о душе моя, сея не причастилася еси благодати за невоздержание.

Елисей, ближайший ученик пророка Илии, перед тем как вознестись Илии на небо, просил его уделить ему от духа своего в сугубой мере: «Да будет убо Дух, иже в тебе, сугуб во мне» (4Цар. 2, 9). Елисей желал наследовать от Илии благодать пророчества и чудотворений в сугубой мере не в отношении к Илии, а в отношении к ученикам его.

Со времени Самуила вокруг пророков истинного Бога соединялись ученики их, которые назывались сынами пророческими, ибо пользовались их отеческим руководством, под их руководством упражнясь в духовном пении, в молитве. Через эти упражнения они очищали свою душу для благодатных на нее действий и часто возвышались до Божественного вдохновения.

Елисей был одним из учеников Илии. Он преимущественно перед товарищами пользовался близостью к Илии и преимущество перед ними желал сохранить по разлучении с ним. Как по закону Моисееву отцы при разделении наследства своим сыновьям первородным назначали двойную часть имущества (см. Втор. 21, 17), так и Елисей желал принять от Илии, своего отца по духу, сугубую часть духовного наследия в сравнении с прочими сынами его по духу: он ревновал о том, чтобы ему дана была возможность послужить славе Божией даром пророчества и чудес в гораздо большей мере, чем прочим сынам пророческим. Илии угодна была просьба Елисея, и как только Илия скрылся от глаз Елисея, вихрем поднятый на небо на огненной колеснице, к ногам Елисея упала милоть, то есть плащ Илии, в залог того, что с этим плащом передана ему сугубая благодать, о которой он просил.

И действительно, Елисей по вознесении Илии первенствовал между всеми современными ему пророками; никто не изрек столько пророчеств, не сотворил столько чудес,

– он был в этом отношении не менее велик, чем Илия. Первый раз сугубую благодать Елисей показал, разделив плащом Илии воды Иордана и перейдя через него немокренно.

Милоть Илиина, доставшаяся в наследие Елисею, есть образ таинственной одежды, которой облакаются верующие в купели Крещения: «Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь». В Крещении верующие совлекаются ветхого человека, то есть растленной грехом природы, наследованной от Адама, и обновляются или возрождаются для жизни в общении со Христом, вступая в такую же близость к Нему, как одежда близка к телу. Ради этой близости ко Христу, ради теснейшего общения с Ним, крещеные делаются сынами Божиими, усыновляются Богу по благодати возрождения и в качестве сынов Божиих наследуют от Христа все Божественные силы «яже к животу и благочестию» (2Пет. 1, 3), приемлют от полноты Его «благодать на благодать» (Ин. 1, 16) для жизни святой и богоугодной, подобно тому как Елисей принял от Илии вместе с милотью сугубую благодать. Но Елисей тотчас же по получении сугубой благодати начал проявлять силу ее в чудесах.

Ты же, душа, облекшаяся в Самого Христа и получившая от Него обильную благодать, «сея не причастилася еси благодати» – не показала плодов дарованной тебе благодатной жизни. Благодать живет в тебе, но ты не пользуешься ею для подвигов благочестия и добродетели – поступаешь подобно рабу, зарывшему данный ему талант в землю; усыновлена Богу, но не являешь детской покорности Ему; вступила в тесное общение со Христом, но ни мыслями, ни чувствованиями, ни желаниями не уподобляешься Ему: принадлежишь Христу только по имени, а на деле служишь только страстям своим. Отчего такое духовное бесплодие? Отчего не видно в тебе плодов благодатной жизни? От невоздержания. Духовная жизнь не требует от нас отречения от чувственных потребностей, а только воздержания и умеренности в удовлетворении их. Они могут быть удовлетворяемы настолько, насколько это не будет вредить росту духовной жизни.

К сожалению, многие из христиан не сохраняют воздержания даже в пределах, указуемых естественным благоразумием, со скотской необузданностью предаются чувственным удовольствиям и развлечениям и через то убивают в себе духовную жизнь, погашают в себе огонь благодати. Употреби, душа, все усилия к тому, чтобы победить в себе это невоздержание, и наложи узду воздержания на все чувства – на очи, чтобы они не видели суеты, на слух, чтоб не входили в него гнилые речи, на язык, чтобы он не изрыгал брани, празднословия и срамословия, на гортань, чтобы она не служила раболепно чреву, на руки, чтобы они не простирались на беззаконие. наложи воздержание на память и воображение, не допускай, чтоб они унижали себя постыдным рабством чувственным вожделениям.

* * *

Иорданская струя первее [п](некогда) милотию Илииною ста сюду и сюду: ты же, о душе моя, сея не причастилася еси благодати за невоздержание.

Елисей, чудесно разделивший воды Иордана и немокренно перешедший по дну его, есть образ всякого истинно верующего и уповающего на Промысл Божий, и силой веры и упования благополучно избевающего от бед и скорбей, которые в Писании нередко представляются под образом бурных и угрожающих потоплением вод.

Спаси меня, Боже, – вопиет он, – ибо воды дошли до души [моей]. Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать; вошел во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня (Пс. 68, 2–3).

И Господь слышит его мольбу. Он никому не посылает скорбных испытаний сверх сил, приходит на помощь вопиющему к Нему из глубины бед и напастей, и тот, кто готов был потонуть в этой глубине, свое спасение от потопления исповедует благодарно: "Он (Господь) простер руку с высоты и взял меня, и извлек меня из вод многих... Он вывел меня на пространное место и избавил меня» (Пс. 17, 17, 20).

Так благоволит Господь к прибегающим к Нему с верой и упованием и в то же время с сердечным сокрушением о своих грехах, прогневающих Господа. Но такое благочестивое

расположение свойственно только душе, чуждой пристрастия к чувственным наслаждениям и высшее благо поставляющей в удовлетворении духовных потребностей, в духовном просвещении, очищении и освящении. Душа, заглушившая в себе эти потребности невоздержанием, чувственными пристрастиями, доходит до забвения Бога, и при встрече со скорбями и бедствиями предается малодушию и отчаянию, и этим только отягчает бремя скорбей и бедствий.

Бегай, душа, чувственного невоздержания, если не хочешь лишиться благодатной помощи Божией и утешения в скорбях и напастьях.

Глава 39 Соманитянка

Соманитида иногда праведного учреди нравом благим [п] (некогда угостила праведника с добрым усердием); ты же, о душе моя, не ввела еси в дом ни странна [п](пришельца), ни путника. Темже [п](из) чертога изринешися вон рыдаючи.

Пророку Елисею не раз во время путешествий по земле Израильской случалось проходить через город Соман (Сунем) в колене Иссахаровом. Здесь всегда радушно принимала его, угощала и давала ему ночлег в своем доме одна замужняя женщина. Она даже уговорила своего мужа устроить для пророка особое помещение в их доме на случай прибытия его к ним. Благодарный пророк, так как она не имела детей, испросил ей у Господа сына, и когда сын помер, воскресил его.

Пример соманитянки и для нас достоин подражания. Дело призрения странников есть одно из дел милосердия, за которое Господь Иисус на Страшном Суде наречет страннолюбцев благословенными Отца Своего и введет в наследие уготованного им Царствия Небесного. Странноприимство почиталось и доселе почитается великой добродетелью, особенно на востоке, где по жаркому климату, по неудобствам путей сообщения, по редкости гостиниц путешествия всегда были и теперь весьма затруднительны. Но Христос Господь возвышает цену этой добродетели тем, что услугу, оказываемую странникам, равно как и другие дела человеколюбия, относит к Себе Самому: «Странен бех, и введосте Мене» (Мф. 25, 35). Это значит, что добродетель странноприимства важна не только как исполнение обязанности в отношении к ближним, но больше всего как дело веры и любви ко Христу, потому что должна быть исполняема не по естественному только чувству сострадания, а преимущественно ради Христа, страждущего и терпящего всякую нужду в лице верующих в Него и потому на Свой счет принимающего одолжения для них. Они, по Его слову, "братия Его меньшие." На эту родственную близость их к Нему дает им право вера в Него и духовное общение с Ним по вере. Ради этого общения Он не стыдится их называть братией Своей, хотя

бы они по внешнему положению «были меньшие», то есть уничиженные.

Странноприимство ближайшим образом состоит в том, чтобы давать приют и упокоение путникам; но оно может быть понимаемо в более обширном смысле. Например, давать пособие бедным людям, желающим отправиться на богомолье в дальнее место, значит участвовать в странноприимстве. Одинаковое значение с этой добродетелью имеет также попечение о бесприютных бедняках, беспомощных сиротах, вдовах, стариках, увечных. Это попечение состоит или в том, чтобы давать им пристанище у себя, или в пожертвованиях на содержание их в общественных благотворительных заведениях, также в пособиях на их содержание в других местах. В нашем попечении, подобном странноприимству, нуждаются также миссионеры, странствующие среди язычников и раскольников для обращения их. Если мы будем помогать им нашими издержками в их равноапостольных странствованиях, то заслужим награду, обещанную странноприимцам.

Душа христианская, имеющая возможность благотворить странникам, не должна упускать случаев в лице их принять Самого Христа и за сие заслужить обещанную от Него награду. Но горе тебе, душа, если ты пренебрегаешь сей спасительной возможностью, если не принимаешь христианского участия в нуждах странников и вообще бесприютных! Ты находишься в опасности быть изринутой вон из Чертога Царя Христа. Ты не приняла Его в уничиженном виде беспокровного странника; за то Он Сам не примет тебя в Чертог славы Своей, когда во славе придет судить живых и мертвых. Ты не упокоила и не угостила странника; за то, когда кончится время твоего странствования на этой земле и ты перейдешь в другой мир, лишена будешь сладостей Рая и изринута будешь в тьму кромешную, где будет вечный плач от нестерпимой боли и скрежет зубов от злобы. Размышляй почаще об этой опасности, грозящей за пренебрежение долга человеколюбия в отношении к странникам и бесприютным, и сим размышлением удерживай себя от этого греха. Если же при всем желании дать им вещественную помощь не имеешь к тому ни средств, ни случая, –

вспомоществуй им по крайней мере духовным образом, усердно молись о плавающих и путешествующих, чтобы они благополучно совершили свой путь, не встречая опасности на воде и на суше, и вообще о всех бесприютных.

Глава 40 Гиезий

Гиезиев подражала еси разум скверный [н](нечистый нрав) всегда, окаянная душе, егоже сребролюбие отложи поне [н] (хоть) на старость, бегай геенского огня, отступивши злых [н] (дел) твоих.

Пророк Елисей исцелил от проказы сирийского военачальника Неемана. Исцеленный предложил пророку богатые подарки, но пророк отказался от них и отпустил его на родину с миром. Но Гиезий, слуга Елисея, побуждаемый корыстолюбием, не сказавшись ему, поспешил вслед за Нееманом и от имени Елисея выпросил у него часть этих подарков в пользу будто бы двух бедных пришедших к Елисею учеников. Гиезий думал, что Елисей не узнает его обмана, но ошибся. Елисей обличил корыстолюбца и поразил его проказой.

Пример Гиезия показывает, как пагубно корыстолюбие. Оно, по слову Апостола, есть «корень всех зол» (1Тим. 6, 10). Оно отвлекает людей от служения Богу, по слову Христа Спасителя: «Не можете Богу работати и маммоне» (Мф. 6, 24), и, изгоняя из сердца страх Божий, подбивает корыстолюбца на всякого рода несправедливость и обман в отношении к ближним. Кто не боится Бога, не стесняется памятью о Его всеведении, святости и правосудии, тому нипочем, в видах наживы, поступать незаконно с ближними. Он руководствуется в отношении к ним только внушениями самолюбия и смотрит на них как только на пищу к удовлетворению своей алчности к наживе. Тут не может быть разборчивости в выборе средств к достижению преступной цели, – тут все средства хороши, лишь бы вели к цели.

Корыстолюбца может стеснять разве только страх ответственности перед судом человеческим. Он не боится ни Бога, ни совести; но он знает, что не всегда же можно вести свои нечистые дела безнаказанно, что есть неправды, не только на небо вопиющие, но неизбежно призывающие на себя строгий суд человеческий, если будут открыты и обличены перед ним. Но ни в ком так не сильно чувство самосохранения, как в корыстолюбце. Прибегая к обманам и всякого рода неправдам,

чтобы обогатиться за счет ближнего, он с неменьшей хитростью и лукавством умеет уклоняться от строгой кары за них, скрывает следы своих преступных действий, отводит от них глаза общества или суда. Он прикрывает свои преступления видом законности (например, ростовщики) или благодеяниями (в пользу церкви или богоугодных заведений); если же привлечен будет к суду, отыщет защитников, известных необыкновенным искусством за приличное вознаграждение черное делать белым. Но корыстолюбец, успевающий безнаказанно творить свои злые дела в настоящей жизни, пусть не надеется избежать наказания за них в будущей жизни, где каждому будет воздано по делам его. Ни неправедные, ни воры, ни лихоимцы, ни хищники Царствия Божия не наследуют (см. 1Кор. 6, 9–10), место им в гееннском огне.

Ввиду этого воздаяния сребролюбивым возненавидь, душа, сребролюбие, отложи его по крайней мере в старости, приближающей нас к смерти. Трудно бороться с застарелым недугом; но горе тому, кто умирает с ним без раскаяния, кого сама близость смерти и следующего за ней воздаяния не удерживает от пристрастия к земным стяжаниям.

Прежде, чем смерть разорвет союз души с телом, поспеши, несчастный сребролюбец, отрешить свое сердце от этого пагубного пристрастия и для сего вступи на путь самоотвержения.

Глава 41 Озия

Ты Озии, душе, поревновавши сего прокажение стяжала еси сугубо: безместная бо мыслиши, беззаконная же дееши. Остави, еже имаши, и притецы к покаянию.

Озия, царь иудейский, имел ревность к благочестию, доколе пользовался наставлениями некоего Захарии, который учил его страху Божию (см. 2Пар. 26, 5).

За благочестие Господь споспешествовал Озии в его царственных делах: Озия имел многочисленное, хорошо обученное войско и страшен был соседним народам. Он расширил пределы царства, возвел множество укреплений в своем царстве, с успехом покровительствовал скотоводству, садоводству и земледелию. Но на высоте могущества он унизил себя гордостью и высокомерием. Он восхотел соединить в своем лице царскую власть со священническим служением. Последнее законом предоставлено было одним потомкам Аарона. Озия пренебрег этим законом и дерзнул однажды войти в святилище, чтобы самовольно возложить фимиам на алтарь кадилный. Этому своеволию воспротивился первосвященник Озария с 80 священниками; они потребовали, чтобы Озия удалился из святилища и не брался святотатственно не за свое дело. Озия воспылал гневом на обличителей и тотчас же поражен был проказой от Господа. Он остался прокаженным до самой смерти, живя в удалении от людей в уединенном доме, ибо прокаженным возбранено общение с людьми.

Высокомерие, подобное тому, за которое наказан проказой Озия, есть обыкновенное явление в жизни грешника. Поводом к обнаружению высокомерия для Озии послужили успехи в благоустроении царства, как о сем ясно свидетельствует священное бытописание: «Когда он сделался силен, возгордилось сердце его на погибель его, и он сделался преступником пред Господом» (2Пар. 26, 16).

Подобное повторяется нередко среди нас. Смиренная доля, скромное положение в жизни располагают людей к смирению пред Богом и людьми. Но вот человек начинает возвышаться

над ближними по внешнему положению, труды его вознаграждаются успехами, все обстоятельства благоприятствуют ему, – он становится богатым и сильным. Все это должно бы побуждать его к благодарности Господу, к исповеданию Его милости, ибо Господь убожит и богатит, смиряет и возвышает. К сожалению, нередко бывает противное. Внешнее счастье, богатство и слава кружат голову человеку. Он начинает зазнаваться не только перед людьми, но и перед Богом. Он начинает думать, что своими успехами в житейских делах обязан одному себе, и или совсем забывает Бога, перестает молиться Ему, теряет страх Божий, или если не делается нечестивым, самое благочестие его окрашивается высокомерием, как у Озии. Озия самовольно приступил к священнодействию, которое могли совершать одни священники. Жертва сама по себе – дело благочестивое; но оно сделано Озией вопреки закону, с пренебрежением к правам священноначалия и к чину богослужения.

Подобное самоволие в делах благочестия допускают высокомерные христиане, когда, например, берут на себя духовное учительство не только без благословения церковной власти, но с целью подорвать уважение к ней и распространить свои неправые религиозные мнения; когда не почитают себя обязанными подчиняться церковным законам о еженедельном участии в общественном богослужении, о говении, о постах, утверждая, что все это такие дела, которые или совсем не нужны для спасения, или которые можно делать только по свободному желанию, отнюдь не по долгу. Напрасно кто стал бы обличать их за самоволие в этом отношении; напрасно кто стал бы поставлять им на вид, что даже дела благочестия, если соединяются с непослушанием Церкви, не имеют цены пред Богом, что по слову Христа Спасителя, кто не слушает Церкви, ее пастырей и презирает ее законы, тот язычник и мытарь. Гордые и высокомерные, они не терпят ничьих обличений.

Подобно Озии, они приходят в крайнее раздражение против обличителей – их никто не смеет учить и вразумлять, они сами для себя закон.

Озия поражен был проказой в наказание за гордость и своеволие. Не оставляются без наказания и люди, высокомерно удаляющиеся от руководства Церкви в деле благочестия. Они поражаются тоже своего рода проказой. Господь, противящийся гордым, лишает их Своей благодати, предаёт их «постыдным страстям» и превратному уму делать непотребное, как предал Он некогда язычникам (см.: Рим. 1, 26–28).

Предоставленные самим себе, они теряют, наконец, последние остатки благочестия, и делаются положительно нечестивыми, и в этом отношении, подобно прокаженным, этим живым мертвецам, заживо умирают для жизни духовной. Как проказа не только покрывает снаружи тело, но проникает внутрь его, повреждает кровь и все соки, так и высокомерная душа сугубо прокажена: она не только «делает незаконное, но и мыслит безместное, преступное». Не только наружные дела ее гнусны, но и внутренние помышления ее растленны. Она доходит до того, что не только делает зло, но и мыслит одно зло. Она отдается греху без всякой внутренней борьбы – она уже не осуждает его, а одобряет, соуслаждается ему. Грех всецело проникает в эту душу, как проказа в тело. И как проказа заразительна, так и грех. Злые примеры сильнее действуют, чем добрые, грех даже заразительнее проказы. Прокаженных отлучали от людей и тем препятствовали распространению заразы. Но духовно-прокаженные грешники беспрепятственно живут в обществе и легко передают другим нравственную порчу.

Горе тебе, душа, если ты путем гордости и высокомерия довела себя до столь ужасного положения, как духовная проказа! Опомнись и смирись пред Богом. «Остави, еже имаши, и притецы к покаянию». Как проказа не есть неизлечимая болезнь, ибо бывали случаи, что прокаженные освобождались от этой болезни, и священник, осмотрев их, объявлял здоровыми и возвращал в общество, – так и грех не есть неизлечимое зло. Один диавол неисправимый грешник; человек же, как ни глубоко пал, всегда может восстать посредством покаяния.

Итак, поспеши принести покаяние Господу и исповедуй свои грехи перед служителем Его священником, и он от лица Божия

объявит тебя чистым от скверны греховной, – и вперед не оскверняй себя.

Глава 42 Езекия

Исчезоша дние мои, яко соние [n](сновидения) восстающего; темже, яко Езекия, слезю на ложи моем, приложитися мне летом живота. Но кий Исаиа предстанет тебе, душе, аще не всех Бог?

Правнук Озии, благочестивый царь иудейский Езекия, во все продолжение своего царствования пользовался особенным благоволением Божиим. Опыт сего благоволения Господь явил ему во время тяжелой постигшей его болезни. Пророк Исаия уже объявил ему именем Божиим, чтобы он готовился к смерти. Езекия горько плакал, выслушав этот приговор, и на смертном ложе умолял Господа исцелить его и продлить ему жизнь. Господь услышал его молитву и через того же пророка уверил его, что он выздоровеет на третий день и будет жить еще 15 лет.

Болезнь, какая бы ни была, легкая ли, или подобная той, в которой находился Езекия, естественно располагает к мысли о смерти. Но мысль о смерти может быть спасительна для нас только в том случае, если соединяется с заботами о приготовлении к вечности, с покаянием и ревностью остаток жизни провести в богоугождении. С сей целью каждый больной должен обращаться к Господу с молитвой Езекии о продлении лет его жизни. Желание пожить подольше свойственно больше или меньше каждому живущему. Как ни горька иному жизнь, а все ему не хочется расстаться с нею, ибо жизнь, несомненно, есть великое благо. К сожалению, не все знают настоящую цену этому благу. Для многих жизнь дорога только по пристрастию к земным благам и удовольствиям. Им тяжело даже думать о необходимости расстаться с жизнью, потому что тяжело расстаться с этими благами и удовольствиями. В этом отношении они не выше язычников, не имущих упования на загробную жизнь и воздаяние. Для последних с земной жизнью оканчивалось все, и потому они старались извлечь из нее все, что только она могла дать чувственному человеку.

Христианину, верующему в обетования о жизни будущей, земная жизнь дорога как время приготовления к вечности, как

время сеяния в виду жатвы. Поэтому, если с одной стороны страх смерти ослабляется в нем тем, что за нею виднеется жизнь в иной области бытия, то с другой в виду этой новой жизни его не может не тревожить мысль о возможности перейти туда неготовым. Эта мысль никому не должна быть чужда.

Сколько бы кто ни был благочестив и добродетелен, как бы ни далеко кто ушел по пути нравственного совершенства, он не может сказать с уверенностью, что он вполне готов к переходу в вечность, вступить в Царство Небесное. Даже такой великий праведник, как святой апостол Павел, который с дерзновением ожидал себе награды в жизни загробной (см. 2Тим. 4, 8), говорил о себе: «Хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь» (1Кор. 4, 4).

Всего менее могут быть решительно уверены в оправдании на том свете те, которые не могут сказать о себе: мы ничего не знаем за собою, на совести нашей не лежит ни единого пятна. Сознание своей греховности и, следовательно, неготовности предстать на Суд Божий с особенной живостью должно возникать в нас во время болезни ввиду того, что эта болезнь может разрешиться смертью, за которой следует суд над душой.

Господи, должен говорить больной, исчезли дни мои, как сновидения после пробуждения (см. Пс. 72, 20). Болезнь пригвоздила меня к ложу и лишила меня возможности пользоваться и наслаждаться земными благами. Они для меня потеряли значение. Они для меня теперь так же суетны, как суетны и пусты сладкие, но быстролетные сновидения. Теперь мне не до земных благ. Чувствую, что, гоняясь за ними, я ничего или слишком мало сделал для спасения души. В лениности все житие мое иждих, не помышляя или мало помышляя о смерти и вечности. Осуждаю мою леность, мою беспечность. Знаю, что прошедшего не воротить, а жить осталось, может быть, очень недолго, так что, пожалуй, ничего не успею сделать для вечности. Сжался надо мною, Господи, как сжалился над Езекией, – продли дни моей жизни, чтобы мне иметь время на покаяние, чтобы приготовиться к переходу в вечность. Даруй мне выздоровление или, если сие Тебе не угодно, по крайней мере, дай мне подольше поболеть, чтобы в муках болезни,

подкрепляемый Твоею помощью, я мог научиться смирению пред Тобою, преданности воле Твоей и через это избавиться от вечных мук. Не прошу Тебя, чтобы Ты послал ко мне пророка для объявления, что Ты услышал мою мольбу, как послал к Езекии Исайю, я не стою такой чрезвычайной милости; но я уверен, что Ты Сам близок ко всем призывающим Тебя. Приблизься и ко мне Твоею невидимой благодатью, предстань болезненному одру моему, прикоснись ко мне Твоею милосердною десницею и приложи мне лета живота для надлежащего приготовления к вечности.

С молитвой о продолжении жизни болящий может обращаться к Господу также в том случае, если имеет на руках детей, которых не успел воспитать и пристроить, если принял на себя обязательства, для исполнения которых нужно не малое время. Пусть он взывает к Господу: не для меня, Господи, продли мою жизнь, а для моего семейства, чтобы я имел время благоустроить его, – для моих ближних, чтобы я мог сделать для них все, к чему обязался.

Не больные только, но и здоровые должны помышлять о смерти и к ней готовиться. Для углубления в себе мысли о смерти пусть они почаще ставят себя мысленно в положение больных, пусть заблаговременно свыкаются с этим положением и умоляют Господа даровать им время для покаяния, исповедуя, что они еще не успели воспользоваться для сего протекшими днями жизни.

Глава 43 Манассия

Манассиева собрала еси согрешения изволением, поставивши яко мерзости [п](идолы) страсти и умноживши, душе, негодования [п](богоненавистные дела). Но того покаянию ревнующи тепле, стяжи умиление.

Манассия царствовал в Иудее после отца своего, царя Езекии. Сколько отец был благочестив, столько сын нечестив. Манассия уничтожил в своем царстве все, что сделано было в пользу истинного богопочтения Езекией. Манассия восстановил введенное дедом его нечестивым Ахазом служение Ваалу и Астарте, приносил Молоху человеческие жертвы в Гееннской долине, поклонялся светилам небесным и предавался волхвованиям.

Кроме того, он был жестоким гонителем ревнителей истинной веры; по его повелению пророк Исаия, обличитель его нечестия, был перепилен деревянной пилой. Господь не оставил без наказания нечестивого царя. Ассирияне захватили его в плен, оковали двумя цепями и в этом позорном виде, словно зверя, отвели в Вавилон и здесь бросили его в темницу.

Плен и неволя смирили Манассию. Он раскаялся в своем нечестии и воззвал о помиловании к Богу отцов своих. Господь сжалился над ним. Манассия получил свободу и, возвращенный на царство, старался изгладить следы введенного им идолопоклонства и восстановил служение истинному Богу. Памятником его покаяния осталась молитва, которая, подобно молитве Давида: «Помилуй мя, Боже», доселе служит для всех руководством к излиянию пред Богом покаянных чувств. Она начинается словами: «Господи Вседержителю, Боже Отец наших» (2Пар. 36, молитва Манасии, царя иудейского) и читается в Великом повечерии.

Тяжки преступления Манасии, променявшего веру в Бога отцов на служение ложным богам, унизившего себя грубейшими языческими суевериями.

К сожалению, в подобное нечестие впадают христиане, когда «изволением», по одному ничем не оправдываемому

произволу, вместо идолов ставят в своем сердце страсти и в угоду им умножают богоненавистные дела, то есть более и более погружаются в нечестие. Самоугодие доводит их до самообожания; пристрастие к людям, например к певцам и певицам, лицедеям, плясавицам, заставляет их пресмыкаться перед ними с совершенным забвением своего человеческого достоинства; пристрастие к мирским развлечениям делает их не только равнодушными, но и враждебными к жизни по уставам Церкви; пристрастие к земным стяжаниям заставляет их забывать честь и совесть и т.д. Вера в Бога и упование на него до того в иных оскудели, что они прибегают даже к волхвованиям, вроде тех, которыми опозорил себя Манассия.

Напрасно кто стал бы обличать подражателей Манассии и вразумлять: они ненавидят обличителей и готовы были бы поступить с ними с жестокостью Манассии в отношении к Исаии, готовы были бы сжить их со света, если бы не удерживал их от того страх земного суда и наказания.

Но бедствия смирили Манассию, и он раскаялся. Душа, подражающая Манассии в нечестии, поревнуй и его покаянию, стяжи умиление, которым он умилоствовал Господа. Знай, что если не раскаешься, не минуешь гнева Божия. Быть может не будешь наказана здесь, ибо и нечестивые нередко доживают до смерти благополучно и умирают покойно, – но не льсти себя надеждой безнаказанности в жизни будущей. Если не благодарность к Господу, щадящему тебя доселе и долготерпеливо ожидающему от тебя покаяния, по крайней мере, страх будущего неумытного суда Его пусть остановит тебя на пути нечестия.

Приди в себя и исповедуй пред Господом вины твои словами Манассии: «Согрешил я, Господи, паче числа песка морского (осквернив себя множеством всякого рода грехопадений и повторением их несчетное число раз). Многочисленны беззакония мои, Господи, и я недостоин взирать на высоту небесную от множества неправд моих. (Воспоминание о них повергает меня в стыд пред Тобою, и я невольно опускаю очи мои как безответный пред Тобою грешник). Но прошу, моляся Тебе, отпусти мне, Господи, не

погуби меня с беззакониями моими, не осуди меня в преисподнюю. Ибо Ты – Бог кающихся и на мне яви милость Твою, а я буду прославлять Тебя во все дни жизни моей».

С сей покаянной молитвой соедини ревность об очищении себя от нечестия. Иной говорит: «Согрешил паче числа песка морского», – но ни одной песчинки греховной не хочет выбросить из своей души. Не подражай таковым. Не только избегай прежних грехов, но приноси плоды покаяния, твори противоположные грехам добродетели.

Манассия искренность своего покаяния засвидетельствовал тем, что старался уничтожить следы своего нечестия, соблазн, произведенный им между подданными. Старайся и ты не только о твоём спасении, но и о спасении ближних, соблазненных твоим нечестием, увлеченных твоими гнилыми речами и твоим злым примером, чтобы не отвечать тебе на том свете не за одни свои грехи, но и за чужие.

Глава 44 Пророк Иеремия

В рове блата слышала еси Иеремию, душе, града Сионя [п] (к городу Сиону) рыдающа и вопияюща и слез ищуща. Подражай сего плачевное житие, и спасешися.

Иеремия проходил пророческое служение в последние годы существования иудейского царства, незадолго до вавилонского плена и в начале плена.

Во время своего продолжительного служения он терпел тяжкие и многообразные озлобления от царей, лжепророков, народа, вельмож и священников за беспощадное обличение нечестия и пороков, наипаче же за то, что угрожал бедствиями от вавилонян и убеждал всех добровольно покориться власти царя вавилонского для избежания этих бедствий. Ни обличения, ни угрозы, ни убеждения не вразумляли иудеев, а только раздражали их против пророка.

Однажды, когда Иерусалим, обложенный войсками Навуходоносора, терпел сильный голод, Иеремия был приговорен к смерти за то, что дал совет царю Седекии лучше предаться халдеям, чем ожидать в городе неизбежной смерти. Иеремия был опущен в темничную яму, наполненную тиной. В этой яме он непременно умер бы от сырости и голода, если бы не вступился за него пред царем один богобоязненный, состоявший на царской службе иностранец. Спасенный от верной смерти, Иеремия был свидетелем предсказанных им грозных событий и в книге «Плач» горько оплакал бедствия своего отечества, подпавшего под власть Вавилона, опустошение и сожжение Иерусалима и храма, прекращение торжественного богослужения, отведение в плен жителей.

Но эти слезы Иеремии были только продолжением слез, какие он проливал во все время своего служения. Все его грозные пророчества и обличения, навлекавшие на него со всех сторон гонения, носят плачевный характер. Он и сограждан своих призывал к плачу (см. [Иер. 9, 17–20](#)), и сам рыдал о граде Сионе, искал и не находил довольно слез, чтобы оплакать его. «Кто даст главе моей воду и очесем моим источник слез? И

плачуся день и ночь о побиенных дщере людей моих», – взывал он, пророчествуя об избиении детей дщери Сионовой (Иер. 9, 1).

Как Христос Спаситель прослезился на пути к Иерусалиму за несколько дней до Своей крестной смерти, ясно созерцая за сорок лет разрушение этого города и опустошение всей Иудеи: так и Иеремия не мог не плакать, когда открывалась его пророческому взору картина имеющих вскоре разразиться предсказанных им народных бедствий. Не менее горько было для него ослепление народа, не доверявшего его грозным предсказаниям и вразумлениям. Плакал, конечно, Иеремия и в темничной яме, угрожаемый голодной смертью, и плакал не столько о своем личном бедствии и страдании, сколько о горькой судьбе Иерусалима и Иудеи.

Иеремия терпел озлобление от людей вследствие того, что верно служил Господу, исполняя Его святую волю. Он не льстил им, как льстили лжепророки, а говорил им в глаза одну правду, и за то люди ненавидели его и преследовали. Такова большей частью участь ревнителей правды и добра. Побуждаемые любовью к ближним, ревностью о их спасении, они позволяют себе иногда вразумлять и обличать людей в заблуждении и нечестии. В тех людях, которых еще не окончательно помрачили и развратили заблуждения и пороки, обличения и вразумления оставляют спасительный след. «Обличай премудра, и возлюбит тя» (Притч. 9, 8), – с благодарностью примут твои обличения, ибо в них есть приемлемость к истине.

Но есть люди, в которых заблуждения и страсти подавили эту приемлемость, сделали их поистине безумными. Такие обличениями только раздражаются. Обличения только озлобляют их. Именно таковых понимает Премудрый, когда говорит: «Не обличай злых, да не возненавидят тебе» (Притч. 9, 8). Трудно ужиться с ними ревнителям правды и добра. Они возбуждают ненависть в нечестивых не одними словесными обличениями: самая жизнь благочестивых, без слов, служит обличением для нечестивых, нестерпимым для них. «Всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы» (Ин. 3, 20).

Но как ни тяжело жить благочестивому среди нечестивых, он не должен падать духом, не должен искать их снисхождения и благосклонности малодушной уступчивостью их правилам и обычаям. Пусть он подражает плачевному житию Иеремии – и спасется. Пусть он всю жизнь, подобно Иеремии, оплакивает заблуждения и пороки людские, но сам не увлекается ими; пусть за противодействие им словом и жизнью терпит поношения от людей, не ослабевая в терпении до конца жизни; пусть вместе с сим плачет и о своих грехах вольных и невольных – о таких, в которые впадает по своему злему побуждению, и о таких, которые приражаются к нему, вопреки желанию, от окружающей его развращенной среды: и Господь за все сие воздаст ему славой и честью в будущем веке согласно Своим обетованиям: «Претерпевый же до конца, той спасен будет» (Мф. 10, 22); «Блажени плачущи [здесь], яко тии утешатся» [там] (Мф. 5, 4); «Сеющи слезами [здесь], радостию пожнут» [там] (Пс. 125, 5).

Глава 45 Пророк Даниил

Даниила в рове слышала еси, о душе, како загради уста зверей; увидела еси, како отроцы, иже о Азариин [п] (бывшие с Азарией) погасиша верою пещи пламень горящий.

Пророк Даниил, находясь в плену вавилонском, прославил себя истолкованием снов, виденных Навуходоносором, и вошел в милость его.

Навуходоносор поставил его начальником вавилонской области и главою халдейских мудрецов. Когда вавилонское царство покорено было мидянами и персами, Даниил пользовался также их расположением. При Дарии мидянине он был в числе трех сановников царских, имевших под своей властью правителей 120 областей, на которые разделено было царство. Царь намерен был поставить его и над всем царством. Но этим возбудил зависть в его товарищах ненавистник добра, враг Бога и человеков, диавол. Он «яко лев рыкая ходит, иский, кого поглотити» (1Пет. 5, 8), как львы желали поглотить Даниила. Он пускает в нас разжеженные стрелы своей злобы, чтобы воспламенить в нас огонь страстей и в этом огне, как в вавилонской печи, сожечь, сгубить нас и сделать достойными огня гееннского. Силен и лукав наш враг-искуситель, но и его нападения могут быть с успехом отражаемы.

Самое надежное оружие для борьбы с ним есть вера. "Верою, – говорит Апостол о Данииле и трех отроках, – ...заградиша уста львов, угасиша силу огненную» (Евр. 11, 33–34). И Даниил, и три отрока одушевлены были верой во всемогущество и благость Господа, зная, что Он силен и по милосердию готов избавить их от смерти, но вместе они веровали в обетованного Христа (см. Евр. 11, 39), к Которому вели закон и пророки.

В том и другом значении вера была спасительна для ветхозаветных праведников и даже чудодействовала в них и через них.

Менее ли она спасительна и сильна для новозаветных верующих? Она спасла Даниила от челюстей львиных и отроков

от огня; ее же силой побеждаются козни лукавого. Произноси с верой имя Иисуса, когда заметишь искушение от диавола, и этот зверь со срамом убежит от тебя, ибо для него ничто так не страшно, как это всесвятое имя, с верой призываемое.

По навету своих врагов, к прискорбию царя, Даниил был брошен в глубокий ров на съедение львам. Но Господь спас Даниила. Он послал к нему Ангела Своего и затворил пасти кровожадным зверям, они не дотронулись до раба Божия. Дарий, любивший Даниила, обрадовался его чудесному спасению и приказал бросить к львам в ров его завистников, которые тотчас были растерзаны зверями.

Не менее чудесно было спасение от смерти трех отроков иудейских, вместе с Даниилом отведенных в плен. За то, что они не воздали божеских почестей золотому истукану Навуходоносора, они по его повелению брошены были в печь, раскаленную всемеро сильнее против обыкновенного; но среди огня они остались невредимыми: к ним послан был Ангел и сохранил их.

Положение Даниила, поверженного в львиный ров, и трех отроков, брошенных в печь, есть образ диавольских искушений, воздвигаемых на каждого, кто желает и ревнует быть верным слугой Господа. «Аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение» (Сир. 2, 1). Искушения идут от мира, от нас самих, но преимущественно от некрепкого оружия «на небеси и на земли», говорит преподобный Иоанн Лествичник. Ограждаемый щитом веры во Иисуса может «угасить все раскаленные стрелы лукавого» (Еф. 6, 16). Сын Божий, Господь Иисус, затем и пришел с Неба на землю, «чтобы разрушить дела диавола» (1Ин. 3, 8). Может ли Он не помогать тем, которые вопиют к Нему о помощи в борьбе с диаволом? Господь Иисус Сам искушен был от диавола в пустыне, собственным опытом изведаль лютость его искушений и уже поэтому не может не сострадать терпящим подобные искушения и не помогать им (см. Евр. 2, 18).

Даниил и три отрока избавлены были от смерти посредством Ангелов. Через Ангелов же, наших хранителей, Господь готов всегда и нас избавлять от диавольских

искушений. Он заповедал им охранять верных рабов Своих на всех путях их, так что при помощи их они попирают духовного льва и змия, наступают на аспида и василиска (см.: Пс. 90, 11–13).

Итак, не бойся диавола, когда приступаешь работать Господу; вооружайся против него верой, как Даниил и три отрока; с верой молись Отцу Небесному: не введи меня во искушение, но избавь меня от лукавого, – и Господь не выдаст тебя ему, если вера твоя будет так же крепка и жива, как вера сих праведников.

Глава 46 Пророк Иона

Иона в Фарсис побеже, проразумев обращение ниневитянов: разуме бо, яко пророк, Божие благоутробие, темже ревноваше пророчеству не солгаться [н](ревновал, чтобы пророчество не осталось напрасным)

Пророк Иона, современник и подданный израильского царя Иеровоама II, жил незадолго до падения Израильского царства от ассирийского царя Салманассара. Господь повелел Ионе идти в ассирийскую столицу Ниневию и возвестить жителям ее, что беззакония их достигли крайней степени и прогневали Господа. Иона уклонился от исполнения сего повеления. Вместо того, чтобы идти, куда велено, он пошел в Иоппию (Яффу) и здесь сел на корабль, отправлявшийся в Фарсис, финикийскую колонию в Испании. Ионе не хотелось быть вестником гнева Божия на Ниневию. Он предполагал, что Ниневитяне покаются, и милосердый Господь сжалится над ними, преложит гнев на милость (см. [Ион. 4, 2](#)), и они сохранены будут на погибель израильтянам. Этого не хотелось пророку: по любви к отечеству он желал погубления ниневитян для спасения от них своего отечества и ревновал о том, чтобы грозное его пророчество против них не оказалось напрасным. Ревность поистине неразумная, хотя и проистекала из доброго побуждения, и потому не была угодна Господу. Поведение пророка не воспрепятствовало исполнению воли Божией, Господь устроил, что пророк все-таки явился в Ниневию и был свидетелем помилования ее.

Так неизменна воля Божия относительно спасения грешников! Господь ничьей не желает гибели, но всем хочет спастися и в разум истины прийти. Он долготерпит самым тяжким грешникам, ожидая от них покаяния и обращения. Пусть грехи их вопиют на небо, как вопияли грехи содомлян и ниневитян, и требуют казни виновным от Его правосудия: Господь медлит Своим Судом. Ему жаль грешника. Пусть ревнующие о славе имени Его умоляют Его поспешить воздаянием нечестивым, поступить с ними, как с неплодной

смоковницей; пусть вместе с апостолами Иаковом и Иоанном просят у Него позволения низвести огонь на презрителей Его святой воли: Он не внимлет этим мольбам и просьбам. Он ожидает, не даст ли неплодная смоковница плода, если побережь ее еще на год и позаботиться о ней (см.: Лк. 13, 7). Он неразумную ревность о славе Его укрощает напоминанием: «Не веста, коего духа еста вы, Сын бо человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти» (Лк. 9, 55–56). Как бы ни были тяжки грехи, кающегося в них Он всегда готов простить и очистить от них.

Давид прогневал Господа прелюбодеянием и убийством и долго не каялся; но, как только, выслушав обличение от Нафана, произнес: «Согрешил я пред Господом, – немедленно от лица Господа Нафан изрек ему: И Господь снял с тебя грех» (2Цар. 12, 13). Только нераскаянность и отчаяние непростительные грехи. Безмерно тяжек грех Иуды-предателя; но и Иуда получил бы прощение, если бы не отчаялся в милосердии Божиим, если бы с надеждою на оное принес раскаяние.

Имея в виду все сие, размышляя о трогательном долготерпении и милосердии Божиим к грешникам, устыдись, душа христианская, своей беспечности и коснения во грехах, возблагодари Господа, дающего тебе время на покаяние, и поспеши принести оное, пока не ушло еще время.

Глава 47 Ниневитяне

Ниневитяны, душе, слышала еси касающихся Богу вретищем [п](рубисцем) и пепелом; сих не подражала еси, но явилася еси злейшая всех, прежде закона и по законе прегрешивших.

Ионе, надеявшемуся бегством в Фарсис уклониться от исполнения повеления Божия идти в Ниневию, не удалось достигнуть своей цели. Корабль, на котором он находился, по случаю бури был в опасности потопления. Иона признал себя виновным в этой опасности, объявив, что бежит от лица Божия, и предложил мореходцам бросить его в море. Его бросили, и буря утихла, но Иона, проглоченный большой рыбой, извергнут был ею живым на берег и, получив новое повеление от Бога, отправился в Ниневию. Вступив в этот многолюдный и огромный город, Иона начал ходить по улицам его и целый день провозглашал: еще три дня⁴, и Ниневия разрушена будет.

Жители поверили проповеди и для умилоствления Господа назначили пост, облеклись в рубища. Сам царь принял участие в подвигах покаяния и сидел на пепле. По его приказанию самый скот не выгоняли на пастбище, чтобы все молились Богу и покинули злые дела. Господь, умилоствленный покаянием ниневитян, пощадил их к неудовольствию Ионы, – падение Ниневии отдалено раскаянием их на два века.

Покаяние ниневитян, тронутых проповедью Ионы, Господь Иисус поставлял в обличение современным иудеям. «Мужие ниневитстии востанут на суд с родом сим и осудят его, яко покаяшася проповедию Иониною: и се боле Ионы zde» (Мф. 12, 41). Но не к одним иудеям относится это обличение, а к душе каждого грешника, не внемлющего гласу Христа, призывающего к покаянию. Такой грешник поистине достоин осуждения от ниневитян. Ниневитяне были язычники, не ведавшие истинного Бога, и однако ж послушались Ионы, который был послан к ним истинным Богом: не стыдно ли перед ними христианам,

знающим истинного Бога и пренебрегающим призывом Его к покаянию?

Иона, вестник воли Божией, был обыкновенный пророк. Иисус Христос есть Бог во плоти, Господь пророков. Тем не извинительнее грешник, дерзающий оскорблять Христа невниманием к Его гласу, тогда как ниневитяне поспешили покаяться по слову пророка.

Иона силой одной устной проповеди, без знамений и чудес, заставил ниневитян поверить своему посольству от Бога и смириться пред Богом. Проповедь Христова о покаянии сопровождалась многочисленными знамениями и чудесами. Современные Христу иудеи слушали Его и видели своими глазами необычайные Его дела; но только немногие прилеплялись к Нему умом и сердцем, остальные слыша не слышали, видя не видели. Не похожа ли на них и ты, грешная душа?

Иона был единственным проповедником среди ниневитян. Не гораздо ли счастливее в сравнении с ними христиане, оглашаемые словом покаяния не только из уст Христа, глаголющего в Своем Евангелии, но также из уст апостолов и пастырей Церкви, в лице которых вещает Сам Христос, так что не слушающий их не слушает Христа? И потому не прискорбно ли, если грешник-христианин не внемлет столь многим спасительным голосам, тогда как для устрашения ниневитян Судом Божиим достаточно было одного голоса?

Ниневитяне одними собственными подвигами покаяния умилостивили Бога, услышав слово пророка, – христианину же вместе с словом покаяния предложены благодатные силы и средства для споспешествования ему в трудах покаяния. Христианин, коснеющий во грехах, тем безответнее пред Судом Божиим, чем больше в сравнении с ниневитянами имеет благоприятствующих условий для спасения.

Ниневитяне не на словах только каялись, но оставили совсем злые дела свои, переменили свое поведение. Как далеки от подражания им грешные души, не приносящие плодов покаяния и довольствующиеся одним устным исповеданием своих грехов!

Осуди себя, христианин, примером покаяния ниневитян, чтобы не быть осуждену пред Престолом Судии и Бога, и по крайней мере этим примером возбуди в себе ревность к покаянию. Они в знак покаяния раздирали на себе одежды и в рубищах сидели на пепле. От нас никто не требует подобных знаков. «Расторгните сердца ваша, а не ризы ваша», – говорит Господь через пророка Иоиля (Иоил. 2, 13).

Углубим в себе чувство греховности и безответности перед Богом в такой мере, чтобы искренно могли сказать о себе, что мы виновнее перед Богом не только ниневитян, но и всех людей, прежде закона и по закону прегрешивших, – подражая смирению апостола Павла, который назвал себя первым грешником, когда оценивал свое нравственное состояние по сравнению не с другими людьми, а с требованиями закона Божия, столь высокими, что при этой оценке и на мысль не придет любоваться своим превосходством перед ближними в нравственном отношении.

Часть вторая. Новозаветное Писание

Введение в часть вторую – Новозаветное Писание

«Новаго привожду ти Писания указания, водящая, тя, душе, ко умилению; праведным убо поревнуй, грешных же отвращайся и умилостиви Христа молитвами и пощеньми, и чистотою и говением» (непорочностью)

В Великом каноне немало указано событий из Ветхозаветной истории с целью произвести умиление в грешной душе, тронуть ее примерами благодати и правосудия Божия в судьбе ветхозаветных праведников и грешников. С той же целью творец канона переходит к обозрению событий из Новозаветного Писания, собственно из Евангелия, не менее, если не более, способных возбудить в душе умиление.

Умилительны или трогательны Евангельские словесные наставления, обличения и вразумления, располагающие к покаянию; но сила их действия на душу увеличивается, когда они подтверждаются и оправдываются событиями, наглядно, в примерах праведников и грешников, изображающими волю Божию, возвещаемую в словесной проповеди. Грешная душа, не довольна, или совсем нечувствительная к действию благодати Божией, дышащей в этой проповеди, вразумись, по крайней мере, примерами праведников и грешников, упоминаемых в Евангелии. «Праведным убо поревнуй, грешных же отвращайся.»

Не тех грешников отвращайся, которые были предметом отвращения современных Христу фарисеев, гордых своей мнимой праведностью, но которые с покаянием прибегали ко Христу Спасителю, призывавшему к Себе всех труждающихся и обремененных грехами, искали в Нем утешения в скорби о грехах, смиренно исповедовали их перед Ним и в общении с Ним нравственно обновлялись, – таких грешников не отвращайся, но подражай им не в грехах, а в покаянии; помни, что Христос «пришел не праведных, а грешных призвать к покаянию» (см. Мф. 9, 13). И грешники, кающиеся и покаянием очищенные, суть уже не грешники, а праведники, достойные подражания.

Отвращайся грешников нераскаянных, им одним бойся подражать. Равным образом ревнуй не тем праведникам, какими считали себя фарисеи. «Аще не избудет, – сказал о них Господь Иисус, – правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное» (Мф. 5, 20).

Правда книжников и фарисеев была только наружная, состояла в исполнении одних внешних дел закона без заботы о внутреннем очищении, а в иных ограничивалась ревностью к исполнению одного обрядового закона, забвением обязанностей в отношении к ближним. Предпочитая всему обряд, они пренебрегали понятиями «правосудие, милосердие и верность» в исполнении данного слова и обещания (см. Мф. 23, 23) – не почитали родителей, отделялись от попечения о них взносами на церковь (см. Мк. 7, 11).

Бойся, христианин, подражать таким праведникам, это не праведники, а беззаконники. Подражай тем праведникам, которые заботились не о том только, чтобы быть неукоризненными по внешнему поведению, но и о воспитании в себе внутреннего благочестия, любви к Богу и ближним, о непорочности пред Богом и совестью. Подобно им и ты «умилостиви Христа молитвами же и пощеними, чистотою, и говением» (непорочностью).

Пусть молитвы твои будут проникнуты мытаревым смирением, чувством виновности и безответственности пред Богом и нуждой в благодати Божией, без которой нельзя достигнуть оправдания никакими подвигами.

Пусть пощения твои будут состоять не в воздержании в употреблении пищи и питья, но и в обуздании страстей.

Пусть непорочность и чистота твоя, выражаясь во внешнем поведении, будет корениться в сердце. Наружному поведению не всегда соответствует внутреннее настроение. Заботься не о том только, чтобы быть наружно добрым и целомудренным, но главное о том, чтобы в сердце не гнездились злоба и нецеломудренные помыслы и желания.

Глава 48 Вочеловечение

«Христос вочеловечися, плоти приобщився ми» [η](плотью соединясь со мной), и вся, елика суть естества, хотением исполни» [η](все, что свойственно естеству, добровольно испытал), «кроме греха, подобие тебе, о душе, и образ предпоказуя Своего снисхождения.»

Вочеловечение Христа Сына Божия есть в высшей степени поразительное и трогательное дело снисхождения Его к нам.

Тот, Который есть Бог по естеству, одно из лиц Святой Троицы, единосущный Отцу и Святому Духу, делается человеком, воспринимает естество человеческое по телу и душе, соединяется с этим естеством не нравственно, не благодатью, но вводит его в личное единение со Своей Божеской Ипостасью.

Тот, Который не ограничивается пространством и Своим вседеприсутствием наполняет вселенную, избирает для Своего обитания нашу землю, едва приметную точку в ряду бесчисленных миров, и на ней вселяется в утробу Девы, заимствует от Нее нашу плоть и кровь и, став сродным нам по плоти и крови, входит в теснейшее общение с нами, обращается с нами, как обыкновенный человек с человеком.

Тот, Который яко Бог, будучи вседовольным, всесовершенным, источником и подателем всякого блага тварям, умаляет Себя до меры человеческого естества не только в том отношении, что приемлет его на Себя, но и в том, что испытывает все свойственное этому естеству, кроме греха, проходит через человеческие возрасты, – младенческий, отроческий, юношеский и мужской, подчиняется законам естественного развития даже по духовным силам, постепенно наполняясь премудростью и разумом, – алчет, жаждет, утомляется, ощущает страдания и скорби, обливается потом и слезами, подвергается мукам и смерти. И все это Он испытывает «добровольно.»

Как Всемогущий, Он мог бы избежать всего, что свойственно нашей тварной и немощной природе, мог бы

чудесным образом так устроить земную Свою жизнь, что не знал бы ни трудов, ни утомления, ни нужд, ни скорбей, мог бы не умирать. Но Он добровольно вместе с естеством человеческим принял немощи его, добровольно подвергся страданиям и позорной смерти, добровольно прошел путь беспримерного самоуничтожения. Для чего потребно было такое самоуничтожение? Для того, чтобы этим подвигом умилоствит правосудие Божие, избавить нас от гнева Божия, который мы заслужили нашими винами пред Богом, преступив в лице наших прародителей Его заповедь и умножая нашу виновность пред Ним личными грехами, личным противлением Его святой воле.

Никому из нас не миновать бы вечной гибели, если бы не явился ходатаем за нас Сын Божий, если бы Он на одного Себя не принял ответственности за наши вины, и если бы для сего Он, будучи Богом, не умалил Себя, не принял образ раба, не сделался подобным нам человеком, если бы не смирил Себя, быв послушлив до смерти, и смерти крестной (см. [Флп. 2, 7–8](#)). Сия жертва самоуничтожения и самоотвержения совершенно достаточна была для умилоствления Бога, ибо принесена была за нас не простым и не грешным человеком, но Богочеловеком, Богом и вместе человеком безгрешным.

Чем воздадим нашему Искупителю, явившему столь спасительное для нас снисхождение? Чем иным, как не заботами о том, чтобы в нашей жизни отражался образ и подобие Его снисхождения к нам? «В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» ([Флп. 2, 5](#)), – говорит Апостол, указуя на Его смирение и послушание до смерти Крестной. Какими же именно чувствованиями и расположениями мы должны одушевляться, взирая на образ снисхождения Христова? Это объясняет Апостол, сказав перед приведенным изречением: «Ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя. Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других» ([Флп. 2, 3–4](#)). Это значит, что как Христос из любви к людям для спасения их принял самое уничиженное состояние, так и мы, следуя примеру Его, не должны ставить высоко самих себя перед ближними, какими бы

преимуществами физическими, житейскими и духовными ни отличались от них. Мы должны помнить, что эти преимущества слишком ничтожны в сравнении с Божеской Славой, которую наш Спаситель сокрыл под рабским образом для нашего спасения, и что они суть дар милости Божией; – дарами же Божиими грешно превозноситься, за них должно только благодарить Бога и употреблять их во славу Божию.

Пример Христа, послужившего в рабском образе нашему спасению, располагает нас также к услужливости в отношении к ближним и к уважению их. Если Он пришел не за тем, чтобы служили Ему, но чтобы послужить, то и мы нашу славу и честь должны поставлять в том, чтобы быть слугами их (см. Мф. 20:26–28): «служит друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией» (1Пет. 4, 10).

Если Он, Святейший Святых, не возгнушался нами, нечистыми и грешными, не брезгал обществом отверженных людьми грешников, обращался с ними приветливо и снисходительно, – то мы ли можем презирать наших ближних, свысока смотреть на братьев наших, уничиженных по внешнему положению, скудных духовными достоинствами, погрязших в пороках? Не презрения, а участия и сострадания они заслуживают от тех, которые превосходят их положением и личными достоинствами. Если любовь Христа к людям простиралась до самоотвержения, то и мы должны любить ближних и заботиться о их благе до готовности положить за них жизнь свою.

Каждому из нас по природе свойственно самосохранение, самоугождение. Но когда идет дело о благе ближнего, когда ближний нуждается в нашей помощи, то мы должны победить в себе самоугодие. «Мы, сильные, – пишет Апостол, – должны сносить немощи бессильных и не себе угождать. Каждый из нас должен угождать ближнему во благо, к назиданию. Ибо и Христос не Себе угождал» (Рим. 15, 1–3).

Глава 49 Волхвы, пастыри, младенцы, Симеон и Анна

Христос волхвы спасе, пастыри созва [n] (призвал), младенец множество показа мученики, старца прослави и старую вдовицу, ихже не поревновала еси, душе, ни деянием, ни житию; но горе тебе, внемгда будеши судитися!

«Волхвы спасе.» Восточные волхвы, пришедшие на поклонение новорожденному Христу, были начатками Церкви спасаемых из язычников. Они принесли в дар Христу золото, ливан и смирну. В сих дарах они выразили исповедание Его владычества или царского достоинства (злато), Божества (ливан) и предопределенной Ему искупительной смерти (смирну).

Подобное исповедание и каждый из нас должен приносить Христу и во свидетельство искренности этого исповедания руководствоваться в житии. От нас требуется, чтобы мы, исповедуя Христа царем, служили Ему, как верные подданные Его Царства, устроили нашу жизнь по его святым законам, с покорностью и смирением, предавали Ему себя и весь живот наш, боялись Его Суда и этим страхом удерживали себя от грехов. Далее от нас требуется, чтобы мы, исповедуя Христа Богом, чествовали и любили Его, яко Бога, всеми силами души, не меняли служения Ему на служение миру и страстям, поклонялись Ему телесно и духовно, боялись греха лицемерия в служении Ему, благоугождали Ему молитвами благодарения, славословия и просили Его помощи в нуждах. От нас, наконец, требуется, чтобы мы, исповедуя Его вместе с волхвами, Исккупителем, пролившим за нас честную кровь Свою, не думали, что можем угодить Богу и спастись единственно самодельной праведностью, но всю надежду спасения возлагали на благодать Божию, даруемую нам ради крестных страданий и смерти за нас Богочеловека, и убеждены были, что добрые дела наши могут быть богоугодны только в соединении с верой в Него и успешны только при Его благодатной помощи. Не должны мы также забывать, что Христос, пострадав за нас,

оставил нам пример, да последуем стопам Его, что истинным последователем Его может быть только тот, кто, веруя в силу крестной смерти Его, сам возьмет крест свой, с самоотвержением подвизаясь в борьбе с искушениями, и с сим крестом неуклонно будет следовать за Христом (см. Мф. 16, 24). Вот в каких отношениях поучительны для нас дары волхвов, предваривших нас исповеданием Христа.

Вопроси себя, душа, подражаешь ли ты во всех этих отношениях волхвам? Верна ли ты данному тобой еще при Крещении обету служить Христу как Царю, Богу и Искупителю? – И если совесть обличит тебя в неверности и ты не принесешь сердечного покаяния в том, то горе тебе, внемгда будешь судитися!

«Пастыри призва.» Иисус Христос, пришедший спасти всех людей, родился среди Иудейского народа, который преимущественно перед всеми народами несколько тысячелетий приготовляем был к принятию Его многочисленными обетованиями, пророчествами и судьбами своей жизни.

И вот, как только родился Христос, первыми уверовали в Него принадлежавшие к иудейскому народу. Кто же прежде всех из иудеев призван Христом к вере в Него и спасению? По-видимому, этой чести должны были бы удостоиться те из среды иудейского народа, которые больше всех знакомы были с обетованиями и пророчествами о Христе, тщательно изучали их и руководили народом в разумении их, – именно стоявшие во главе народа старейшины, священники, книжники и фарисеи. Этого, однако ж, не случилось. Счастье узреть Христа и уверовать в Него прежде всех досталось пастырям, содержавшим ночную стражу у стада своего.

В ночь рождения Христова перед ними явился Ангел Господень и им первым благовествовал великую радость, которая будет всем людям, – о рождении Спасителя мира. Сего мало, они одни тогда же услышали, как сонмы Ангелов воспевали славу в вышних Богу и на земли мир. Но верхом их счастья было то, что, по указанию Ангелов пришедши в Вифлеем, они вошли в пещеру и здесь в яслях узрели

Богомладенца. За что же они сподобились такой великой чести узреть прежде всех Того, Кого человечество и в особенности избранный народ ожидали несколько тысяч лет? За то, что это были простые, кроткие и смиренные души, более всех угодные Тому, Кто, призывая к Себе всех труждающихся и обремененных, назвал Себя «кротким и смиренным» (см. Мф. 11, 29), Кто заповедал Своим ученикам быть «простыми, как голуби» (см. Мф. 10, 16), Кто в лице простосердечных детей указывал для Своих последователей пример для подражания и говорил: «Если не... будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3).

Вопроси себя, душа христианская, ревнуешь ли ты о стяжании тех достолюбезных свойств, за которые пастыри сподобились того, что первые увидели Христа? Не походишь ли, напротив, на хитрых, лукавых, гордых фарисеев и книжников и подобных им, в сердцах которых учение Христово не нашло себе почвы? Если совесть обличит тебя в этом, то горе тебе, внегда будеши судитися!

«Младенец множество показа мученики.» Множество младенцев было избито в Вифлееме и его окрестностях по повелению Ирода, который искал смерти новорожденного Иисуса и надеялся в числе их погубить и Его. Младенцы невинно пострадали за Христа, но через свою неповинную и преждевременную смерть они, если не все, то большая часть, избавились от опасности быть со временем в числе врагов Того, за Кого невинно пострадали. Быть может, они, если бы дожили до последних дней земной жизни Христовой, вместе с другими кричали бы: «Распни, распни Его». Таким образом их преждевременная и невинная смерть послужила им же во благо, и они теперь только благодарят и славословят Господа, сподобившего их – за неповинную смерть – Царствия Небесного. Пример столь вожделенной участи невинно пострадавших за Христа поучителен и утешителен для всякого невинно страждущего. Пусть он утешает себя надеждой, что за временное страдание Господь воздаст ему вечными радостями; пусть благодарит Господа, дающего ему возможность заслужить их.

К сожалению, не такими очами взирают на свои скорби и страдания многие из тех, которые подвергаются им. Они впадают в малодушие и ропщут на Бога не только в том случае, когда не знают за собой вины, заслуживающей наказания, но и в том, когда кругом виноваты и достойное по делам своим терпят. Вопросы себя, душа христианская, не принадлежишь ли к числу таких малодушных и мерзких пред Господом Богом людей? Если так, то горе тебе, внемда будешь судиться! И здесь на земле тебе горько, но и на том свете не сладко будет, если не смиришься пред Богом и не скажешь ему: лучше, Господи, дай мне здесь потерпеть скорби, даже невинно, только не лиши меня Твоей милости в жизни будущей. За временные скорби пошли мне вечное утешение на небесах и для сего помоги мне Твоею благодатью переносить их с терпением и преданностью святой Твоей воле.

«Старца прослави и старую вдовицу.» Идет речь о престарелых Симеоне Богоприимце и Анне пророчице. Старец Симеон был человек праведный и благочестивый. Он жил надеждой на пришествие обетованного Христа и удостоен был откровения свыше, что не умрет до тех пор, пока не дожидается и не увидит Христа Господня. Он дождался и увидел Его в храме, куда Матерь Иисуса в сороковой день по рождении Его пришла с Ним по закону. И не только увидел, но и принял Его на руки свои, и, держа на руках, прославил Бога и сказал: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром: яко видеста очи мои спасение Твое.» Вместе с Симеоном встретила Младенца Иисуса, принесенного в храм, святая Анна пророчица, престарелая вдова, жившая при храме и здесь день и ночь служившая Богу молитвой и постом. И она, как пророчица, в лице этого Младенца узнала обетованного Христа и, славя Господа, говорила о чудном Младенце всем чающим избавления.

Великой милости от Господа сподобились святые старцы Симеон и Анна, узрев в храме Младенца Христа. Блаженны очи их, увидевшие в лице Христа то, что «многие пророки и цари желали видеть... и не видели» (см. Мф. 13, 16–17). Блаженны руки Богоприимца, державшие Его. Но подобного близкого

общения со Христом сподобляются доселе верующие в Него. Ибо неложно Его обетование пребывать с нами «во все дни до скончания века» (см. Мф. 28, 20). Как члены Церкви Христовой, верующие суть члены Самого Христа, ибо Церковь есть тело Его (см. 1Кор. 12, 27). Он в отношении к ним есть «виноградная лоза, а они ветви этой лозы» (см. Ин. 15, 5). "Ядущий Его плоть и пьющий Его кровь пребывает во Христе и Христос в нем" (см. Ин. 6, 56).

Поразительная близость ко Христу верующих в Него! В сем отношении они не меньше, даже больше счастливы, чем Симеон Богоприимец, державший Его на руках, и Анна пророчица, видевшая Его. Но, разделяя с ними это счастье, дорожишь ли им, душа моя, как дорожили Симеон и Анна?

Ревнуешь ли их деяниям и житию? Симеон был праведен, обладал высокими нравственными совершенствами, и ревность о праведности и благочестии одушевлял живой верой в грядущего Христа с пламенным желанием видеть Его.

Так ли, как он, ревнуешь о преуспевании в добродетели и благочестии, зная, что ты призвана к тому, чтобы «быть совершенной в доступной для тебя мере, как совершен Отец Небесный» (см. Мф. 5, 48)?

Так ли жива твоя вера в пришедшего Христа, как Симеон веровал в грядущего? Так ли, как у него, пламенно твое желание общения с Христом, духовного и таинственного? Не с тугою и скукою готовишься ли каждый раз к соединению с Ним в Таинстве Тела и Крови Его?

Симеон желал продолжения своей жизни на этом свете только для того, чтобы дождаться Христа, и когда дождался, готов был с миром расстаться с жизнью, – жизнь уже не имела для него, после сего, ничего привлекательного. Вопросы себя, так ли ты любишь Христа, чтобы жить только для Него? Не привязывают ли тебя к этой жизни земные блага и удовольствия, а смерть не потому ли для тебя страшна, что тебе не хочется расстаться с ними, что они для тебя дороже, чем благо общения со Христом?

Анна пророчица неотступно была при храме. От нас никто не требует такого усердия к храму; по крайней мере, считаешь

ли священным долгом хоть раз в неделю быть в храме и находишь ли сердечное удовольствие в исполнении этого долга? Не тяготишься ли им, скорее предпочитая воскресные и праздничные дни проводить в праздности или в одних мирских, опасных для нравственности, развлечениях? Она день и ночь служила Богу молитвой и постом. Непрестанная молитва заповедуется каждому из нас (см. 1Фес. 5,17). Молиться непрерывно устами, конечно, нельзя, но непрестанно держать молитву на уме возможно без ущерба для всяких других занятий; ибо если во время житейских занятий мы можем, не отвлекаясь от них, разговаривать с людьми, то, без сомнения, возможно совмещать молитвенную беседу с Богом. Так ли настроена наша душа, чтобы в этом отношении мы подражали примеру Анны пророчицы? Житейские заботы не отвлекают ли нас не только от непрестанной, но вообще от молитвы?

С молитвой должен быть соединяем пост. Анна пророчица постилась непрестанно, а не во дни только положенные законом. Но мы не предаемся ли чревоугодию не только в непостные, но и в постные дни? Многие даже глумятся над заповеданными Церковью постами. Вообще пример праведных Симеона и Анны для многих христиан служит обличением, показывая, как много не достает им в сравнении с деяниями и житием этих праведников. Горе тебе, душа, внегда будешь судиться, если жизнь твоя далека от соответствия этому примеру.

Глава 50 Иоанн Предтеча

В пустыню вселися благодати предтеча, и Иудея вся и Самария, слышавше, течаху [п](стекались слушать его) и исповедаху грехи своя, крещающиеся усердно, ихже ты не подражала еси, душе.

Прошло 30 лет по рождении Христа Спасителя. Настало время вступить Ему в открытое служение всемирного искупления. Надлежало, по плану домостроительства спасения, приготовить людей к принятию Христа. К сему готовили ветхозаветные пророки. Но голос их замолк за 400 лет до Рождества Христова. Пророк Малахия, заключивший собой ряд пророков ветхозаветных, указывает уже на предтечу Завета Нового и именует этого предтечу Ангелом, или вестником (вестовым), которого Господь пошлет перед самым лицом Христа, чтобы приготовить путь Ему (см. Мал. 3, 1; Мф. 11, 10; Мк. 1, 2).

И вот, в год Крещения Христова, незадолго до него, действительно является предтеча Христов, который поистине есть предтеча благодати, ибо призван был возвестить о явлении Того, через Которого упразднилось господство ветхозаветного закона, строгого и беспощадного к грешникам, и от полноты которого на все человечество излилась обильная благодать Божия, прощающая и очищающая, освящающая и соединяющая с Богом. Сей предтеча есть Иоанн, сын священника Захарии, назорей от рождения и житель пустыни. Он упредил Христа своим рождением на шесть месяцев и он же, спустя 30 лет, как заря перед восходом солнца, предварил торжественное явление Христа, Солнца Правды, своей проповедью о Его Царстве и о том, как надобно встретить Его. "Покайтесь, – говорил он народу, – ибо приблизилось Царство Небесное" (Мф. 3, 2), то есть Царство Христово. С этой проповедью Иоанн явился в пустыне иудейской, на запад от Мертвого моря. Слушать его стекались весьма многие из жителей Иудеи и всей окрестности Иорданской (следовательно, и самаряне). Помимо содержания проповеди их привлекала личность проповедника,

его суровый образ жизни. Но, главным образом, внимание к нему объясняется содержанием его проповеди.

Он говорил об открытии в скором времени царства Мессии, – но этого события с нетерпением ожидали тогда все иудеи. Дело только в том, что иудеи надеялись видеть в Мессии земного царя, который освободит их от иноплеменного владычества, даст им власть над язычниками, осыплет их земными благами. Мечтам их, однако, не благоприятствовала проповедь Предтечи. Царство Мессии он называл небесным в том смысле, что оно хотя должно открыться на земле, но отнюдь не есть земное и мирское, а духовное, с небесным характером, ибо и Царь этого царства не земной, а небесный, и цели Его не земные, а небесные, и цели Его не на земле, а на небе, и члены Его должны смотреть на себя, пока живут на земле, как на пришельцев и странников, имеющих настоящее жительство на небесах. Посему и об условиях вступления в царство Мессии Иоанн учил не так, как хотелось бы иудеям. Они думали, что для того, чтобы иметь на это право, достаточно быть потомком Авраама. Иоанн давал им понять, что они напрасно так думали. Если царство Мессии есть не земное, а небесное, следовательно, духовное, то и желающие участвовать в благах его должны приготавливаться к сему духовным образом. Тут имеет силу не плотское происхождение от Авраама, а личное духовное настроение – покаяние, нравственная перемена, обращение к Богу.

Цель пришествия Христова есть примирение грешника с Богом, умилоствление Его. Христос сделает для достижения сей цели все, что нужно будет с Его стороны; со стороны же людей требуется, чтобы они осознали нужду в Его помощи, осознали всю тяжесть своей вины пред Богом, возненавидели свои грехи и возревновали об очищении себя от них. Вместе с покаянием Иоанн требовал от желающих быть членами Царства Христова крещения, или погружения в воде. Он проповедовал «крещение покаяния во оставление грехов» (Лк. 3, 3), «говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса» (см. Деян. 19, 4).

Понятно значение этого крещения. Оно не было таинством и отнюдь не равносильно было христианскому крещению. Сравнивая то и другое, сам Иоанн говорит: «Аз убо крещая вы водою в покаяние: Грядый же по мне... крестит вы Духом Святым» (Мф. 3, 11). Христианское крещение Духом Святым значит очищение от грехов благодатью Святого Духа. Крещение, которого требовал Иоанн, не низводило на крещаемых этой благодати: оно было наглядным внешним выражением внутреннего намерения очистить душу от греховных скверн, как тело водой очищается от грязи и пота. Поэтому и называлось оно крещением покаяния. Что же касается до отпущения грехов, которое было целью крещения Иоаннова, то оно этого отпущения само по себе не давало, – оно было залогом, или задатком, отпущения грехов, сообщаемого благодатью Святого Духа в христианском Таинстве Крещения; оно приготавливало только к сему Таинству, и потому не заменяло его.

Как предтеча Христа, Иоанн своим крещением только полагал путь к вере в Него, яко «Агнца Божия, вземлющего грехи мира» (см. Ин. 1, 29–36), и давал понять, что когда этот агнец будет принесен в жертву, тогда и грехи будут отпускаемы верующим во имя Его.

Проповедь Иоанна, призывавшего всех к покаянию и крещению, необходимым условиям вступления в Царство Христово, как ни далеко расходилась с господствующими понятиями об этом царстве, имела, однако, успех. Большинство приходивших слушать его убеждались его проповедью, воспринимали душой семена истины, расставались с плотскими мнениями о царстве Мессии, – и усердно принимали от Иоанна крещение покаяния, исповедуя грехи свои с надеждой прощения и духовного обновления силой благодати Христовой. Но это большинство составляли только простой народ и мытари. «Весь народ, слушавший Иоанна, и мытари воздали славу Богу, крестившись крещением Иоанновым» (Лк. 7, 29)

Как же отнеслись к проповеди Иоанна руководители народа – фарисеи и законники? «А фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе, не крестившись от него» (Лк. 7, 30), или если некоторые крестились и исповедовали грехи, то лицемерно.

Фарисеям не могла нравиться проповедь о покаянии, – они почитали себя великими праведниками, которым не в чем каяться. Законникам неприятно было, что какой-то пустынник, не спросив их, знатоков закона и пророков, учит народ, и этот проклятый народ, не ведущий закона (см. Ин. 7, 4), смиренно слушает его и отбивается от их руководства, тогда как кому же лучше, как не им, почивающим на законе, знать все, что относится до Мессии, Его царства и условий вступления в оное? Еще менее могли сочувствовать проповеди Иоанна саддукеи. Они не верили в бытие духовного мира, в бессмертие души и в воздаяние за гробом. Счастье жизни они видели в чувственных наслаждениях и ожидали от Мессии одних чувственных благ. Они могли лишь смеяться над проповедником, который говорит только о духовной жизни, осуждает плотский образ мыслей и жизни, и сам подает пример суровой подвижнической жизни.

Проповедь святого Иоанна Предтечи о покаянии относится и к христианам. Христианин выходит из купели Крещения чистым от грехов, так что если бы непосредственно после Крещения постигла его смерть, он, как не успевший осквернить грехами душу, прямо пошел бы в Рай. К сожалению, мы не сохраняем чистоты и невинности, с какой выходим из купели Крещения, и с течением времени глубже и глубже погрязаем в бездне греховной. Но по милосердию Господа, как бы ни были тяжки грехи, мы не лишены возможности очиститься от них и получить прощение в них. Покаяние есть второе крещение. В слезной воде покаяния отмываются наши грехи, как они отмываются в Крещении. Спасительно было покаяние грешников, приходивших к Иоанну с исповеданием грехов и принимавших от него крещение. Гораздо спасительнее христианское покаяние, приносимое Господу в Таинстве Исповеди, совершителям которого дано обетование: «Елика аще разрешите на земли, будут разрешена на Небеси». Пользуешься ли ты, грешник, благодатью сего Таинства? Ищешь ли ее с таким усердием, с каким исповедовали грехи свои, в надежде получить прощение, грешники, приходившие к Иоанну Крестителю? Не должен ли ты сознаться, что не подражаешь им

в этом отношении, что или совсем уклоняешься от покаяния и исповеди, или с неохотой и тугою исполняешь этот долг? Не относишься ли к этому долгу, как фарисеи, законники и саддукеи? Они тоже были в числе приходивших к Иоанну, но или совсем не исповедовали своих грехов, были только зрителями исповеди других, или исповедовали грехи лицемерно. Не поступаешь ли и ты подобным образом?

Так, ты поступаешь подобно фарисеям, когда вместо того, чтобы смиренно осуждать себя за грехи делом, словом, желаниями и помышлениями, самодовольно вместе с фарисеем на самой исповеди говоришь: я не вор, не пьяница, не убийца, не прелюбодей, посты соблюдаю, на Церковь Божию жертвую, – но при этом забываешь признаться во многих грехах, сделанных тобой, или лукаво оправдываешь их и скрываешь нечистые побуждения добрых, по-видимому, дел твоих.

Ты поступаешь подобно иудейским законникам, когда веру и закон Господень знаешь не хуже, даже лучше их, но не заботишься о сообразовании с ними твоей жизни, и в том или совсем не каешься, или все твое покаяние состоит в одном перечислении грехов, без искреннего жаления об оскорблении ими Господа и без ревности об исправлении себя, о принесении плодов покаяния.

Ты поступаешь подобно саддукеям, когда думаешь только, как бы пожить в свое удовольствие, и не любишь, чтобы тебя тревожили напоминаниями о смерти и о приготовлении к ней подвигами покаяния. Не фарисеям, законникам и саддукеям подражай, а смиренным мытарям, искренно каявшимся в своих грехах пред Иоанном Предтечею и Самим Господом Иисусом.

* * *

Горлица пустыннолюбная, глас вопиющего, Христов светильник, возгласи проповедуя покаяние, а Ирод беззаконнова с Иродиадою. Зри, душе моя, да не увязнешь в беззаконная сети [п](в сети беззаконных), но облобызай [п] (возлюби) покаяние.

Жалко было в нравственно-религиозном отношении состояние людей до пришествия Христова. Это было состояние, о котором напоминает время зимы, бесплодная и дикая

пустыня, и время ночи. Была зима в роде человеческого. Духовная жизнь скована была, словно льдом, корой чувственности. В одном избранном народе, как бы в теплице, хранилось истинное Богопочтение. Он один имел счастье находиться под особенным попечением и покровительством Господа. Но вот родился Христос, обновитель людей, и показались признаки духовной весны, духовного оживления, – запела пустынная горлица, Иоанн Предтеча. Горлица – дикий пустынный голубь. В Книге Песнь Песней (Песн. 2, 12) он изображается как вестник весны. Что же за пел пустыннолюбивый Предтеча? Песнь покаяния. «Возгласи проповедуя покаяние».

Печально зрелище дикой, безлюдной и бесплодной пустыни. Дико, бесплодно, духовно-мертвенно было состояние человечества до Христа, в удалении от Бога, от истинной духовной жизни, – самолюбие и миролюбие заправляли всем на свете. И вот наступило время духовного оживления для людей. Пустынные побережья Мертвого моря и Иордана, напоминавшие жалкое в духовном отношении состояние людей, огласились проповедью о духовном Животворителе. Раздался в пустыне голос мужа, вопиющего: «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Ис. 40, 3; Мф. 3, 3). Это значило, что пришел на землю обетованный Спаситель, и земля должна приготовиться к принятию Его, как приготовляются подданные к принятию царя. Если царю лежит путь через места пустынные, покрытые крутыми горами, непроходимыми дебрями, болотами, оврагами, то к окрестным жителям посылаются вестовой с объявлением, чтобы они благоустроили дорогу для царского поезда, срыли крутизны, засыпали болотные топи, навели мосты через овраги и реки, сгладили всякие неровности, расчистили дебри и т.п. Имея в виду эти условия приготовления к встрече земных царей, и святой Иоанн Предтеча, передовой вестник пришествия Христа царя, требовал от людей, чтобы они в душах своих благоустроили Ему путь к ним. Путь Его к людям преграждается, если сердца их покрыты непроходимыми дебрями мирских забот и попечений так, что сквозь них не видать света небесного, – если душа погружена в болото

чувственности до подавления в ней приемлемости к радостям духовным, если она растерзана порочными склонностями и страстями, из глубины которых, словно из пропастей пустынных, трудно высвободиться, если она загромождена горами гордости и превозношения. Желающие принять Христа должны позаботиться об очищении пути Его к ним от этих преград. Этого именно требовал глас вопиющего в пустыне, глас Иоанна Предтечи.

О духовном состоянии людей до Христа напоминает, наконец, время ночи. Повсюду господствовала тьма заблуждений и суеверий. В самом избранном народе свет откровения боролся с мраком предрассудков, мечтательных мнений о царстве Мессии, лживых толкований закона, несогласных с ним преданий старцев. Христос явился светом для просвещения истиной не только язычников, но и Иудеев. Явлению Его предшествовал «светильник» в лице Иоанна Предтечи. Своей проповедью о покаянии и о Христе он просвещал неведущих и заблуждающихся и тем приготавливал их к сретению Христа.

Голос пустыннолюбивой горлицы, оглашавшей своим пением берега Иордана и привлекавшей толпы народа, достигал и до сильных земли; свет светильника, как назвал Своего предтечу Сам Христос (см. [Ин. 5, 35](#)), проникал и во дворцы. В числе знавших и слышавших Иоанна был галилейский царь Ирод Антипа, по природе не злой человек, но слабохарактерный, легкомысленный, сластолюбивый и позоривший себя незаконным сожитием с Иродиадой, убежавшей к нему от живого мужа, его сводного брата Филиппа.

Ирод уважал Иоанна, как мужа праведного и святого, «многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его» ([Мк. 6, 20](#)).

Но тщетно Иоанн обличал его за незаконное сожитие, тщетно говорил ему: «Не должно тебе иметь жену брата твоего» ([Мк. 6, 18](#)). Ирод продолжал беззаконничать с Иродиадой и по ее наущению умертвил обличителя.

Вот до чего может доводить жизнь в обществе с беззаконными людьми! Не свяжись Ирод с Иродиадой, он не

оставил бы по себе памяти злодея. Предостережение для нас! «Зри, душе моя, да не увязнешь в незаконные сети, но возлюби покаяние».

Грешник часто поступает не лучше неразумной птицы. Птица попадает в сеть, расставленную птицеловом, привлеченная кормом, положенным на нее. Сети она не видит, а корм бросается ей в глаза; она не догадывается, что это приманка, устремляется на нее и делается жертвой своей недогадливости. Подобно птице поступает часто человек. Попадает он, например, случайно в круг развратных и нечестивых людей, таких, которые находят какое-то дьявольское удовольствие в том, чтобы развращать ближних, посвящать их в мерзости порока или, как они выражаются, просвещать неопытных. И неопытный легко уловляется в их сети: в их обществе так весело, так незаметно проходит время в разговорах с ними, так обаятельны и разнообразны обычные у них развлечения. С неразумием птицы бросается он на эти приманки, – или совсем не рассуждая о последствиях, наипаче об угрожающей ему вечной гибели, или легкомысленно рассуждая, что успеет остановить себя и вовремя покаяться, – он только с той целью желает собственным опытом изведать зло, чтобы потом возыметь к нему отвращение и оценить, по сравнению с ним, всю сладость добра. Время между тем идет, а он все больше и больше втягивается в порок, больше и больше запутывается в сетях его. Не следовало бы делать первого неосторожного шага, – но все же есть возможность обратного движения. И птица иногда успевает вырваться из сетей, разорвать их когтями и клювом. Тем более человеку возможно вырваться из сетей зла. Как бы ни далеко ушел он по пути гибели, – куда он жив, его спасение не безнадежно. Силой рассуждения об опасности своего положения, силой воли, при помощи благодати Божией, он может высвободиться из сетей, в которых увяз.

Для сего пусть возлюбит он покаяние и поспешит отстать от пагубных для него знакомств, хотя бы это было так же тяжело и болезненно, как если бы рубили ему руки и ноги, вырывали глаза. Лучше лишиться руки, ноги и глаза, то есть общества

дорогих, но вредных для нас лиц, чем попасть в геенну огненную. Пусть он променяет это общество на общение с людьми, по-христиански мыслящими и живущими; пусть не пренебрегает их обличениями и вразумлениями, как пренебрег обличениями Иоанна Крестителя Ирод с Иродиадой, пусть подражает мытарям и грешникам, которые смиренно выслушивали резкие обличения Предтечи, когда приходивших к нему называл «порождениями ехидны» (см. Лк. 3, 7), то есть дьявола, образом которого служит змея со времени падения наших прародителей, увлеченных в обман змием – дьяволом. Обличения, исходящие от людей доброжелательных, правдивые, но суровые и жестокие (см. Пс. 14, 5), драгоценнее речей льстивых. И если бы обличитель-доброжелатель потребовал от тебя того же, чего требовал Иоанн, когда вопиял приходившим к нему: «приготовьте путь Господу, сделайте прямыми стези Ему», а для сего надлежало бы употребить напряженные усилия, подобные тем, с какими очищается дорога для царского пути по непроходимой пустыне, – должно беспрекословно покориться этому требованию.

Грехи отлучают нас от Христа, а вне общения с Ним нельзя спастись. Стало быть, желающий спастись не должен жалеть усилий для очищения себя от скверн греховных, для искоренения пристрастия к чувственным удовольствиям, к тленным благам и гордости, и для утверждения в себе благочестия и добродетели. В этом и состоит тот подвиг покаяния, которого требовал Предтеча от приходивших к нему в пустыню.

Глава 51 Испытание в пустыне от дьявола

Постився Господь дней сорок [и] [в пустыне], последи в злупство, показуя человеческое [и] (естество): душе, да не разленишия, аще тебе приложится враг, молитвою же и постом от ног твоих да отразится.

Сорокадневный пост Христа Спасителя в пустыне перед вступлением Его в общественное служение послужил примером и основанием для церковного поста Четыредесятницы. Христос постился, готовясь к предстоявшим Ему подвигам для спасения людей. Мы постимся для укрепления наших сил к подвигам христианской жизни для нашего спасения. Пост помогает этим подвигам, потому что и сам по себе есть подвиг самообладания, и ослабляет давление на дух со стороны чувственности. Христос постился все сорок дней, не вкушая пищи, и встал, почувствовал крайнюю нужду в ней уже в последний день. От нас никто не требует, чтобы мы в этом отношении буквально следовали примеру Христову. Наше пощение должно состоять, при духовных упражнениях, собственно в воздержании от мясной и рыбной пищи, в употреблении одних растительных снедей, не ежедневном и самом умеренном. Но такое пощение мы должны соблюдать, по примеру Христову, во все продолжение Четыредесятницы, не ограничиваясь одной неделей, избранной для говения, для нарочитого приготовления к исповеди и Святому Причастию.

Строго поститься в неделю говения и уклоняться от пощения в предшествующие и последующие за ней недели Великого поста значит идти против церковного устава и притом не без вреда для успехов в духовной жизни. Наши говения оттого бывают бесплодны в нравственном отношении, что кратковременны. Поговел человек одну неделю, и радуется, что отговел, и спешит возвратиться к прежним греховным привычкам. Он походит на больного, который, едва начиная поправляться, спешит выйти на воздух, бросает предписанные врачом ограничения в образе жизни и принимается за обычные занятия, не дождавшись назначенного врачом срока. Болезнь

возвращается и делается гораздо острее и труднее для излечения.

Как в физической, так и в духовной жизни потребна известная выдержка, – необходимое условие для укрепления сил. Силы души, не укрепленные продолжительным говением, не выдерживают напора искушений и соблазнов, и говение оказывается бесплодным именно потому, что бывает слишком кратковременно; а это происходит от лени, недостатка ревности к исполнению церковного устава. Бойся, душа, этой лени. Ею пользуется исконный враг наш диавол к нашей гибели. Он даже подбивает к ней тайным для нас образом, внушая нам, что наше нравственное состояние и без подвигов поста удовлетворительно, что пост вреден для здоровья, что вообще строгие подвиги благочестия, к числу которых относится продолжительный пост, свойственны одним монахам и с жизнью мирской несовместимы и т.п. Не слушайся этих вражеских внушений, отвечай на них крепкой решимостью соблюдать предписания Церкви относительно поста и с постом соединяй молитву. Молитва легко совершается, когда тело не обременено пищей, все равно как челнок легче плывет, когда не обременен поклажей. Помни, что диавол победил нас в Раю невоздержанием. Этим же оружием он доселе пользуется для нашего погубления. Воздержанием с молитвой наносится диаволу поражение, и он со стыдом удаляется от воздержанных, как удалился от Христа в пустыне после напрасных усилий склонить Его на свою сторону.

* * *

Христос искушашеся, диавол искушаше, показуя камение, да хлебы будут, на гору возведе видети вся царствия мира во мгновении; убойся, душе, ловления, трезвися, молися на всякий час Богу.

Искушения от диавола, каким подвергся Христос в пустыне, имеют сходство с искушением, от которого пали наши прародители. Диавол знал, что они могут блаженствовать только в общении с Богом, во всем покорствуя Его святой воле. Диавол употребил все усилия, чтобы прервать их общение с Богом, удалить их от Него, убедить их, что они могут быть

счастливы без Бога, даже счастливее, и потому они напрасно стесняются заповедью Его не вкушать от древа познания добра и зла. В этом вкушении не зло для них, а благо, и очень жаль, что они не понимают своего блага. Вкуси они от запрещенного плода, перед ними тогда открылась бы обширная область ведения, так что, обладая таким ведением, они уже не имели бы нужды в руководстве Божиим, сами сделались бы богами, ни от кого не зависящими. Внушения диавола, обращенные к Еве, достигли цели. В ней заговорило честолюбие, желание равенства с Богом, а вместе с этим пробудилось сластолюбие. Древо, на которое она дотоле смотрела с благоговейным удивлением к совершенствам Творца, открывавшимся в красоте древа, показалось ей добрым в снедь. Что Бог грозил смертью за эту снедь, для Евы потеряло значение, – она обещала себе только великое чувственное наслаждение от вкушения запрещенной снеди. Сперва пала в грех Ева, за ней Адам, и вслед за ними их потомки. Христос пришел в мир для того, чтобы разрушить дела диавола, примирить людей с Богом, прогневанным ими, восстановить их союз с Ним.

Для сего надлежало победить диавола твердостью в борьбе против его искушений. Вся земная жизнь Христа, и особенно Крестная смерть показали в Нем победителя диавола. Искушение от диавола в пустыне было первым случаем для победы над диаволом. Диавол искушал Христа в пустыне, как и прародителей в Раю, невоздержанием и честолюбием. Когда Христос взалкал, сатана сказал Ему: «Аще Сын еси Божий, рцы, да камение сии хлеби будут». Искустителю хотелось указанием Иисусу Христу на легкий способ утоления голода заставить Его на первых шагах уклониться от того пути самоотвержения, на который Он вступил для спасения людей. Диаволу хотелось удалить Его с этого трудного пути на путь самоугодия, возбудить в Нем невоздержание, к которому так легко было склонить первых людей. Христос отразил нападение сатаны мечом слова Божия: Писано есть: «не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих» (см. Втор. 8, 3). Не успев победить Христа искушением невоздержания, сатана пытался возбудить в Нем тщеславие и честолюбие, предложив

Ему броситься с высоты кровли храма и на удивление миру остаться целым и невредимым. Потерпев поражение и с этой стороны, диавол возводит Иисуса Христа на высокую гору и показывает Ему в мгновение ока все царства мира, обещая дать Ему весь мир во власть, если только Он поклонится ему – диаволу. Это сильное искушение властолюбием Христос отразил словами: «Отойди от Меня, сатана, – писано: Господу Богу твоему поклонишься и Тому единственному послужиши» (см. Мф. 4:10; Втор. 6, 13).

Таким образом, восторжествовав над диавольскими искушениями, подобными тем, перед которыми не устояли первые люди, Христос загладил грехи непослушания их Богу.

Но от диавола все же не отнята свобода искушать людей, и это по премудрому попущению Божию, отчасти для наказания людей, отчасти для укрепления их духовных сил в борьбе с врагом. По сему попущению он доселе искушает их, всячески стараясь уловить их в свои сети. «Убойся, душе, его ловления, трезвися», будь бдительна. Он не только зол, но и лукав. Не только с яростью рыкающего льва, но и со змеиной хитростью, исподтишка, нападает на неосторожных и делает их своей добычей. Поэтому, когда возникают в тебе помыслы и желания сластолюбивые и властолюбивые, знай, что это бывает не без участия врага, что он или прямо возбуждает их в тебе, или, если они родились в тебе единственно по твоей воле, старается разжечь и усилить их, действуя в союзе с внутренним, домашним врагом твоего спасения, с самоугодием, свойственным растленной нашей природе. Его искушения разнообразны, но в сущности он повторяет те же козни, какие употребил, искушая первых людей. Пусть горький опыт их послужит тебе уроком осторожности или духовной бдительности при встрече с диавольскими искушениями. Но как ни будь бдителен и осторожен, знай, что без помощи Божией ты не можешь с успехом бороться с ними. Призывай эту помощь усердной молитвой. Молись на всякий час Отцу Небесному: не введи меня во искушение от лукавого врага моего, но избавь меня от этого лукавого искушения, то есть совсем не попусти меня впасть в оное или помощи выбраться из сетей его.

Глава 52 Чудеса Христовы

Мене ради Бог сый, вообразился еси в мя [n](принял мой образ), показал еси чудеса, исцелив прокаженных и расслабленного стягнув [n](расслабленных укреплял), кровоточивыя ток [n](течение крови) уставил еси, Спасе, прикосновением риз.

Расслабленного стягну Христос, одр взявша, и юношу умерша воздвиже, вдовиче рождение, и сотника отрока [n](исцелил), и самаряныне явися, в душе службу тебе, душе, предживописа [n](изобразил)

Кровоточивую исцели прикосновением края ризы Господь, прокаженных очисти, слепые и хромые просветив исправи, глухие же и немые и ничашия низу [n](согбенную) исцели словом, да ты спасешися, окаянная душе.

Низу снечащую [n](согбенной) подражай, о душе моя, прииди, припади к ногама Иисусовама, да тя исправит и да ходиши право стези Господни.

Недуги исцеляя, нищим благовествоваше Христос Слово, вредныя [n](увечных) уврачева, с мытари ядеше, со грешники беседоваше, Иаиры дщере душу предумершую [n](уже исшедшую) возврати осязанием руки.

Да не горшая, о душе моя, явишися отчаянием, хананей веру слышавшая, еяже дщи словом Божиим исцелися [n](не будь хуже хананеянки с отчаяния. Ты слышала, как за веру ее получила исцеление дочь ее словом Божиим). Сыне Давидов, спаси и мене, воззови из глубины сердца, якоже она Христу.

Хананее и аз подражая, помилуй мя, вопию, Сыну Давидову, касаюся края ризы Его, яко кровоточивая, плачу, яко Марфа и Мария над Лазарем.

Умилосердися, спаси мя, Сыне Давидов, помилуй, беснующияся словом исцелимый. Силоам да будут ми слезы моя, Владыко Господи, да умыю и аз зеницы сердца и вижду Тя умна Света превечна.

Брак убо честный [n](честен) и ложе нескверно, обоя бо Христос прежде благослови, плотию ядый и в Кане же на браце

воду в вино совершая, и показуя первое чудо, да ты изменишися, о душе.

Буря мя злых [п](зол) обдержит, благоутробне Господи: но яко Петру, и мне руку простри.

Яко спасл еси Петра возопивша, спаси, предварив мя [п] (поспеши спасти и меня), Спасе, от зверя мя избави, простер руку Твою, и возведи из глубины греховныя

«Мене ради, Бог сый, вообразился еси в мя, показал еси чудеса». Принявший на Себя образ человеческий, Един из лиц Святой Троицы, Единосущий Отцу и Духу, Сын Божий, во дни земной жизни Своей сотворил множество чудес, проявлявших власть Его над болезнями, над бесами, над смертью, над стихиями. Он чудесным образом исцелял увечных, прокаженных, слепых, хромых, расслабленных, бесноватых, воскрешал мертвых, укрощал бури, претворил воду в вино.

Чудеса Иисуса Христа прежде всего свидетельствовали о Его Божественном посольстве в мире. Сам Он говорил о них: «Я же имею свидетельство больше Иоаннова: ибо дела, которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня» (Ин. 5, 36).

Вместе с тем в чудесах Христовых замечательно то, что они носят человеколюбивый и символический характер. Ни одного чуда Христос не совершил с единственной целью прославить себя. Еще во время искушения в пустыне Он отрекся обратить камень в хлеб и броситься с высокой кровли храма вниз без малейшего вреда для Своей жизни. Эти чудеса, которых требовал от Христа диавол, могли бы только послужить к личной славе Христовой, но не имели бы спасительного значения для людей. Во время общественного служения Своего Иисус Христос по той же причине не согласился на предложение фарисеев и книжников показать "знамение" с неба (см. Мф. 12, 38; Лк. 11, 16), например, произвести гром и молнию в ясную погоду. Такое знамение, может быть, увеличило бы славу Христа; но Он избегал славы человеческой и Свое Божеское всемогущество никогда не употреблял для прославления только Себя. Все дела Его всемогущества были

вместе делами человеколюбия и благодати. По человеколюбию и благодати Он отказал тоже в позволении двоим ученикам Своим ревновать о Его славе, низвести огонь с неба на самарян в наказание за то, что они не приняли Его (см. [Лк. 9, 55](#)).

Чудо над смоковницей, иссохшею от проклятия Христова, внешне свидетельствует о бесцельной строгости Его, на самом же деле оно было символическим пророчеством об отвержении иудеев.

Чудеса Христа Спасителя, проявляя человеколюбие Его, относились ближайшим образом к телесным нуждам людским. Правда, Христос приходил с неба на землю не за тем собственно, чтобы освободить человека от внешних зол и нужд, а затем, чтобы, как Сам Он учил, спасти человека от греха, от власти диавола и от вечного осуждения. Но нет сомнения, что этой цели пришествия Христова соответствовали чудеса Его, состоявшие в оказании людям телесной помощи.

Так чудесно исцеляя телесные недуги, которые явились в мире вследствие греха, Христос давал понять, что Он есть врач и духовных недугов, что имеет власть разрешать от грехов, как Сам Он ясно засвидетельствовал, когда перед исцелением одного расслабленного сказал «ему: Дерзай, чадо, прощаются тебе грехи твои», и вслед за тем, чтобы все видели, что Он имеет власть прощать грехи, изрек вслух: «Встань, возьми одр свой и иди в дом твой» ([Мф. 9, 2–6](#)).

Исцеляя бесноватых, Господь Иисус тем засвидетельствовал, что пришел затем, чтобы разрушать дела диавола, разорить царство его. Воскрешением мертвых удостоверил, что Он есть воскрешение и живот, победитель смерти, пришедшей в мир с грехом, так что верующий в Него умирает уже не с безотрадным чувством утраты жизни, но с надеждой блаженного бессмертия по самому телу, имеющему воскреснуть. Помогая людям в их физических нуждах и опасностях, Господь Иисус наводил их на мысль о нуждах духовных и располагал их к исканию Его всецельной помощи в их нуждах. Так, чудесно насытив пять тысяч народа, Он говорил: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын

Человеческий... Я есть хлеб жизни: приходящий ко Мне не будет алкать... никогда» (Ин. 6, 27, 35). Он недоволен был тем, что народ искал Его после помянутого чуда, и со скорбью говорил ему: «Вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились» (Ин. 6, 26). Таким образом, чудо насыщения пятью хлебами не лишено было символического значения, – оно возводило мысли чувственного народа от чувственных потребностей к духовным, удовлетворение которых было главной целью пришествия Христа на землю.

Это же символическое значение, должно думать, имели и другие чудеса. Так, исцелив слепорожденного, Он Сам изъяснил значение этого чуда: «На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие (то есть смиренно сознающие в себе недостаток духовного просвещения истиной) видели (духовно просветились), а видящие (гордившиеся своим видением) стали слепы» (Ин. 9, 39), то есть не узрели Божественной истины: она легко открывается младенцам, доступна младенческой вере, и сокрывается от мудрых и разумных. Эти соображения о значении чудес Христовых необходимо иметь в виду при размышлении о тех стихах Великого канона, в которых делается указание на них.

Глава 53 Брак в Кане Галилейской

В первые дни общественного Своего служения Господь Иисус приглашен был на брачное торжество в небольшом галилейском городе Кане, недалеко от Назарета. Приглашение принято. Господу угодно было присутствием Своим на брачном торжестве освятить и благословить супружеский союз, засвидетельствовать, что брак сам по себе честен, достоин почтения, и брачное ложе нескверно (см. Евр. 13, 14), и тем заранее заградить уста имеющим явиться в среде христианства лжеучителям, запрещающим вступать в брак по гнушению (см. 1Тим. 4, 3). Благословенно безбрачие, когда люди, могущие вместить безбрачную жизнь, добровольно принимают обет девства для большей свободы в служении Богу, для вящего преуспевания в духовных подвигах. Сам Господь Иисус освятил этот род жизни Своим примером, но не в предосуждение брачной жизни, – иначе Он не удостоил бы Своим посещением брака в Галилейской Кане. Как первым делом Творца по сотворении человека было благословение ему плодиться и размножаться, так одним из первых дел Обновителя человечества было благословение брачного сожития и чадородия, с тем чтобы члены семьи были вместе членами Его Церкви, чтобы дети естественных родителей были вместе чадами Божиими по благодати.

Но чем святее Господне благословение брачной жизни, тем преступнее жизнь распутная, с презрением к этому благословию. Люди могут снисходительно смотреть на нее, но не таков Суд Божий. «Блудников же и прелюбодеев судит Бог» (Евр. 13, 4), тем строже, чем бесстрашнее они грешат. Бойся, душа, этого суда и сим страхом воздерживай себя даже от мыслей нецеломудренных.

Свое отношение к брачному празднику в Кане Христос выразил не одним Своим присутствием на нем, но и тем, что разделил с прочими гостями трапезу («плотию ядый»), а силой Своего всемогущества претворил для их угощения воду в вино, веселящее сердце человека.

Таков вообще дух Евангелия: оно восстает против пристрастия к земным удовольствиям, доходящего до забвения Бога, против жизни рассеянной и грубо-чувственной, но отнюдь не против невинных тихих земных радостей, – не против веселья, подобного тому, какое было на браке в Кане. Что присутствующие на этом браке веселились скромно и невинно, это несомненно. Они не могли забываться в присутствии Христа: присутствие Его среди них удерживало их от неумеренности в пище и питии, от нескромных слов и движений. Само обилие вина, чудесно произведенного из воды, могло располагать их только к благоговейному душевному настроению пред лицом Чудотворца. Подобно этому и наши земные радости будут чисты и невинны, если мы будем освящать их памятью о Христе, если среди них будем мысленно поставлять себя в Его присутствие и этим удерживать себя от греховной рассеянности.

Чудом претворения воды в вино "Иисус, по слову святого Иоанна, положил начало чудесам... и явил славу Свою» (как славу Божественного посланника), и уверовали в Него, то есть утвердились в вере, ученики Его (см. Ин. 2, 11). Но, как и другие чудеса, это первое чудо имело символическое значение. Вода претворена в вино, «да ты изменишися, душе», – так сказано об этом чуде в Великом каноне. Иисус Христос в этом чуде наглядно выразил ту истину, что Он пришел обновить человека, возродить нас к жизни человека нового, совершенно отличной от жизни человека ветхого, получаемой нами путем естественного рождения с наследственной греховной порчей, переходящей от Адама на все его потомство. Человек ветхий и человек новый по природе ничем не отличаются: у того и у другого одинаковое физическое устройство, те же внешние чувства, та же душа, одаренная разумом, свободной волей и способностью к чувствованию приятного и неприятного, к любви и ненависти. Но в свойствах и действиях того и другого человека открывается поразительное различие. Человек ветхий живет только для земли и для себя. Человек новый, живя на земле, воздыхает о небе, помышляет о предметах духовных; радость общения с Богом в святом слове Его, в молитве, в Таинствах предпочитает всему на свете; волю свою старается

привести в согласие с волей Божией и в своих поступках руководствуется не самолюбием, а ревностью о славе Божией и любовью к ближним. Вот к этой-то жизни нового человека призвал нас, это-то всестороннее изменение в нашей духовной жизни по всем сторонам ее пришел произвести в нас Господь Иисус; а для сего потребно совершить над нами чудо благодати Божией, подобное чуду претворения воды в вино.

Обновление человека совершается благодатью Таинства Крещения, в котором погребаются ветхий человек и рождается новый. О крещеных, сравнивая их с тем, чем они были до Крещения, Апостол говорит: вы «омылись, освятились, оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего» (1Кор. 6, 11). Такое духовное обновление явственно испытывают крещеные в зрелом возрасте. Но полученную в Крещении новую жизнь надобно поддерживать, как поддерживается и охраняется жизнь растения и ребенка. Без ухода за возрожденным человеком жизнь его чахнет, и надобно снова начинать обновление ее через покаяние. Душа, сознающая утрату в себе благодатной жизни, дарованной тебе в Крещении, благодари Господа, дарующего в покаянии средство возвратить утраченную жизнь, и непременно воспользуйся этой милостью Его, готовой излиться на тебя, «да ты изменишися». Ею можно воспользоваться только в настоящей жизни, в жизни загробной будет поздно.

Глава 54 Утопающий Петр

На северном берегу Геннисаретского моря, в окрестностях Вифсаиды – Юлиады, Господь Иисус совершил чудо насыщения пяти тысяч народа пятью ячменными хлебами и двумя малыми рыбами. Чудо, напоминавшее собой манну небесную, привело в восторг чувственный народ. Произошло сильное движение, решили взять Иисуса и провозгласить Его царем. Ученики, еще многого не разумевающие, сочувствовали народу. Иисус велел им сесть в лодку и плыть к западным берегам моря, а Сам скрылся от народа и уединился на ближнюю гору, где и провел несколько часов в молитве. Между тем на море поднялась буря. Плаватели бедствовали всю ночь в борьбе со встречным ветром. Лодку сильно било волнами. Иисус видел это, но медлил их успокоить, испытывая их веру. Уже около четвертой ночной стражи, когда начинало рассветать, Он вознамерился подать им помощь. Ученики были среди моря, верстах в четырех или пяти от оставленного ими берега, и вдруг увидели кого-то идущего по водам и приближающегося к ним. Это был Иисус; но они подумали, что увидели призрак, и от страха закричали. Иисус сказал им: «Не бойтесь, это Я». Страх уступил место радости. Теперь никто из учеников не сомневался в спасении. Но Петр простерся далее. Он сказал: «Господи, если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде». «Иди», – был ответ. Петр вышел из лодки и твердой ногой пошел по воде, как по сухой земле. Но веры Петровой достало только на несколько шагов. Видя сильный ветер, Петр испугался, стал утопать и испустил крик не отчаяния, но остающейся в нем веры: «Господи, спаси меня». Иисус тотчас протянул руку, поддержал его и сказал: «Маловерный, зачем ты усомнился?» Сими словами было показано, что не ветер, не волны были причиной бедствия Петра, а нетвердость веры. Посему, говорит святой Златоуст, Господь, поддержав Петра, не остановил дуновения ветра, в доказательство, что ветер не страшен, когда крепка вера. – Оба вошли в лодку, и совершилось новое чудо: буря утихла. Ученики, исполненные благодарности и благоговения,

пали к ногам своего Учителя и воскликнули: «воистину Ты Сын Божий», – то есть Мессия, Единородный Сын Божий.

Положение учеников Христовых, застигнутых в море бурей, есть образ положения христиан. Что такое жизнь наша в этом мире, как не плавание по морю? По морю люди плавают, чтобы достигнуть пристани и отечества. Так и жизнь наша в мире – этом житейском море – не есть жизнь вечная, а временная. Она не сама по себе цель, а дана нам для приготовления к вечности; она есть переход или странствование к Небесному Отечеству, в котором уготовано тихое пристанище нам после трудов плавания в житейском море.

Плавание в море не всегда безопасно: в разъяренных волнах его нередко гибнут корабли и люди. Равно и житейское море волнуется бурей бед и напастей внешних, также бурей сомнений и страстей (см. Иак. 1, 6). Тяжело положение людей под напором этих бурь. Люди нечестивые и неверующие гибнут от них для жизни духовной и вечной, впадая в отчаяние и озлобление.

Эта же опасность грозит людям верующим и благочестивым, если не призовут на помощь Господа, если не обратятся к Нему с мольбой спасти их от бед и напастей, не оставить их своей благодатью в борьбе с сомнениями или колебаниями, возникающими в душе при размышлении о судьбах Божиих, об учении веры и нравственности. Но и Господь не всегда скоро внемлет этим мольбам, без сомнения, по премудрым и благим Своим намерениям относительно нас.

Ему угодно в таком случае испытать наше терпение и преданность Ему, дать нам возможность засвидетельствовать искренность любви и преданности Ему, не ослабевающей от бед и напастей, научить нас смирению, убедить нас в нашей беспомощности без Его всемогущей помощи, в нашей зависимости от Него и крайней нужде в Его милосердии.

Ему также угодно, чтобы мы не предавались беспечности в нашем спасении, весьма возможной в случае, если б наши желания, предъявляемые в молитве, беспрекословно исполнялись. Ему угодно, чтобы мы тем дороже ценили Его милости к нам, чем труднее их дожидаться и заслужить. Он во

всех этих случаях поступает с нами, как поступил с апостолами, бедствовавшими в море. Сам Он в то время находился вдали от них, на горе, видел их бедствие, знал, что они ждут от Него помощи, но подал ее уже тогда, когда они совсем выбились из сил, промучившись всю ночь в борьбе с встречным ветром. Долго Он томил их ожиданием, но наконец обрадовал их Своим явлением. «Иисус Христос вчера, и днесь тойже, и во веки» (Евр. 13, 8).

Мы не видим Его телесными очами, Он вознесся плотью с земли на небо, оставив верующих в Него плавать в житейском море без видимого Его присутствия. Но Он не прервал с ними Своего общения. Отходя от земли, Он сказал им: «Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века». В силу этого обетования, Он призывает на них с высоты святой Своей, как Он наблюдал с горы за бедствующими в море учениками, и всегда готов подать Свою благодатную помощь обуреваемым житейскими волнами, лишь бы только они Его не забывали и с надеждой обращались к Нему.

Итак, когда обуревают тебя беды и напасти, когда прибываются к тебе, как волны к лодке, искушения, когда волнуют твой ум сомнения, не падай духом, возведи очи твои к живущему на небесах Христу Богу и с надеждой на Него крепко борись с бурей, как и апостолы Христовы не сидели сложа руки в лодке, разбиваемой волнами, но ожидая помощи от Него, сами выбивались из сил, чтобы не погрязнуть в них. Не смущайся тем, что не вдруг приходит тебе помощь. Она так же верна, как верно Его обетование. Сквозь шум житейских волн старайся расслышать голос Его, обнадеживающий тебя участием к твоему положению, как бедствовавшие в лодке апостолы расслышали Его же голос: «Не бойтесь, это Я». Буря продолжала свирепствовать, но знакомый голос ободрил их, – они возрадовались, а Петр, с позволения Христа, даже пошел к Нему навстречу по волнам, поддерживаемый на их поверхности живой верой.

Ободришься и ты, вспомнив глас Христов: «Придите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы», – и с

дерзновением веры Петровой иди навстречу зовущему тебя Христу, в Его объятия, – в них тепло и безопасно.

Петр не устоял, однако, на ногах, – новый порыв ветра пошатнул его на зыбкой стихии, – он испугался, и горячая вера его уступила место маловерию, он стал утопать. Подобное может случиться и случается с каждым из нас. И праведник семь раз на дню падает, но встает (см. Притч. 24, 16). Поспешай и ты после каждого случая малодушия подниматься мыслью к Богу. Малодушие Петра не подавило в нем окончательно веры. В нем еще осталось веры и упования настолько, что он возопил: Господи, спаси меня, – и Господь простер ему спасающую руку. Подобно Петру, среди одолевающих тебя искушений и ты умоляй: «Буря зол окружает меня, милосердный Господи; но как Петру, и мне руку простри. Как ты спас Петра, воззавшего, поспеши спасти и меня, Спаситель, от зверя (то есть от дьявола, ищущего с зверской лютостью поглотить меня, волнуемого житейскими бурями, ввергнуть меня в отчаяние), простерши руку Свою, и изведи из глубины греха».

Бури греха и страстей многие не боятся, даже любят ее, как смельчаки любят опасности на море, рассуждая, что это буря сама собой утихнет под старость. Ложный расчет! Прежде чем доживешь до старости, пожалуй, погибнешь от этой бури; если же и доживешь, нельзя ручаться, что будешь иметь силы и желание сопротивляться ей: с возрастом застаревают нередко духовные недуги, – и тогда не до борьбы с бурями. Поспеши бросить обманчивую надежду на время, – оно не в твоих руках: не откладывай покаяние до старости ввиду опасности из глубины греховной попасть в глубину ада.

Глава 55 Исцеление прокаженных

«Прокаженные исцели». Господь Иисус исцелил многих прокаженных, как видно из того, что когда Иоанн Креститель послал к Нему учеников своих спросить Его: «Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого? Христос дал им ответ: Скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают,.. прокаженные очищаются» (Мф. 11, 5). Кроме того, в Евангелиях повествуется о двух отдельных случаях исцеления Христом прокаженных, так одного прокаженного, умоляющего Его о помощи: «Господи, если хочешь, можешь меня очистить, Он исцелил словами: Хочу, очистишься» – и прикосновением к нему (см. Мф. 8, 2–3; Мк. 1, 4; Лк. 5, 12). При входе Иисуса в одно селение встретили Его десять прокаженных и, не дерзая по причине своей нечистоты и заразительности болезни приблизиться к Нему, издали возопили к Нему о помощи. Он послал их в Иерусалим к священникам. Дорогой они очистились от проказы, но из них только самарянин поспешил с дороги возвратиться к Иисусу и возблагодарить Его (см. Лк. 17, 12–19).

В чем состояла болезнь, известная под именем проказы, и какое сходство с ней греховного состояния, уже было говорено⁵.

Здесь прибавим немного. Проказа – такая болезнь, против которой бессильно искусство врачей. Никто из людей не мог очистить от проказы, – люди могли только определять признаки этой болезни и если она, в редких случаях, проходила сама собой, могли засвидетельствовать это. Похоже на проказу греховное состояние. Грехи – такая болезнь, исцелить которую никто из людей не может. Это может сделать одна Божественная благодать. Господь Иисус, приходящий в мир спасти грешника, есть единственный Врач душ, зараженных проказой греха. «Кровь... Его очищает нас от всякого греха» (1Ин. 1, 7). Он Своей кровью стяжал нам не только прощение грехов, но и освящающую нас благодать, так что возрожденные сею благодатью уже не грешат (см. 1Ин. 5, 18), имеют силу противоборствовать греху с таким успехом, что не только не дают ему обнаружиться во внешних греховных делах, но

достигают чистоты сердечной. К ним приражается грех, но не встречает в них сочувствия и если оскверняет их, то вскоре же омывается слезами покаяния.

Проказа, как известно, поражает не одну наружность тела, но внедряется в самую кровь и мозг костей. В этом отношении похожа на проказу сердечная нечистота, – она гнездится в глубине души, не оставляет здоровым ни одного сердечного движения, оскверняет самые, по-видимому, добрые дела наши. Благодать Христова измывает даже внутреннюю греховную скверну, создает сердце чистое. И очищенная таким образом душа входит в близкое общение с Богом и со святыми обитателями Горнего мира, подобно тому, как очистившийся от проказы допускаем был к святилищу, в котором принималась от него известная жертва, и к общению с людьми, от которого удаляла его проказа.

Вместе с очищением от проказы возвращалось страдавшему от нее то бодрое расположение духа, которого он лишен был во время продолжения ее. Равным образом и очищенному от проказы греховной возвращается радость спасения, чуждая непримиренным с Богом грешникам: «несть радоватися нечестивому».

Прокаженный – это заживо разлагающийся труп, ходячий мертвец; и однако ж прокаженные не скоро умирали, жизнь их была продолжительна, как у людей здоровых. Не образ ли это вечных адских мучений? Грешники, терпящие эти мучения, находятся в состоянии непрерывной смертной агонии, которая, однако, не прекращается и вечно терзает их. Понятно, как не мила прокаженным жизнь, как они тяготятся, скучают ею.

О, если бы и каждый грешник так же тяготился своими грехами, как прокаженные проказой, если бы так же пламенно желал очищения от греховных скверн, как оскверненные проказой желают избавиться от нее! Старайся, грешная душа, возбудить в себе это отвращение к твоей греховной проказе, это пламенное желание очиститься от нее, и в чувстве бесплодности собственных естественных усилий достигнуть желаемого успеха в этом деле смиренно обратись с мольбой к Врачу душ и телес: «Царю Превечный, Утешителю, Христе

истинный, очисти мя от всякия скверны, якоже очистил еси десять прокаженных» (Акафист Иисусу. Икос 10). Как Ты исцелил прикосновением руки прокаженного, воскликнувшего Тебе: Господи, если хочешь, можешь меня очистить, так и ко мне, прокаженному и грешному, прикоснись Твоей благодатью и исцели меня от греховного прокажения.

И как Христос не возгнушался прокаженного, которого все гнушались, даже не почел осквернением для себя прикоснуться, вопреки закону, к нечистому человеку, так Он не возгнушается и твоей нечистоты, убелит тебя паче снега и, уничтожив в тебе духовную мертвенность, избавит тебя от сетей вечной смерти.

Глава 56 Исцеление кровоточивой

Кровоточивья ток устави еси, Спасе, прикосновением риз. Господа Иисуса во время Его благовестовательных путешествий обыкновенно сопровождали толпы народа. Одни искали у Него исцеления, другие слушали Его учение. Однажды к сопровождавшему Его и теснившемуся около Него народу присоединилась женщина, страдавшая кровотечением 12 лет. Много потерпела она от многих врачей, истощила на лечение все свое имущество и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние. Слух об Иисусе, исцеляющем недуги, возбудил в ней надежду на исцеление. Она протесняется сквозь толпу, окружавшую Иисуса, и, не объявляя Ему своего желания, тайно прикасается к краю Его одежды в надежде, что как других прикасающихся к Нему исцелила исходившая из тела Его сила, так и она исцелится. Надежда ее оправдалась. Но напрасно она надеялась удалиться незамеченной Иисусом. Иисус знал, кто получил исцеление от прикосновения к Его одежде, и не хотел оставить исцеленную в заблуждении, будто можно укрыться от Его всеведения. Он спросил: «Кто прикоснулся ко Мне, ибо Я чувствую силу, исшедшую из Меня?» Исцеленная, уверившись, что не может укрыться от Него, падает к ногам Его и объявляет всю истину. Без сомнения, ей тяжело было признаться, что у нее была болезнь, делавшая ее по закону нечистой и возбранявшая ей входить в соприкосновение с людьми, чтобы не осквернить их. Она поступила вопреки сему закону. Но Иисус снисходительно отнесся к ее смущению, естественному в таком положении. Он успокаивает ее, одобряет веру ее, говорит: «Дерзай, дщи, вера твоя спасе тя, иди с миром».

Почудимся беспримерному снисхождению к нам Господа. Неприкосновенный существом прикосновенен для всех бывает. Не одна кровоточивая дерзнула прикоснуться к Нему, «весь народ искал прикасаться к Нему» (Лк. 6, 19). К Нему имели доступ все желавшие слушать Его искренно, для пользы душевной, и даже злонамеренно, с целью уловить Его в слове. К Нему приступали все нуждавшиеся в Его помощи в душевных

и телесных недугах. Он не отвергал ни одного грешника, как бы ни были тяжки его грехи. Между увечными и больными, приступавшими к Нему, были такие, от которых многие из нас по безгливости сами убежали бы. Но Христос никого не гнал, никем не гнушался. Его все окружали и "теснили" (Лк. 8, 45). К Нему смело приближались обезображенные болезнями, покрытые ранами, грязные и зловонные. К Нему насильно влекут беснуемых и бросают у ног. И Он все терпит, всех допускает. Но как тогда, так и теперь Он всем доступен. Правда, Он с телом вознесся на Небеса, но для того, чтобы исполнить Собою, Своим благодатным присутствием, «всяческая» (Еф. 4, 10), ибо для всех открыт доступ к Нему, тогда как во время Его земной жизни благодатная сила Его простиралась на одну страну. Пользуйся этой доступностью ко всем Христа Бога, грешная душа, как воспользовалась ею кровоточивая жена. Ее привлекло ко Христу сознание нужды в Его помощи, ей неоткуда было ожидать этой помощи.

Сознай и ты, грешник, твою беспомощность, твое бессилие одними собственными трудами вступить на путь богоугождения, исцелиться от духовных недугов, и ищи врачевства против них у Того, Кто «взял на Себя наши немощи и понес наши болезни» (см. Мф. 8, 17; Ис. 53, 4). Нет такого застарелого недуга, которого Он не исцелил бы с той же легкостью, с какой Он исцелил несчастную, 12 лет страдавшую от кровотечения. Он не возгнушался ее нечистоты, не удержал ее от прикосновения к Нему, святейшему и чистейшему. Он не возгнушается и тобой, если ты духовно прикоснешься к Нему с той же верой в Него, в Его благодатную силу, какой она одушевлена была. Его благодатная сила привлекается молитвой, чтением и слушанием Слова Божия, участием в Таинствах, – но только при условии веры. Итак, с верой обращай к Нему в молитве домашней и церковной, с верой внимай Слову Божию, с верой принимай благодать Таинств, – все это живые проводники благодати Божией. Кто прикоснется к ним с верой, тот ощущает прикосновение к себе благодати – просвещающей, врачующей, освящающей, умиротворяющей. Но прикосновение к Нему без веры есть мертвое, бесплодное приражение, подобное тому, от

которого не получали ни малейшей духовной пользы люди, теснившиеся вокруг Иисуса без веры в Него, без желания получить от Него духовное просвещение и очищение. Для веры проводником благодати Христовой служат также святые мощи, святые иконы, святая вода: кто прикасается к ним с верой, тот прикасается к краю одежды Христовой^б и сим прикосновением освящается. Не только от духовных, но и от телесных иногда недугов исцеляет прикосновение верующего к той или другой святыне, как это доказывают многие примеры. Итак, не ослабевай в вере и с дерзновением веры ищи прикасаться ко Христу через те посредства, в которых сокрыта Его благодать, – и ты сподобишься ее. Вера есть сосуд, в который она изливается.

Глава 57 Исцеление скорченной

В одной из синагог, уча в субботу, Христос увидел женщину, которая по действию духа злобы была скорчена, не могла разогнуться и стоять прямо. Господь попустил злomu духу наслатъ на нее эту болезнь подобно тому, как попустил ему поступить с Иовом (см. Иов. 1:12, 6, 7). Она находилась в таком состоянии восемнадцать лет. Господь Иисус подзвал ее к Себе и исцелил ее словами: «Ты освобождаешься от недуга своего, – с возложением на нее рук. Она тотчас выпрямилась и стала славить Бога» (см. Лк. 13, 10–13).

Плачевно положение скорченного человека, лишенного возможности прямо стоять и ходить, и кверху смотреть. Словно это не человек, а четвероногое животное. Не менее жалко состояние души, грехами доведенной до скотоподобия. Скот знает одни физические потребности: есть, пить, спать, двигаться, плодиться. Есть и люди, которые забывают, что они – люди, и живут по-скотски, благо жизни видят в удовлетворении одних чувственных потребностей, – в еде или питии, во сне, так же светских развлечениях, не всегда невинных. Можно сказать, что скотоподобные люди даже хуже скотов? Эти знают меру и время, а те – нет. Скот сыт и больше не ест, по утолении жажды не пьет. Но люди пьют и едят и по удовлетворении чувства голода и жажды собственно для услаждения гортани. Скоты в известное время удовлетворяют потребность плодиться. Люди скотоподобные не ограничивают себя в этом отношении никаким временем.

Бедная душа, доведшая себя до подобного состояния или по слабости воли, или, быть может, по убеждению, что по самой природе человек почти не отличается от прочих животных, и поэтому интересы человека не должны простирается дальше земных удобств и наслаждений, пойми твое унижение, пойми, что плотоугодники, забывающие о Боге, суть игральщице той же злой силы, которая 18 годов держала в своих оковах скорченную женщину, лишив ее возможности поднимать взоры к Нему; не дай этой злой силе надругаться над тобой, поспеши

вырваться из ее оков, вспомни, что ты создана не для земли, а для Неба, ибо украшена образом и подобием Божиим и по самой природе сродна с Творцом; принеси Ему раскаяние в том, что с высоты богоподобия ты ниспала до скотоподобия, и «припади к ногам Иисуса с мольбою, дабы Он исправил тебя и ты могла ходить прямо по стезям Господним», прославлять Бога, как славил Его исцеленная от корчи жена.

Глава 58 Исцеление глухих и немых

Пророк Исаия предрекал о временах Мессии, что «тогда откроются глаза слепых и уши глухих отверзутся, тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь» (см. Ис. 35, 5–6). Без сомнения, это пророчество должно понимать в духовном смысле, в смысле животворного действия благодати Божией на души, в смысле благодатного обновления их для духовной жизни и деятельности. Но это пророчество исполнилось и в собственном смысле во дни Христовы. Так Христос чудесно исцелял всякого рода болезни и увечья, и зрители этих чудес «чрезвычайно дивились и говорили о Христе: все хорошо делает: и глухих делает слышащими, и немых – говорящими» (Мк. 7, 37). Тех и других, равно как и всяких недужных, Он исцелял или только словом, или прикосновением, либо тем и другим вместе. Так однажды «привели к Нему глухого и косноязычного и просили Его возложить на него руку. Иисус, отведши его в сторону от народа, вложил персты Свои в уши его и, плюнув, коснулся языка его; и, возрев на небо, вздохнул (вздохом жалости о человеческой бедности) и сказал ему: «еффафа», то есть: отверзись. И тотчас отверзся у него слух, и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто» (Мк. 7, 32–35).

Глухота, особенно в соединении с немотой, есть великое бедствие, ибо лишает глухих тех благ и удовольствий, какие доступны нам через чувство слуха, она лишает их возможности слышать речи умных и добрых людей, внимать молитвам и песнопениям в богослужении, наслаждаться пением и музыкой; а от природы глухонемые с величайшим трудом усваивают грамотность, сообщаемую им придуманными для них способами обучения. Но еще более жалко положение страждущих от духовной глухоты и немоты. Духовно глухонемые – это те, которые не внимают голосу благодати Божией, зовущей их ко спасению через совесть, через благополучные обстоятельства жизни, располагающие к благодарности Богу, и злополучные, напоминающие о гневе и любви Божией, через общественные

бедствия, и те, которые по гордости или ожесточению не принимают вразумлений и обличений со стороны благожелательных людей, негодуют на обличителей, – еще те, которые не трогаются воплями нуждающихся, просящих у них помощи, стонами больных и умирающих, рыданиями плачущих, – слыша все это, не слышат и, как бы немые, не отзываются сочувствием. Пусть каждый спросит себя, не находится ли он в подобном состоянии, – состоянии более жалком, чем состояние физической глухоты и немоты. Последнее состояние есть только несчастье, которое не вменяется никому в вину, ибо не зависит от нашего произвола. Но за духовную глухоту и немоту никому не избежать ответственности перед Судом Божиим, ибо она есть плод произволения, следствие свободного противления воле Господа, зовущего ко спасению. Никто не может сказать, что он не слышал этого зова, этого напоминания о покаянии. Благодать Божия всех призывает к Нему вышеуказанными способами. И горе тем, которые заграждают свой слух от ее голоса! Им придется некогда услышать такой приговор от Сына Божия, нашего Икупителя и вместе Судии: «Понеже звах, и не послушаесте, и простирах словеса, и не внимасте, но отметасте Мои советы и Моим обличениям не внимасте: убо и аз вашей погибели посмеюся, порадуясь же, егда приидет вам пагуба» (Притч. 1, 24–26). Надобно быть врагом себе, чтобы идти навстречу этой погибели. А избежать ее можно не иначе, как посредством принуждения себя к покаянию. Первым шагом на пути покаяния для духовно-глухого и немого должно быть сознание жалкого своего состояния и нужды в благодатной помощи, которая всегда готова ему. Как Господь Иисус исцелил глухого и косноязычного прикосновением своего перста к его ушам и языку, так Он же "перстом Духа Божия" (см.: [Лк. 11, 20](#); [Мф. 12, 28](#)) разрешит от духовной глухоты и немоты каждого, кто возопиет к Нему: отверзи, Господи, оглохнувшая уши души моя, и тогда от избытка сердца, благодарного к Тебе за духовное исцеление, возглаголят уста мои хвалу Тебе.

Глава 59 Исцеление слепых

По пророчеству (см. Ис. 35, 5) Христу надлежало «отверзть очи слепых». И Христос исцелял их во множестве (см. Мк. 11, 5; Лк. 7, 22). Кроме того, в Евангелии повествуется об отдельных случаях исцеления слепых. Так Он в Капернауме исцелил двух слепых, прикоснувшись к их глазам, но предварительно испытал их веру в Его всемогущество (см. Мф. 9, 27–30). Близ Иерихона Он даровал прозрение двум слепцам также посредством прикосновения к глазам их (см. Мф. 20, 33–34). В Вифсаиде Он исцелил слепого, сперва плюнув на глаза его, потом двукратно возложив на него руки (см. Мк. 8, 23–25). В Иерусалиме, проходя мимо слепорожденного нищего, Иисус плюнул на землю и сделал брение из плюновения, потом помазал ему брением глаза и повелел ему умыться в Силоамском водоеме, после чего слепец прозрел (см.: Ин. 9).

Телесная слепота справедливо почитается великим несчастьем. Слепому недоступны радости и удовольствия, какие нам доставляет зрение. Он не видит красоты созданий Божиих и лишен возможности чрез рассматривание природы восходить умом к Творцу ее, напечатлевшему в ней следы Своей премудрости, благости, всемогущества. Слепой не знает удовольствий, доставляемых чтением книг. В делах хозяйства он находится в полной зависимости от других, легко могущих злоупотреблять его доверием. Но как ни велико зло телесной слепоты, все же в ней есть и доля добра. Она спасает слепца от многих искушений и соблазнов, проводником которых служит зрение. Кроме того, по мудрому устройению Провидения, недостаток или отсутствие одного чувства восполняется остротой и совершенством других; так в слепых особенно развиваются чувства осязания и слуха. Главным же образом лишение телесного зрения не только не препятствует, но еще в значительной степени способствует чистоте и ясности духовного зрения. Не развлекаясь внешними впечатлениями зрения, слепец по необходимости углубляется во внутренний мир, и

голова его нередко свободнее и правильнее работает, чем если бы он был зрячим.

История представляет немало примеров в доказательство этого. Так Дидим – слепец, живший в III веке, был начальником христианского александрийского училища и образцовым толкователем Священного Писания. Блаженный Иероним, его ученик, признавался, что его руководству обязан искусству изъяснять Писание, а Антоний Великий, утешая Дидима, скорбевшего о своей слепоте, говорил ему: «У тебя нет острых глаз мухи и ящерицы, но есть очи ангельские, созерцающие Бога и вносящие в твою душу великий свет ведения» (Корнелий Аляпиде, на Мф. 9). Стало быть, телесная слепота такое несчастье, с которым можно примириться. Не такова слепота духовная. Иногда она, если состоит в невольном заблуждении и невежестве, не влечет за собой по крайней мере тяжелой ответственности; но в других случаях она есть такое зло, которое соединено с ответственностью как тяжкий произвольный грех. В сем грехе, в грехе произвольной духовной слепоты, виновны были язычники, не знавшие истинного Бога. По Апостолу, «невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они [язычники] безответны» (Рим. 1, 20). На язычников похожи люди, которые очень зрячи для того, чтобы рассмотреть и изучить все, что есть и происходит на небе, на поверхности и в глубине земли, на дне морском; с удивительной зоркостью подмечают силы и законы явлений, но слепы для того, чтобы во всем этом видеть Бога, Творца и Вседержителя; которые во всем творении видят следы премудрости, благодати и всемогущества, но не хотят видеть Премудрого, Всеблагого и Всемогущего. К духовно слепым принадлежат также те, которые в течении жизни частной и общественной, в обстоятельствах жизни благоприятных и неблагоприятных, в судьбах царств и народов признают действие одного случая или произвола человеческого, а не вместе участие божественного Промысла. Духовная слепота иных состоит в том, что подобно современным Христу фарисеям, вопреки очевидности отвергавшим чудеса Христовы, не признают для себя

убедительными очевидные для всякого непредубежденного свидетельства истины, содержащиеся в откровенном учении и в истории Церкви. Духовно слепы также те, которые не признают в себе существования духовной и бессмертной природы единственно потому, что ее нельзя рассмотреть телесными глазами, ощупать руками. Самолюбие ослепляет иных так, что они не видят в себе тяжких грехов или не считают их важными и всячески их оправдывают не только перед людьми, но и перед своей совестью. У весьма многих духовная слепота обнаруживается не только невежеством касательно учения веры и грубым суеверием, но еще нежеланием духовного просвещения, под предлогом, что с них, как людей темных, Бог не взыщет.

Вопроси себя, христианин, не принадлежишь ли ты к числу духовно слепых, если не во всех перечисленных отношениях, то в некоторых, даже в одном каком-либо. Благо тебе, если, взглянув на себя беспристрастно, сознаешься в своей духовной слепоте. Великое зло – духовная слепота, но еще большее – незнание ее, гордое убеждение духовно слепых в том, что они духовно зрячие. Подобное убеждение Господь Иисус осуждает в фарисеях, говоря: «Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас» (Ин. 9, 41).

Грех фарисеев, неизвинительный грех, состоял в том, что они почитали себя непогрешимыми судьями истины, тогда как на самом деле они закрывали глаза на нее, отрицая в Иисусе достоинство посланника Божия, хотя видели своими глазами чудные дела Его. Несравненно лучше в сравнении с таковыми положение людей, смиренно сознающих свою слепоту, свое духовное невежество. Подобное сознание располагает к тому, чтобы искать врачевства против своей духовной слепоты. И когда они найдут его в Иисусе, Враче слепых телесно и духовно, – тогда не вменится им в вину прежнее невежество и заблуждение: «Греха они уже не имели бы в себе».

Трудно сознаться в духовном ослеплении тому, кто упорно отвращал глаза от истины. Но благодать Божия не оставляет никого без своей помощи. Иногда она приводит к сознанию

духовной слепоты самой крайностью упорства в ней – тем, что дальше нельзя идти, и вот они поворачивают назад. Иногда бедствия и лишения, близость смерти вгоняют человека волея-неволей в себя; в душе его начинаются колебания; гордость и самомнение уступают место беспристрастному воззрению на свое нравственное состояние; он начинает понимать пагубу его, а отсюда двоякий исход: или отчаяние, или раскаяние с надеждой на милость Божию. Ободряемый этой надеждой, грешник вместе с Евангельскими слепцами вопиет ко Христу, Свету истинному: "Помилуй [мя], Господи, Сыне Давидов» (Мф. 20, 30), или по руководству Церкви взывает: «Душевыми очима ослеплен, к Тебе, Христе, прихожду, якоже слепый от рождения, в покаянии зовя Тебе: милостив мне буди, едина Благоприятелю» (Тропарь из Последования Таинства Елеосвящения). Вместе с Евангельским слепцом он также взывает к Иисусу: «Верую, Господи, что Ты можешь, если восхощешь, исцелить меня» (см. Мф. 9, 28). Но не всегда это исцеление совершается вдруг. Оно подается по мере приемлемости и терпения, подобно тому, как и слепцам Евангельским надлежало иногда вопиять к Иисусу, прежде чем Он обращал на них внимание (Мф. 9, 27).

В иных случаях Господь исцелял слепцов одним словом или одним прикосновением; в других же исцеление производимо было несколько более сложным образом, – посредством плюновения и неоднократного прикосновения, и однажды посредством помазания глаз грязью и омовения. И это соответствовало также приемлемости. Как в узкогорлый сосуд нельзя лить жидкость вдруг обильной и широкой струей, иначе жидкость не попадет в сосуд и прольется даром мимо его, так и дары благодати Божией, если нет для них широкой приемлемости, могут быть сообщаемы людям только понемногу, так сказать по каплям. Так поступил Христос, исцеляя, например, слепорожденного, которому сначала помазал очи брением, а потом повелел идти в Силоам. Так Он поступает и с некоторыми при исцелении их духовной слепоты. Он дает им «глазную мазь» (см. Откр. 3, 18), то есть благодать Святого Духа; но она целительно может действовать на них только в соединении с

сердечным сокрушением; легкое, без жгучей скорби о своем духовном ослеплении, сознание его далеко не достаточно для освобождения от него, нужны еще слезы. И в ком их недостает, хотя он сознает жалкое свое состояние и желает избавиться от него, тот должен немало употребить усилий, чтобы пробудить их в себе для врачевания своих духовных очей, а для успеха в этих усилиях просить у Бога благодати слез. Пусть он взывает ко Христу: «Силоамом да будут для меня слезы мои, Владыко Господи, дабы омыть и мне зеницы сердечные и умственно узреть Тебя, Свет предвечный». Омытый слезами покаяния, подобно слепцу, умывшемуся в воде силоамской, сподобится наконец радости узреть Христа, Который есть Свет истинный, просвещающий всякого человека. Он ощутит радостотворное прикосновение к своему сердцу Его благодати. Может быть, не навсегда останется у него это ощущение, но оно оставит такой след в душе его, что одно воспоминание о нем будет ободрять и укреплять его в скорбях этой жизни, пока не вступит он в область непрестанной радости и неоскудевающего света.

Глава 60 Исцеление хромым

Сострадание Иисуса Христа к хромым выразалось не только в том, что Он чудесно исцелял их и тем приводил в благоговейное изумление зрителей (см. Мф. 15:30–31, 14), но и в том, что, предлагая наставление о гостеприимстве, Он заповедует приглашать на пир не родственников и богатых людей, но уничиженных мира сего и увечных и между ними хромым, не тех, которые за гостеприимство могут отплатить тем же, но тех, которые по своему убожеству ничем не могут воздать за угощение (см.: Лк. 14, 12–14).

Хромота, как и всякое убожество и увечье, есть, без сомнения, зло, но гораздо легчайшее в сравнении с другими видами убожества – слепоты, глухоты, немоты, также других неизлечимых болезней. Несравненно бедственнее хромота духовная, угрожающая вечной гибелью. К духовно хромым принадлежат прежде всего люди, колеблющиеся между истинной верой и суеверием. Таковы были израильтяне во дни пророка Илии. Они служили Ваалу и Астарте, приносили им жертвы – и в то же время не забывали истинного Бога, признавая Его за одного из многих богов, кланялись Ему под образом золотых тельцов, соблюдали по закону Моисееву праздники, обрезывались. За это двоеверие обличил их пророк Илия, говоря: «Доколе вам хромать на обе стороны?» (см. 3Цар. 18, 21). Похожи были на них многие из наших предков, новообращенные в христианство. Они и в церковь ходили, и в овинах правили службу языческим богам. В подобном двоеверии доселе виновны те из христиан, которые прибегают к ворожбе и гаданию. Они и Богу молятся и святых угодников призывают в помощь, но подчас готовы крест с себя снять, обращаясь к ворожеям и гадальщикам для отыскания, например, пропажи.

Духовно хромыми могут быть названы также те, которые вопреки слову Христа: «Не можете служить Богу и маммоне» (то есть богатству – Мф. 6, 24), думают совместить то и другое служение. Они богомольны, строго соблюдают посты, но в то же

время прибегают к бесчестным средствам для обогащения. Они думают успокоить свою совесть щедрыми пожертвованиями на храмы Божии, на богоугодные заведения, хотя продолжают жить неправдой и притеснением ближних. Духовной хромотой недугуют те, которые, хотя не чужды благочестия, по ложному стыду или человекоугодию охотно присутствуют в обществе людей нечестивых, и не только не останавливают их глумлений над верой и благочестием, но еще поощряют их своим вниманием, улыбками, подталкиванием, нарушают уставы о постах единственно для того, чтобы не отстать от людей мира, легкомысленно рассуждающих о постах, избежать их насмешек за послушание Церкви, забывая, что кто дружит миру, тот враг Богу (см. Иак. 4, 4).

К духовно хромым принадлежат те родители, которые вопреки слову Христа: «Кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10, 37), по пристрастию к детям чуть не молятся на них, и хотя сами не чужды благочестия, не воспитывают их в духе благочестия, не приучают их ходить в церковь, не взыскивают с них за шалости, сквозь пальцы смотрят на развитие в них порочных склонностей. Они горюют, когда сына постигнет болезнь, случится с ним беда, но равнодушно смотрят на его нечестие: любовь к Богу в них побеждена пристрастием к детям.

К числу обыкновенных явлений духовной хромоты принадлежит то, как у нас многие проводят воскресные и праздничные дни. Утром человек побывает в церкви, усердно помолится здесь, а к вечеру его не узнаешь: так поусердствовал богу чревоугодия, что утратил не только христианское, но и человеческое достоинство, поистине приложился скотам несмысленным и уподобился им, потерял разум, совесть, дар слова. Ясно, что таким поведением осквернено празднование святого дня, начатое духом и конченное плотью, и утренняя молитва потеряла всякую цену от вечернего бесчиния.

Спроси себя, христианин, не имеешь ли грехов, подобных исчисленным видам духовной хромоты? Не хромаешь ли, думая совместить служение Богу со служением идолам страстей? Знай, что Бог наш есть Бог ревнитель, – ревнив к Своей чести,

Его прогневляет не только тот, кто меняет служение Ему на служение иным богам, но и тот, кто честь, подобающую Ему единому, воздает Ему, не отказываясь от угождения миру, плоти и диаволу, чье сердце разделено между Богом и Ваалом. Господь некогда через пророка изъявлял Свое негодование на израильтян, вопреки закону (см. Лев. 22, 18) приносивших Ему в жертву хромых и искалеченных животных (см.: Мал. 1, 8, 14). Менее ли отвратительно пред очами Господа такое служение Ему, когда приносится Ему в жертву душа, хромающая на обе стороны, – то обращающаяся к Нему с молитвой, то отвращающаяся от Него свое лицо на противоположную сторону?

По закону Моисееву, из потомков Аарона не мог быть священником, не мог священнодействовать в святилище хромой или с переломленной ногой (см. Лев. 21, 18–19). Каждый христианин призван к тому, чтобы приносить Богу жертвы духовные (см. Евр. 13, 15) и в этом смысле быть священником (см. Откр. 1, 6). Но от хромающих духовно они не приемлются. Итак, хромающая душа, сознай свое жалкое положение и повергнись к ногам Иисуса с мольбой, чтобы Он направил стопы твои к деланию заповедей, как Он чудесно исправлял искривленные и переломленные ноги телесные во дни земной жизни Своей, и когда получишь от Него облегчение недуга, береги полученный дар, «ходите прямо ногами вашими (не прыгай неосторожно), дабы хромлющее (начавшее исправляться) не совратилось, а лучше исправилось» (Евр. 12, 13).

Глава 61 Исцеление расслабленных

Расслабленные – то же, что параличные, или разбитые параличом. Эта болезнь состоит в потере чувствительности или в прекращении движения в какой-либо части тела, или в том и другом вместе.

В самом начале общественного служения Господа Иисуса Христа «к Нему приводили множество недужных и в их числе расслабленных, и Он исцелял их» (см. Мф. 4, 24). В Евангелии также повествуется об отдельных случаях исцеления расслабленных. Так, однажды положили перед Ним расслабленного, лежащего на одре. Его несли четыре человека. Из-за многолюдства они не могли пробраться с ним в дом, где был Иисус, обыкновенным ходом, и потому приподняли часть кровли дома и через отверстие спустили расслабленного к ногам Иисуса. Иисус, видя веру их, сказал расслабленному: «Дерзай, чадо, прощаются тебе грехи твои», – и затем, чтобы все видели, что Он имеет власть, яко Бог, отпущать грехи, изрек расслабленному: «Встань, возьми одр твой и иди». И он встал и пошел с одром своим домой, славя Бога.

В другой раз Иисус Христос по просьбе римского сотника исцелил слугу его, лежащего в расслаблении и жестоко страдавшего. Сотник пожелал, чтобы исцеление было совершено заочно. Он верил, что всемогущая сила Иисуса не стесняется расстоянием и что издали, одним словом, Он может так же легко, как и вблизи, исцелять больных. Иисус одобрил веру сотника и по вере исполнил его желание.

В притворах иерусалимской овчей купальни лежал один расслабленный в надежде, не удастся ли ему погрузиться в воду в то мгновение, когда возмущал ее Ангел Господень и делал ее целительной на это мгновение. Иисус сжалился над несчастным, 38 лет находившимся в болезни, и спросил его: «Хочешь ли быть здоровым?» Больной отвечал: «Так, Господи, но некому опустить меня в купальню, когда возмутится вода». Иисус говорит ему: «Встань, возьми постель твою и ходи». Больной тотчас выздоровел, взял постель свою и пошел. Спустя

несколько времени Иисус встретил его в храме и сказал ему: «Вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже» (Ин. 5, 1–14).

Телесное расслабление есть образ духовного расслабления – того душевного состояния, которое называется унынием, упадком духа, скукой. Человек, находящийся в этом состоянии, получает отвращение к труду, ни на что бы он не смотрел, ничто ему не мило. Так бывает с миролюбцами: в душе их, пресыщенной плотскими удовольствиями и радостями земными, тягостная пустота, нестерпимая горечь. Ощущение спасительное! Миролюбцу дается возможность убедиться, что напрасно он ищет счастья в земных наслаждениях. Он должен оставить пристрастие к ним, подумать о душе, о вечности, о Боге и искать себе утешения в благочестии и добродетели. Но и это не всегда спасает от уныния. Оно посещает нередко людей духовной жизни. Тогда пропадает у человека охота к исполнению христианских обязанностей, к духовным упражнениям, не хочется ни молиться в церкви или дома, ни слово Божие читать, ни размышлять о духовном, ни другое что богоугодное делать: все это ему неприятно, надоело, ко всему этому он потерял вкус. Впадает он в духовное разлечение и, подобно телесно расслабленному, не владеющему членами, пригвожденному к одру, он неподвижно лежит на одре духовной беспечности, и в то же время жестоко мучится в душе, как мучился слуга сотника, лежавший в расслаблении.

От чего происходит такое печальное состояние? От различных причин. В душах чистых и близких к совершенству оно бывает иногда вследствие того, что на время оставляет их благодать Божия с целью предохранить их от духовного самомнения и гордости, возбудить в них смиренное сознание недостаточности собственных сил для того, чтобы удержаться на духовной высоте, и заставить их снова искать помощи свыше.

Происходит уныние также от прирожденной греховой порчи. Умом и волей стремится человек к небу, а прирожденный грех тянет его против воли к земле: «Не еже бо хочу доброе, творю, но еже не хочу злое, сие содеваю» (Рим. 7, 19).

Выбившись из сил в борьбе с злыми влечениями, человек бросает ее и впадает в уныние.

Впадают иногда в уныние от внешних неблагоприятных обстоятельств, – от болезни, от смерти близких людей, от потери чести, от достояния и т.п., нередко от частых размышлений о неправдах, господствующих в мире, о том, как люди невинные и добродетельные терпят во всем неудачи и скорби, а нечестивые возвышаются и блаженствуют, посмеиваясь над благочестием и добродетелью. Естественной склонностью к унынию и диавол пользуется для того, чтобы еще более смущать человека, и своими кознями иногда ввергает его в отчаяние.

Но от каких бы причин ни происходило уныние, во всяком случае оно есть великое зло. Уже то худо, что оно останавливает духовную жизнь, задерживает ее в дальнейшем движении, тогда как мы обязаны непрестанно идти вперед. Задняя забывая и в передняя простираясь. Еще хуже то, что уныние сопровождается нередко рассеянностью. От снedaющей скуки человек ищет лекарства в разных чувственных развлечениях и в них запутывается так, что совсем забывает о духовной жизни, делается миролюбом и плотоугодником, – совсем теряет самообладание. Поистине не владеющий членами расслабленный!

Против духа уныния, духовного расслабления могут быть употребляемы с успехом следующие средства: прежде всего должно возбудить в себе желание избавиться от этого недуга. На вопрос Спасителя: хочешь ли быть здоровым, расслабленный, лежавший при иерусалимской купальне, отвечал изъявлением желания исцеления. Такое желание естественно во всяком больном телесно; но в недугующих духовным расслаблением оно не всегда бывает – они иногда так сродняются со своим недугом, что не только не думают об излечении, а скорее впадают в озлобление или отчаяние. В этом состоянии они почти недоступны врачеванию, как Каин и Иуда. Стало быть, с их стороны прежде всего требуется победить в себе пагубное равнодушие к своему духовному состоянию, возбудить в себе желание исцеления, и затем

поискать врачевства. Искать этого врачевства в мирской рассеянности значит из одной болезни впасть в другую. Светская рассеянная жизнь сама сопровождается скукой и унынием, оставляет ненаполненную душевную пустоту. Ибо душа по своей природе пространнее всего мира. От духовного недуга надобно лечиться духовными средствами. Главное из них есть молитва. Молись о том, чтобы тебе дарована была душевная бодрость для борьбы с греховными искушениями и воспламенился в тебе огонь ревности шествовать путем заповедей Господних. «Душу мою, Господи, во гресех всяческих и безместными деянии люте расслабленную, воздвигни Божественным Твоим предстательством, якоже расслабленного воздвигл еси древле» (Тропарь в Неделю расслабленного).

В чтении Слова Божия заключается также сильное врачевство против уныния, Слово Божие – не книга только, сообщающая разные сведения, но живой проводник благодати Божией. Читающий его с благоговением и молитвой вступает в общение со Святым Духом – Духом мира, крепости и мужества. Благодать оживления и духовной силы сообщается особенно в Таинствах Церкви – Исповеди и Святого Причащения.

Спасительно также участие к положению унывающего со стороны людей, одушевленных такой же любовью к больным духовно, какой одушевлены были сотник к своему расслабленному слуге и те четыре человека, которые к ногам Иисуса спустили на одре расслабленного. Всякое горе ослабляется, не столь остро чувствуется, даже совсем проходит, если есть с кем молвить слово, поделиться своим горем. Но особенно благотворна в унынии беседа с людьми, богатыми христианским духом, опытными в духовной жизни.

Дух уныния, если произошел от сомнения в правде Божией, возникающего при размышлении о земной участи благочестивых и нечестивых, побеждается размышлением о воздаянии каждому по делам его в жизни загробной. Занятие себя трудом телесным тоже прогоняет уныние: от движения телесного оживает сначала тело, а потом и дух получает бодрость. Но паче спасителен труд исполнения заповедей Божиих. Уныние отвращает человека от этого труда. Надо принуждать себя к

нему. Пусть он горек, не по вкусу, надо взять терпение, которым побеждается нерасположение и приобретается расположение к тому, что прежде всего возбуждало отвращение.

Исцелившемуся расслабленному сказано: «Се здрав еси, кому не согрешай, да не горше ти что будет». Подобно сему получивший облегчение от недуга уныния должен всеми силами ограждать себя от него на будущее время, иначе этот недуг сделается неисцелимым, как и всякая болезнь, если выздоровевший не бережет себя.

Глава 62 Воскрешение умерших

В Евангелиях повествуется о трех случаях воскрешения Христом мертвых.

У начальника капернаумской синагоги Иаира лежала при смерти двенадцатилетняя дочь. Иаир просил Иисуса прийти к нему в дом и исцелить ее. Иисус пошел за ним, но по дороге получено известие, что больная померла. Иисус сказал Иаиру: «Не бойся, только веруй!» – и продолжил путь. В доме Иаира Иисус увидел свирельщиков и плакальщиц и общее смятение домашних. «Что смущаетесь и плачете, – сказал Христос, – девица не умерла, но спит». Недоверчиво отнеслись к Его словам. Но Христос, выслав всех из дома, кроме отца и матери умершей и трех учеников – Петра, Иакова и Иоанна, входит с ними в комнату, где лежала усопшая, берет ее за руку и говорит: «Девица, Я тебе говорю: встань». Девица встала и начала ходить. Христос велел дать ей пищи (см.: Мф. 9, 18, 23–25; Мк. 5, 22–23, 35–43).

В другой раз Иисус, приближаясь к городу Наину, встретил похоронное шествие: выносили из города на кладбище умершего юношу, единственного сына у матери вдовы, и много народа шло с ней из города. Господь Иисус сжалился над нею и сказал ей: «Не плачь». Затем подошел, прикоснулся к одру, на котором несли усопшего. Несшие остановились. Христос сказал: «Юноша, тебе говорю: встань». Мертвый поднялся, сел и стал говорить (см. Лк. 7, 12–15).

Самое поразительное чудо владычества над смертью явил Господь Иисус в воскрешении Лазаря. Услышав о предсмертной болезни Лазаря, Иисус сказал: «Сия болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий» (Ин. 11, 4). Говоря сие, Иисус знал, что болезнь Лазаря кончится смертью, и имел намерение воскресить его к славе Божией. Действительно Лазарь вскоре помер. Иисус, узнав об этом по Своему всеведению, назвал его смерть сном и сказал, что идет разбудить его. Иисус пришел в Вифанию, где жил Лазарь, уже на четвертый день после его смерти. Лазарь уже был

похоронен, и от тела его ощущаем был запах гнилости. Сестры его плакали, и Сам Иисус прослезился. Затем Он велел открыть гробовую пещеру и громко возгласил: «Лазарь, гряди вон». И Лазарь воскрес и вышел из гроба, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами. Иисус сказал: «Развяжите его, пусть идет» (см. [Ин. 11, 1–44](#)).

Частные случаи воскрешения Христом умерших служат залогом и предызображением всеобщего воскресения. «Общее воскресение прежде Твоя смерти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже» – поет [Церковь](#). Смерть двенадцатилетней отроковицы и Лазаря, Христос назвал сном. Смерть телесная действительно есть сон, ибо как сон оканчивается пробуждением, так и страсти сменится некогда воскресением. Оно произведено будет тем же всемогущим голосом Сына Божия, которым во время земной Его жизни воскрешены три мертвеца.

Участь воскресших в последний день мира будет неодинакова, по слову Христову: «Одни воскреснут в воскрешение живота, то есть для вечно блаженной жизни, другие – в воскрешение Суда», то есть осуждены будут на вечные муки. К первым будут принадлежать творящие благое, к последним творящие злое (см. [Ин. 5, 29](#)). Ибо кто что посеет в этой жизни, то пожнет в жизни будущей. «Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух» (ведущий духовную жизнь) пожнет жизнь вечную» ([Гал. 6, 8](#)). И в блаженстве и в мучении будет участвовать тело, которое было орудием души при совершении греха. Правда Божия определила, «чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое» ([2Кор. 5, 10](#)). Худые дела, совершаемые через тело, разнообразны. Это грехи зрением, слухом, языком, обонянием, осязанием. Возненавидь эти грехи, душа христианская, если не хочешь вечно страдать за них вместе с телом. Берегись осквернять грехами не только ум и сердце, но и внешние чувства.

Тело, предназначенное к воскресению, по самой природе своей смертно. Не такова природа души: она по природе бессмертна – в ней нечему умирать – и убивающие тело не

могут убить души (см. [Лк. 12, 4](#)). Но жизнь души состоит не в одном существовании, а вместе с тем в соответственной ее природе деятельности. Ведь и жизнь тела тоже состоит не в одном присутствии в нем жизненного начала, не в том одном, что человек жив, не помер. Бывают такие телесные состояния, что и о живом человеке говорят: он заживо помер. Таково, например, состояние параличное. Иной человек в сем состоянии долго живет и даже по-своему здоров, боли не чувствует; но пораженные параличом члены не обнаруживают свойственной их природе деятельности, лишены способности движения или чувствительности, словно мертвые, хотя в них не иссякло жизненное начало. В подобном состоянии может находиться душа. Истинная жизнь души, как созданной по образу и подобию Божью, состоит в деятельном стремлении к уподоблению Богу, к возможному для человека подражанию Божественным совершенствам – мудрости, святости и благодати, а через это подражание к достижению блаженного общения с Богом. Но это не все. Так как это стремление может быть успешно только при помощи благодати Божией – просвещающей, освящающей и оправдывающей, то жизнь души состоит главным образом в благодатном общении с Богом. Вне сего общения духовная жизнь, при всей ревности к богоугождению, невозможна, как невозможна жизнь ветки, отрезанной от дерева. Теперь по противоположности с жизнью духовной можно понять, в чем состоит смерть духовная. Она состоит в разъединении души с Богом, в удалении ее от Него, и в лишении Его благодати. Человек, пораженный духовной смертью, не теряет способности к мышлению и может быть весьма умным человеком, великим ученым, неподражаемым мастером устроить внешнее свое благосостояние, может быть даже честным человеком, все равно как и пораженный параличом может отлично пользоваться органами питания; но при этих совершенствах, умственных и даже нравственных, иногда встречающихся в духовно мертвом человеке, он не имеет того, что составляет истинно духовную жизнь. Он не помышляет и не любит помышлять о духовном и небесном, а только об одном земном, плотском и житейском. Ум его – чисто

плотский ум. Напрасно вы стали бы пытаться обратить его внимание на истины духовные, божественные, – он и слушать вас не станет или будет слушать с глумлением и досадой. Орган для восприятия этих истин в нем забит, омертвел. Не менее жалко нравственное состояние духовно мертвого человека. Стремления к чистоте и святости, к делам любви и самоотвержения в нем убиты преобладанием плоти, то есть низших животных сил; а «дела плоти, говорил Апостол, известны, – они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийство, пьянство, бесчинство и тому подобное» (Гал. 5, 19–21). Самые, по-видимому, добрые действия его повреждены самолюбием и своекорыстием. Благодетеля не ищите в духовно мертвом человеке: может ли быть благочестивым тот, для кого богом служит земля и плоть?

Ни в дарах счастья, ни в напастях, болезнях и скорбях он не видит руки Божией, благодеющей или карающей, и потому ни в первом случае не чувствует благодарности к Богу, ни в последнем не смиряется пред Ним. Мертвые ничего не чувствуют. Бывают и в духовно мертвом человеке проявления благочестия, но благочестия мертвого, а не живого, обрядового, механического, без смирения, сердечной веры и любви к Богу. К радостям духовным он не чувствителен: он до того погряз в пристрастии к одним плотским и мирским удовольствиям, что если бы и в Рай попал, ему и в Раю было бы скучно.

Слово Божие часто говорит о духовной смерти. Оно вообще приписывает ее грешникам, не возрожденным благодатью: «И нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, – благодатью вы спасены» (Еф. 2, 5; Кол. 2, 13). Дела невозрожденного оно называет мертвыми (Евр. 9, 14). Блудного сына, растратившего отеческое наследство на жизнь распутную, оно прямо называет мертвым: "мертв бе." Слостолюбивая вдовица, по слову апостола Павла, заживо умерла (см. 1Тим. 5, 6). «Вера без дел, – по слову апостола Иакова, – мертва» (см. Иак. 2:17, 2, 26). «Ненавидящий брата, – по слову апостола Иоанна, – пребывает в смерти» (см. 1Ин. 3, 14).

Смерть духовная имеет свои степени. Блаж. Августин образ их усматривает в трех мертвецах, воскрешенных Христом; он различает грех в сердце, грех делом, грех, обратившийся в привычку, – это как бы три смерти. Одна смерть имеет место как бы в доме, когда только в сердце лежит сочувствие к греху (это двенадцатилетняя отроковица, лежавшая мертвой в доме); другую смерть представляет вынос умершего юноши из ворот города – это значит то, когда сочувствие к греху, созревши в сердце, из сердца выходит наружу, то есть в дело; третья смерть бывает, когда силой злой привычки душа, как тяжелым камнем, подавляется, и подобно четырехдневному Лазарю, как в гробнице, смердит (см. Мф. 9, 24; Мк. 5, 29). Другие видят указание на греховную смерть в четырех днях смерти Лазаря. Первый день – это согласие воли на грех; второй день – совершение греха делом; третий – частое повторение греха и образование привычки к нему; четвертый – обращение привычки в необходимость, во вторую как бы природу, в непобедимое упорство (Корнеллий Аляпиде. Комментарий на Евангелие от Иоанна, гл. 11).

Но на какой бы степени духовного омертвления ни стоял грешник, состояние его не безнадежно. Пока не помер человек физически, он всегда может вырваться из области духовной смерти, всегда может покаяться при помощи благодати Божией, всегда может совершиться с ним переворот, подобный тому, какой совершился с блудным сыном Евангельской притчи, ниспадшим в глубину греха: «мертв бе и оживе.» Тот, Который некогда поднял с ложа смерти дочь Иaira и Наинского юношу словом: «встань», и четвертодневного мертвеца возгласом: «Лазаре, гряди вон». Он же доселе взывает к спящему мертвым сном грешнику: «Востани, спяй, и воскресни от мертвых» (Еф. 5, 14). Ему жалко было видеть умерших в цвете лет отроковицу и юношу, и людей к ним близких, тяжело чувствовавших утрату их. Он плакал при гробе друга Своего Лазаря. Но не менее даже более жалки Его человеколюбивому сердцу грешники, путем духовной смерти идущие в область вечной смерти, или гибели, от которой Он приходил избавить нас. Потому Он всячески ищет пробудить их от мертвого греховного сна.

Он взывает к ним через совесть, иногда их обличающую и вразумляющую, через обстоятельства жизни благоприятные, через слово Божие, через советы и обличения доброжелательных к ним людей. И как голос Его оживил даже смердящего четырехдневного мертвеца, полуразложившийся труп, так от Его же голоса прекращается духовное нечувствие заживо умершего грешника: из груди его вылетает вздох о грехе, – первый признак оживления. В нем начинается некоторое духовное движение: он начинает подниматься из гроба нечувствия и, подобно Лазарю, выходит из мрака его на свет Божий, начинает чувствовать сладость благодатного Христова света, – по слову обетования: «Востани, спяй, и осветит тя Христос» (Еф. 5, 14). Но он еще не свободен в своих движениях, он еще не совсем уверен в своем счастье; в его пробудившейся совести с такой силой восстают воспоминания о сделанных грехах, что не дают ему спокойно зажить новой духовной жизнью. Ему нужно осязательное удостоверение в прощении смущающих его грехов, особенное благодатное умиротворение, – и оно дается ему. «Развяжите его, пусть идет» (Ин. 11, 44), говорит Воскресивший из гроба Лазаря Господь, – и вот лица, принявшие от Него власть разрешать грешников и связывать, приемлют от них исповедь грехов, разрешают их от уз греховных и умиротворяют их совесть. Но сего недостаточно, надобно укрепить силы души для подвигов жизни духовной, ослабленной грехами. «Дадите ей ясти» (Мк. 5, 43), – повелевает Господь, как Он повелел накормить воскрешенную Им дочь Иаира. И вот оживший от греховной смерти вкушает Тело и Кровь Христовы, и в этом спасительном брашне обретает источник силы и мужества для шествия путем новой жизни.

Прославь, грешная душа, неизреченное человеколюбие Господа, и если ты близка к духовной смерти, поспеши обратиться к Нему с мольбой, да не даст тебе уснуть в смерть. Не отчаивайся в спасении и тогда, когда тьма греховная со всех сторон, словно могильный мрак, окружит тебя. Благодать Христова и тогда готова спасти тебя, воздвигнуть тебя из глубины падения, как воздвигнут был из гроба четверодневный смердящий мертвец.

Глава 63 Исцеление бесноватых

Умилосердися, спаси мя, Сыне Давидов, помилуй, беснующийся словом исцеливший.

Во время земной жизни Иисуса Христа было так много несчастных, одержимых бесами, как никогда до Рождества и по Рождестве Христове. Дьявол и подручные ему злые духи почуяли, что наступил конец их владычества над людьми, что царство заблуждений и пороков, распространяемых ими в человеческом роде, близко к разрушению с пришествием Христовым, – и вот они употребляют крайние усилия, чтобы хоть на последних порах своего могущества наделать как можно больше зла людям. Одним из видов этого зла было беснование, под которым понимается не духовно-нравственное действие бесов на человека, каково, например, было действие сатаны на Иуду-предателя (см. Ин. 13, 27) и вообще на врагов Иисуса Христа – иудеев, творивших похоти отца своего, дьявола (см. Ин. 8, 44), но физическое вселение бесов в человека, пребывание их в нем. Люди, одержимые бесами, по временам, или навсегда, лишались ясности мыслей и свободы действий, становились дикими, нелюдимыми, иногда убегали в пустыни, жили в гробных пещерах, ходили без одежды, словно дикие звери, и своим видом и движениями на всех наводили ужас. В сильных припадках беснования они делались неистовыми, разрывали железные цепи, с неудержимой силой бросались в огонь и в воду (см. Мф. 8:28, 17:15; Мк. 5:3, 9:18; Лк. 8, 29–39) и выносили ужасные телесные страдания. Некоторые из них обладали известной степенью ясновидения, – называли Господа Иисуса Сыном Божиим ранее, чем кому-либо Он открыл это (см. Лк. 4, 34; Мф. 8, 29; Мк. 1:23, 3:11). В иных беснование обнаруживалось потерей способности говорить (см. Мф. 9:32, 12:22; Лк. 11, 14) или видеть (см. Мф. 12, 22), скорченностью (см. Лк. 13, 11), оцепенением (см. Мк. 9, 18). Во многих бесноватых обитали многие бесы, например, в Марии Магдалине до ее исцеления семь бесов, в гадаринском бесноватом целый легион (см. Мк. 16:9, 5:9). Бесноватые

получали исцеление не только от Самого Иисуса Христа, Который то одним приближением Своим к одержимым злыми духами приводил последних в трепет (см. Мф. 8, 29), то одним словом изгонял их из людей (см. Мк. 1, 25), но и от учеников Иисуса Христа, которые с верой в Его всемогущество призывали Его имя, страшное бесам. Иисус Христос исцелял множество бесноватых, но особенно замечательно исцеление капернаумского бесноватого, из которого нечистый дух вышел с громким криком, сотрясши тело его (см. Мк. 1, 26); изгнание бесов из гадаринского бесноватого, с дозволением им перейти в свиней (см.: Мф. 8, 25–34); исцеление хананеянки по вере ее матери (см. Мф. 15, 21–28).

Проявление чудодейственной силы Христовой над бесноватыми имело тесную связь с главной целью пришествия Христа на землю. Эта цель состояла не в том, чтоб чудесным образом избавлять людей от частных зол, недугов, увечья и между прочим от беснования, а в том, чтобы вообще однажды навсегда освободить людей от владычества князя тьмы, которое пагубно преимущественно для души, разрушить царство его, – царство суеверий, нечистоты и беззаконий всякого рода, и основать благодатное Царство, – Царство истины, чистоты и святости. Частные чудодейственные опыты победы над дьяволом, частные исцеления бесноватых были только знаменем общей победы Царства Христова над царством сатаны, служили только средством к тому, чтобы обратить внимание людей на главную цель Христова служения – явление Царства благодати. На эту общую победу и главную цель Сам Христос указал, когда по случаю совершенного Им исцеления одного бесноватого сказал: «Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас (наступило) Царствие Божие» (Мф. 12, 28), и, следственно, пришел конец царству тьмы. Главный удар владычеству князя тьмы и подчиненных ему духов нанесен смертью Спасителя, избавившего нас от греха, следственно, от власти дьявола, утверждавшейся на грехе, который через него появился и распространился по земле. Посему-то и сказал Христос незадолго до Своей смерти: «Ныне князь мира сего изгнан будет

вон» (Ин. 12, 31). События не замедлили оправдать это предсказание Христово, страшное для сатаны. Владычество его потрясено смертью Христовой прежде всего в аде, куда нисшел Христос по смерти для того, чтобы находившимся здесь душам, с верой ожидавшим Его пришествия, объявить свободу от уз ада и от имущего державу смерти диавола (см. 1Пет. 3, 18–19). Последовавшие затем события – воскресение Христа из мертвых, вознесение Его на небеса и сошествие Святого Духа – послужили новым прочным основанием для Царства Христова. Укрепленные в вере во Христа сими событиями, апостолы пронесли имя Его по вселенной, и с каждым их шагом распространялось Царство Христово и сокращалась область сатаны. Перед именем Иисуса падали идолы, разрушались храмы, открывались обманы жрецов и пустота язычества. Случалось, что от одного звука сего страшного имени с криком бежали из языческих капищ нечистые духи. Везде, где ни водворилось Царство Христово, процвела истина и добродетель, – и на земле явились равноангельные люди.

Так, владычество диавола сокрушено Христом, князь мира изгнан вон из присвоенной им области. Но ему нет места собственно в среде истинно верующих во Христа. Неверующие во Христа, каковы язычники, некрещенные, доселе находятся под властью диавола, «яко вси бози язык бесове» (Пс. 95, 5). К сожалению, между самими христианами немало людей, которые добровольно отдают себя во власть диавола. В Крещении они отреклись от него, от всех дел его, от всего служения его; но с течением времени он снова уловляет их в свои сети многообразными искушениями и соблазнами, и они делаются его покорными слугами. Например, диавол есть "отец лжи", и лжецы – чада его (см. Ин. 8, 44). Мало ли между нами таковых?

Сатана располагает к употреблению имени Божия всеуе (см. Мф. 5, 37). Мало ли среди нас употребляющих божбу в праздных беседах, даже для подтверждения лжи?

Сатана уносит семя слова Божия из сердца невнимательных слушателей, чтоб они не уверовали и не спаслись (см.: Лк. 8, 12). Мало ли между нами таковых?

Есть вера «бесовская», когда верующий принимает только к сведению предметы веры (см. Ин. 2, 19). Есть «мудрость бесовская», когда она соединяется со сварливостью, с ложью, с попытками запутать, исказить, отвергнуть истину (см. Иак. 3, 15). Кто предаётся раздражительности, тот даёт в себе место дьяволу (см. Еф. 4, 27). В порывах гнева, в припадке неистовства, сопровождающемся грубейшей, оскорбительнейшей бранью, буйством, такой человек даже по внешнему виду походит на бесноватого и опасен не менее его.

Об одном из бесноватых в Евангелии повествуется, что ему чуждо было чувство самосохранения: он бросался в огонь и в воду, не боясь ни сгореть, ни утонуть (см. Мф. 17, 14–23). Как похож на него иной грешник, беспечно живущий в грехах и не помышляющий об исправлении! Он бережет свое тело, здоровье, имущество, но души своей не бережет, бросает ее в огонь страстей, в грязную и мутную воду пороков, не опасаясь вечной гибели. Здоровье и внешнее благосостояние он дорого ценит, а душу ни во что не ставит, забывая, что она дороже целого мира (Мк. 8:13), и что для спасения ее пострадал на Кресте Богочеловек. Нет сомнения, что до такого состояния грешник доходит не без участия дьявола, ибо, по слову апостола Иоанна, вообще кто творит грех, тот от дьявола, ибо «сначала дьявол согрешил» (см. 1Ин. 3, 8).

В переживаемое нами несчастное время есть разряд людей, глубокое нравственное падение которых не иначе можно объяснить, как тем, что их отемнил дьявол. Они не верят в самое бытие дьявола, но рассуждают и живут вполне по-дьявольски. Они встают против основных нравственных и религиозных понятий и правил. Для них нет ничего священного: они отрицают семью, Церковь, собственность, государство и стремятся к уничтожению их путем насилий, вражды, убийств, подкопов, поджогов. Враги общества, они для достижения своих злодейских целей без разбора губят вместе с теми, кого почитают своими врагами, тех, кого совсем не знают. В них не осталось ничего человеческого – их злоба и ожесточение носят чисто дьявольский характер и без воздействия на них дьявола не могут быть объяснимы. Их состояние хуже, чем бесноватых в

собственном смысле: последние только несчастны, а те в высшей степени преступны.

Пожалеем несчастных, погибающих в сетях диавола; но опасность попасть в эти сети и запутаться в них близка к каждому. Никто не должен почитать себя застрахованным от них. И горе тому, кому заберется в голову мысль о недоступности его для диавольских обольщений: одна уже эта мысль есть признак диавольского обольщения: «Диавол, яко лев рыкая, ходит иский кого поглотити». Поэтому нужна великая с нашей стороны бдительность, чтобы не попасть в его львиные челюсти: «трезвитесь и бодрствуйте» (1Пет. 5, 8), бдительно наблюдайте за своими греховными помыслами. Трудно знать, какие из них имеют свое начало в нас одних, и какие всеваются в нас диаволом. Достаточно знать, что и в первом случае греховные помыслы зреют и разрастаются не без участия злой силы. Итак, надлежит с одинаковой ревностью подвизаться в борьбе против них, откуда бы они ни шли. Но успеха в борьбе с кознями диавольскими нельзя достигнуть без помощи Божией; а она привлекается смиренной молитвой. «Бдите и молитесь, да не внидете в напасть» (Мф. 26, 41), – сказал Христос апостолам, а в лице их всем, уловляемым диавольскими искушениями. В сей молитве имеет особенную силу имя Иисуса, призываемое с верой во всемогущество Его. Именем Иисуса изгоняли бесов не только апостолы, но и не принадлежавшие к их обществу заклинатели (см.: Мк. 9, 8). «Именем Иисусовым бей ратники, несть бо ни единого крепчайшего оружия на небеси и на земли», – внушает преподобный Иоанн Лествичник. К молитве для отогнания вражеских искушений должно прибегать не только в начале их, когда они еще не успели возобладать нами, но и тогда, когда они одержали над нами решительную победу, когда диавол успел нас ввергнуть в огонь страстей и с беспощадной жестокостью опалает нас этим страшным огнем. Вместе с хананеянкой, умолявшей Господа об исцелении ее бесноватой дочери, пусть каждый из нас вопиет тогда к тому же Господу: «Иисусе, помилуй мя, не дщерь бо, но плоть имам, страстьми люте бесящуюся и яростию палимую, и исцеление даждь ми» (Акафист Иисусу. Кондак 11). Не должно ослабевать

в молитве и унывать, если Господь не вдруг исполняет ее, испытав наше терпение и веру и упражняя нас в смирении. Так Он поступил и с хананеянкой. Он сначала не внимал ее мольбе и сурово отказывал ей в том, чего она просила у Него; но наконец ее вера и терпение восторжествовали: Христос не только исцелил бесноватую, но и похвалил великую веру ее матери, как образец для нашего подражания. Подобно ей и ты, грешная душа, беснующаяся страстями, не отчаивайся и не ослабевай в молитве и помощи. «Предаваясь отчаянию, душа моя, не будь хуже хананеянки. Ты слышала, как за веру ее получила исцеление дочь ее словом Божиим. Подобно ей и ты из глубины сердца воззови ко Христу: «Сыне Давидов, спаси и меня» (стих Великого канона). Но когда, наконец, послана будет тебе благодатная помощь и ты успеешь погасить пламень страстей, не прекращай подвига духовного бдения над собой. Если ослабеешь в этом подвиге и предашься беспечности, враг снова приступит к тебе со своими кознями, и в дом души твоей, откуда был изгнан, возвратится уже не один, а с семьей еще лютейшими духами (страстями), и будут они хозяйничать в нем с большей наглостью, чем прежде, так что "последнее будет хуже первого» (см.: Мф. 12, 45).

Глава 64 Нищие, мытари и грешники

Нищим благовествоваше Христос Слово, с мытари ядыше, со грешники беседоваше.

Пророк Исаия, предрекая о первом пришествии Христа на землю, между прочим говорит от Его лица о Его благовествовании: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим» (Лк. 4:18).

В первые дни Своего общественного служения Господь Иисус приходит в назаретскую синагогу и заявляет желание предложить собравшемуся народу чтение из священных книг. Ему подали книгу пророка Исаии, и Он из этой книги прочитал то место, в котором содержатся приведенные слова (Ис. 61, 1–2). Окончив чтение, Христос сказал: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лк. 4, 21), то есть предречение о деятельности Христовой и о благовествовании Его нищим Он отнес прямо к Себе. Он действительно помазан был Духом Святым, то есть во время Крещения в Иордане почил на Его человечестве обильная благодать Святого Духа – и благодать сия обильно изливалась из уст Его, утоляя жаждущих истины и правды души. Эту жажду Христу удалось пробудить и удовлетворить в людях, по-видимому безнадежных в нравственном отношении, в нищих и жалких духовно, во многих мытарях и грешниках. Занятия мытарей, собиравших пошлины в пользу языческого правительства и наживавших себе богатство притеснениями и неправдами, были ненавистны иудеям. Особенно ненавидели и презирали их фарисеи, почитавшие себя и слывшие у народа ревнителями закона и праведниками. С нескрываемой ненавистью и презрением они смотрели вообще на грешников, на людей, позоривших себя невоздержанием, развратом, неправдами, холодных к вере и благочестию, и чуждались общения с ними, избегали их как язвы, как заразы. Но не так относился к ним Господь Иисус. Он призывал к себе всех труждающихся и обремененных беззакониями. Он охотно вступал в общение с ними не затем, чтоб участвовать в их грехах, но чтобы пробудить их совесть и

обратить их к раскаянию. И Он достигал этой цели. Слова благодати, исходившие из уст Его, спасительно действовали на грешников. Они познавали свою духовную нищету, убеждались в крайней своей виновности пред Богом, в своей безответности пред Ним. К этому убеждению они приходили и тогда, когда слышали себе укоры и обличения от фарисеев. Но фарисеи своими бессердечными обличениями могли только растравлять греховные раны, а не заживлять их. Они могли только указать грешникам на их духовную болезнь, но у них не было ни желания, ни силы вылечить ее. Это мог сделать только Христос Спаситель. Грешников, сознавших свою духовную нищету, Он ободрял надеждой спасения. Он «благовествовал» им спасение. Он говорил им: «блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное». В самом сознании нищеты Он указывал им путь к этому Царству. Оно доступно только тем, которые сознанием беспомощности своего положения, безвыходности его приводят к надежде спасения единственно по милосердию Божию. Милосердый Господь возбуждал в них эту надежду Своей проповедью Евангелия Царствия Божия. С этой проповедью Он преимущественно, если не исключительно к ним обращался, и для сего входил с ними в близкие сношения. Но эта близость Господа к нищим духом мытарям и грешникам не нравилась гордым своей праведностью фарисеям. Им не нравилось, что Он посещал их жилища, разделял с ними трапезу и беседовал с ними по-дружески. Фарисеи ставили в упрек Христу то, что Он дружит с мытарями и грешниками, любит есть и пить с ними (см. Мф. 11, 19). Но Христос на эти упреки отвечал: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Мф. 9, 12). Фарисеи признавали себя здоровыми в нравственном отношении. Они ослеплены были гордым сознанием своей праведности, хотя эта праведность была только наружная и чужда была любви к Богу и ближним. Потому они не чувствовали нужды в духовном враче, в наставлениях и вразумлениях.

Это и было причиной, почему Господь обществу их предпочитал общество презираемых ими мытарей и грешников: последние, а не первые имели в Нем нужду. «Он пришел

призвать не праведников, но грешников к покаянию» (см.: Мф. 9, 13). И на Небесах, говорил Он, более радости будет об одном грешнике кающемся (каковы были мытари), нежели о девяносто девяти (мнимых, подобных фарисеям) праведниках, не имеющих нужды в покаянии.

В милосердной близости Иисуса Христа к нищим духом, мытарям и грешникам какой трогательный урок покаяния предлагается для всех нас! Если Господь Иисус, существо чистейшее и святейшее, не презирал грешников, не гнушался их обществом, мы ли, грешные, будем чуждаться подобных нам грешников, почитать их недостойными общения с нами? Преступно входить в сношения с людьми нечестивыми и беззаконными с целью участвовать в их беззаконных и нечестивых делах; но не только не чуждаться, но еще искать общения с ними с целью обращения их на путь истины, врачевания их духовных болезней, отнюдь не преступно, напротив, есть непрременный наш долг, долг христианской любви, доброжелательной к ближним и содействующей спасению их, есть дело подражания любви Христовой, снисходившей к великим грешникам и спасавшей их от гибели. Презирающие грешников потому, что почитают себя превосходящими их в нравственном отношении, чуть не праведниками, похожи на современных Христу фарисеев и за свое самомнение скорее могут погибнуть, чем презираемые ими грешники, окаявующие себя и начинающие идти путем покаяния. Пример последних да научит тебя не отчаиваться в милосердии Божиим в случае тяжких падений твоих. Раскаивающемуся в них всегда отверсты объятия Отца Небесного. Тот, Который пришел не праведников, а грешников призвать к покаянию, ждет от тебя покаяния в твоих грехах и готов не только простить тебя, но и вступить в теснейшее общение с тобой. В этом отношении Он сделает для тебя больше, чем для мытарей и грешников, с которыми Он разделал трапезу во время земной жизни Своей: Он предложит Самого Себя в пищу тебе в Таинстве Тела и Крови Своей, и через сие соделает тебя причастником Своего Божественного естества (см. 2Пет. 1, 4) и наследником Жизни Вечной в Царстве

Небесном, как Он Сам обетовал: «Ядый Мою плоть, и пияй Мою кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем. ядый Мою плоть и пияй Мою кровь иматъ живот вечный» (Ин. 6, 54–56).

Глава 65 Самарянка

Аще кладязь еси глубокий, Владыко, источи ми воду из пречистых Твоих жил, да яко самаряныня, не ктому пияй, жажду, жизни бо струи источаеши.

В первый год Своего общественного служения Господь Иисус, проведя довольно времени в Иудее, идет со Своими учениками в Галилею, через Самарянскую область. Здесь, утомленный путем, Он останавливается близ города Сихаря (древнего Сихема) у колодезя, по преданию, выкопанного патриархом Иаковом. Ученики Его пошли в город купить чего-нибудь съестного для Него и для себя. В их отсутствие приходит из города к колодезю одна самарянка зачерпнуть воды. Иисус Христос заводит с ней разговор, в котором возводит ее взор от земного к духовному. Он говорит ей: «Дай Мне пить». Самарянка выражает удивление, как Он, будучи иудеем, отступает от обычая иудеев не входить ни в какие сношения с самарянами и просит у нее напиться. «Но если бы ты знала, – отвечал ей Иисус, – какое благодеяние посылает тебе Бог (в эту минуту) и Кто говорит тебе: дай Мне пить, ты сама стала бы просить у Него, и Он дал бы тебе воду живую». Самарянка подумала, что Он говорит ей о воде родниковой, находящейся в глубине колодезя, и заметила, что оттуда трудно ее достать. Но Иисус хочет отвести ее мысли от этой земной воды и навести их на другую. Он отвечает ей: «Всякий пьющий воду сию (из колодезя Иаковлева) возжаждет опять. А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек. Она сделается в нем источником воды, текущей в Жизнь Вечную». Должно полагать, что под живой водой, которую Спаситель обещает дать жаждущему, Он разумел благодать Святого Духа, как это видно из сличения этого обещания с подобными словами Его, сказанными по другому случаю. В последний день праздника Кущей Он приходит в храм Иерусалимский и здесь, в виду обряда возлияния воды на жертвенник, совершавшегося в память чудесного изведения Моисеем воды из камня, взывает: «Аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет. Веруй в Мя, якоже

рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече, – замечает Евангелист, – о Дусе, егоже хотяху приимати верующии во имя Его» (Ин. 7, 37–39).

Итак, если в последнем случае под живой водой разумеется благодать Святого Духа, то и в беседе с самарянкой под образом живой ключевой воды обещается жаждущему также благодать Святого Духа. Она поистине есть живая вода: она утоляет жажду истины, наставляя нас касательно всего, что нужно знать для спасения души (см. Ин. 14, 26; Ин. 2, 20), ибо Дух Святой есть Дух истины. Она укрепляет волю на борьбу с греховными искушениями, ибо Дух Святой есть Дух крепости, и освящает нас (см.: Рим. 1, 4); она низводит в сердце мир и радость (см.: Рим. 14, 17), превосходящие всякое разумение.

Кому же сообщается утоляющая духовную жажду благодать Святого Духа? Только верующим во Иисуса Христа; ибо хотя ближайший источник благодати есть Святой Дух, она есть плод искупительных заслуг Христа. Потому Святой Дух, Источник благодатных даров, называется «Духом Христовым» (см. Рим. 8, 9). Христос обещал ученикам Своим «умолить Отца, да пошлет к ним Святого Духа и да пребывает Он с ними вовек» (см. Ин. 14, 16). И вот, в день Пятидесятницы Святой Дух видимым образом сошел на учеников Христовых, и с тех пор благодать Его разлилась реками по вселенной и до скончания века будет напоять жаждущих спасения души. С молитвой о даровании сей благодати каждый верующий может обращаться непосредственно к Святому Духу, но также он должен умолять о ней Христа Сына Божия, ради бесценных заслуг Которого подаются нам все божественные силы к животу и благочестию, – следуя Его заповеди: «Аще кто жаждет, да придет ко Мне и да пьет».

Для всякого верующего Христос есть неисчерпаемый кладезь даров благодати, подобно вещественному колодезю, наполняемому непрерывно водой из подземных родниковых жил. Христос по самому человечеству обладает всей полнотой благодатных даров, почивших на Нем со времени Крещения Его в Иордане, и от этой полноты всякий может почерпать «благодать на благодать» (Ин. 1, 16), всякий может причаститься

тех духовных благ, для низведения которых на верующих Христос по человечеству помазан был Духом Святым.

Слепым духовно, жаждущим прозрения, Он дарует свет истины; пленникам греха, желающим вырваться из плена, – освобождение; сердцам, угнетаемым чувством своей немощи в борьбе с греховными искушениями, исцеление и крепость (см. Лк. 5, 18). Всяк приходи ко Христу, глубокому и неистощимому кладезю благодатной жизни, с просьбой об утолении духовной жажды, об удовлетворении своих духовных нужд, и никому не будет отказа.

Всякий пусть взывает к Нему: исповедую, Владыко, что Ты кладезь глубокий, что в Тебе сокрыты неисчерпаемые сокровища благодати, никогда не оскудевающей, как не оскудевает вода в земных источниках, питаемых водой из подземных родниковых жил. Я истаиваю духовной жаждой, томлюсь сознанием своей духовной слепоты, греховности, немощи в борьбе со грехом и не знаю душевного мира. Сжался над моим окаянством, отверзи для меня струи Твоей благодати и утоли ими мою духовную жажду. Верую, что эти живительные струи способны напоить жаждущего так, что он уже не захочет искать другой воды для удовлетворения своей жажды, не променяет их на земную мудрость, на земные блага, на земные удовольствия. Пьющий от сих стихийных вод вечно будет томиться жаждой, ничем не насыщаемой; но пьющий от живой воды благодати и в сей жизни будет испытывать отрадное чувство удовлетворения, а в будущей полное блаженство, потому что эта чудная вода течет в Живот Вечный, – имеет силу пьющего от нее приготавливать к наследию вечно блаженной жизни, для действительнейшего соединения со Христом, неистощаемым источником воды жизни (см. Откр. 21, 6) здесь, и наипаче там. Истоци же мне струи Твоей животворящей благодати для утоления духовной жажды.

Христос... самаряныне явися, в душе службу тебе, душе, предживописа.

Слушая речи Иисуса Христа о воде живой, самарянка не догадывалась, что говорящий с ней есть пророк, и притом не обыкновенный пророк, а Сам Мессия. И вот Он дает другое

направление своей речи. На просьбу ее: "Дай мне живой воды", о которой говорил ей Христос, Он объявил ей, чтобы она пошла и привела своего мужа. «У меня нет мужа», – говорит она, и из ответа Его убеждается в Его пророческом ведении. Он знает про нее то, чего не мог знать обыкновенный чужестранец, случайным образом остановившийся у самарийского колодца; Он говорит ей: «Правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе». Пораженная этим пророческим ведением, самарянка обращается теперь к Нему как к пророку и просит у Него разрешения религиозных вопросов. Она просит Его разрешить спор между иудеями и самарянами: чье богослужение правильнее, иерусалимское или самарянское, совершаемое на горе Гаризин, на которой был построен с позволения Александра Македонского храм, разрушенный впоследствии Гирканом. Господь Иисус в Своем ответе различает прежнее и настоящее время. До сих пор правы были иудеи, и если на их стороне было то преимущество, что среди них, а не в другой стране было средоточие истинного богослужения – Иерусалим, то это потому, что спасение должно выйти от иудеев, что обетования и пророчества даны им, что они одни – хранители этих обетований и пророчеств, следовательно, они одни знают, кому кланяются, то есть они одни обладают истиной, кланяясь Богу, как Он Сам научил, посредством пророчеств и обетований. Самаряне знают одно только Пятикнижие Моисеево, но не признают дальнейших откровений Божиих, бывших после Моисея, и потому они сами не знают, кому кланяются, если не хотят знать того, что Бог благословил открывать о Себе после Моисея.

Итак, самарянское богослужение, средоточие которого было на горе Гаризин, неправо: самарянам не следовало отделяться от иудеев в богослужении, не следовало устроить новое средоточие богослужения; не имея религиозного общения с иудеями, они не имели истинной религии. Так было доселе. Но вот «настало время, когда ни на горе сей и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу,.. когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец

ищет Себе. Бог есть Дух; и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине».

Таким образом, прежнему иудейскому и самарянскому богослужению Христос противопоставляет служение новое. Не только неправильное самарянское, но и правильное и законное иерусалимское богослужение должно теперь уступить место богослужению новому – в духе и истине. Иерусалимское богослужение не исключало, правда, духовного поклонения Богу: с внешними жертвами истинные поклонники приносили Ему в жертву «дух сокрушенный» (Пс. 50, 19). Но внешние жертвы могли быть приносимы только в одном определенном месте, вне которого они были бы незаконны и Богу не угодны. Это ограничение внешнего богослужения одним известным местом было необходимо для поддержания единства богопочитания, для предохранения ветхозаветных верующих от разных суеверий, для поддержания чистоты веры. Ввиду опасности от языческих заблуждений, господствовавших в соседстве с иудеями и повсюду, нельзя было предоставить им полную свободу в этом отношении, нельзя было дозволить им совершать общественное богослужение, где хотят. Если и при ограничении богослужения известным местом возможны были отклонения иудеев от истинной веры, то при устранении этого ограничения эти отклонения были бы гораздо чаще. Теперь наступил конец прежнему образу богослужения. Надлежало истинную веру, истинное богопочтение сделать достоянием всего человечества – в Церковь Божию, которая до сих пор заключает в себе один избранный народ, ввести все народы. Потому и общественное богослужение уже не могло быть привязано к одному какому-либо месту во вселенной. Для удобства участия в общественном богослужении теперь должны быть открываемы средоточия его повсюду, чтобы на всяком месте владычества Божия люди могли собираться для прославления Господа, для поклонения Ему. И такое умножение мест общественного богослужения гораздо больше соответствует понятию о Боге, чем служение Ему в одном месте, бывшее необходимым доселе. Ибо "Бог" по Своей природе есть "Дух,"и, как Дух, Он не ограничивается

пространством – Он вездесущ. И, как вездесущий, Он будет принимать поклонение Ему везде, где бы ни устроили для Него храм. Следственно, с этих пор для общественного богослужения могут быть создаваемы тысячи и миллионы храмов, где угодно, и сколько будет на земле храмов, столько будет средств для вступления в ближайшее общение с Господом, ибо каждый храм будет местом особенного присутствия Господа. Чтобы сподобиться предстать лицу Божию, не будет необходимости за тысячи верст искать места особенного явления Его присутствия, как это нужно было во времена ветхозаветные, – ступай в ближайший храм, и здесь сподобишься благодатного общения с Тем, Кто обитает в этом храме Своей благодатью, сподобишься предстать в нем лицу Божию. Дело теперь не в том, где именно, в каком храме поклоняться Богу, а в том, как поклоняться Ему. Вопрос о месте богослужения имел значение во времена ветхозаветные. Тогда желающему участвовать в общественном богослужении грешно было поклоняться Богу вне иеру салимского храма. Теперь для поклонения открыты бесчисленные храмы, – в любом молись, но молись и поклоняйся духом и истиною, ибо таковых поклонников ищет Отец Себе. Храмы земные для того и устроятся, чтобы собирающиеся в них поклонники отрешались духом от всего земного и возносились умом и сердцем к Богу, существу духовному и Богу духов. Существу духовному угодно и поклонение духовное, так чтобы внешние действия набожности и благочестия были выражением или проявлением духовного стремления к Богу, духовной жажды общения с Ним верой, надеждой и любовью. Но и такое поклонение Господу угодно Ему только в соединении с истиной: «Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и вместе истине». Истинно духовное поклонение отличается от ложно духовного, например, мистического, духоборческого, молоканского и т.п., именно истиною, тем, что оно соединяется с ведением и хранением учения истины, как оно преподается в Слове Божиим и Святой Церкви, которая есть столп и утверждение истины. «Поелику многие, – говорит блаженный Феофилакт, кажутся поклоняющимися Богу в душе, но не имеют

правого ведения, как например еретики, то к слову: "в духе" Христос присовокупил: "в истине." Ибо надлежит и умом поклоняться Богу, и иметь здоровое понятие о Нем».

Значит, так называемые духовные христиане, чуждающиеся православных храмов и церковного богослужения с его Таинствами, молитвословиями и обрядами, напрасно в оправдание свое ссылаются на слова Христовы о поклонении Богу духом. Эти слова служат только к осуждению их, ибо, мечтая угождать Богу духовным служением, они отступили от истины, содержащейся в церковном вероучении; а служение Богу людей, отвергающих или искажающих богооткровенную истину, содержащую Церковь, не угодно Богу, как и служение самарян, не ведавших, кому кланялись.

Если бы Христос, говоря о служении Богу духом, воспрещал всякое внешнее поклонение и служение Богу, в таком случае Он не научил бы верующих в Него, какими словами должно молиться Отцу Небесному; Сам не выражал бы словами Своими молитвенных чувств и не возводил бы при этом очей Своих на небо (см. Ин. 17, 1), не повергался бы ниц, молясь в саду Гефсиманском (см.: Мф. 26, 36), не установил бы Таинств Крещения и Евхаристии с чувственными обрядовыми принадлежностями. Стало быть, поклонение Богу духом, заповеданное Христом, отнюдь не исключает чувственного служения Ему словами и телесными действиями, а только должно проникать и одухотворять их. Истинный поклонник Отцу Небесному не только стремится к общению с Ним одним умом, богомыслием, внутренним молитвенным настроением, но и к внешним действиям богопочтения относится духовно. Так, осеняя себя крестным знамением, он возносится мыслью к Распятому за нас и верой в Его искупительную жертву возбуждает в себе дерзновение молитвы. Преклоняя колена пред Господом, он исповедует свою виновность пред Ним и выражает сердечное сокрушение. Поставляя или видя свечу перед иконой, он возносит к Богу дух, горящий любовью к Нему и готовый на подвиги самоотвержения из любви к Нему. С кадильным дымом, восходящим кверху, воспаряет к небу его молитва. В чтении, которому он внимает в церкви, он ищет

света для ума, в песнопениях церковных – сладости для сердца. К приятию благодати Таинств он уготовляет себя подвигами самоиспытания, смирения, сердечного сокрушения и всецело отверзает свой дух к усвоению ее.

Вопроси себя, христианин, ревнуешь ли об угождении Богу «службою в душе», которую Христос «предживописал» (предначертал) «тебе» в беседе с самарянкой? Чувствуешь ли живейшую потребность благословлять устами и духом Господа, дивные дела Его всемогущества, благодати и премудрости, на всяком месте владычества Его, особенно же в храмах, в которых Он особенно приближается к человеку Своей благодатью? Радуешься ли, когда тебе скажут: в Дом Господень пойдем? Отрешается ли в храме дух твой от земных пристрастий и забот и воспаряет ли к Отцу Небесному на крыльях богомыслия и молитвы? Не преследуют ли тебя и в храме, этом земном небе, житейские попечения, и присутствие в храме не наводит ли на тебя одну скуку? Или не ходишь ли в храм для одного любопытства и развлечения, без жажды духовного общения с Господом? Твое богопочтение не ограничивается ли одними внешними знаками благочестия, без духовного горения, без духовного подвига?

Горе тебе, если ты не навыв к духовной службе, предначертанной тебе Христом! Но горе и в том случае, если впадаешь в противоположную крайность – если мечтаешь угодить Богу одним духовным служением и пренебрегаешь участием во внешнем богослужении, телесными подвигами благочестия!

Бойся той и другой крайности. Служи Богу всем существом твоим – духом и вместе телом.

Глава 66 Закхей, Симон фарисей и блудница

Закхей мытарь бе, но обаче спасашеся, и фарисей Симон соблазняшеся и блудница принимаше оставительная разрешения от Имущего крепость[н] (власть) оставляти грехи, юже, душе, потщися подражати.

Слезы блудницы, Щедре, и аз предлагаю: очисти мя, Спасе, благоутробием Твоим. Согреших, якоже блудница... един согреших Тебе: яко миро, прими, Спасе, и моя слезы.

Блуднице, о окаянная душе моя, не поревновала еси, яже приимши мира алавастр, со слезами мазаше нозе Спасове, отре же власы[н] (волосами) древних[н] (прежних) согрешений рукописание Раздирающего ея.

В последние дни земной жизни Своей Господь Иисус на пути в Иерусалим проходил через Иерихон. Здесь искал видеть Его Закхей, начальник мытарей, человек богатый, но за народом не мог, потому что ростом был мал. И вот, забежавши вперед, он взбирается на смоковницу, мимо которой надлежало проходить Иисусу. Иисус заметил его и сказал ему: «Закхей, сойди скорей; ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме». Закхей поспешил домой и принял Иисуса с радостью. И видя то, люди, презиравшие и ненавидевшие мытарей, начали роптать, зачем Христос зашел к грешному человеку. Закхей же сказал Господу: «Господи, половину имения моего я отдам нищим, а если кого чем обидел, возвращу вчетверо. Иисус сказал ему: Ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама. Ибо Сын человеческий пришел взыскать и спасти погибшее».

В истории Закхея мытаря видим, с одной стороны, пример неизреченного милосердия Господа к грешникам, с другой – образец истинного покаяния. Тот, Который пришел взыскать и спасти погибшее, взыскал Своей милостью человека, которого фарисеи и ученики их почитали погибшим. Он знал, что будут роптать на Него за благосклонность к начальнику мытарей, следственно притеснителю, как им казалось, из притеснителей; но несмотря на сие Он торжественно явил ему Свою

благосклонность, чтоб все видели, что Он пришел не праведников, а грешников спасать, чтоб надеждой спасения ободрить всех грешников. Много народу теснилось вокруг Иисуса на улицах Иерихона, – но ни на кого столько, как на Закхея, Он не обратил милостивого внимания. Ветви и листья смоковницы не укрыли его от взоров Иисуса. Закхей был бы рад услышать из уст Его только слово милосердия. Иисус сделал для него больше: Он удостоил посещением дом его и принес благословение не только ему, но и всему дому, всему семейству его. «Ныне... спасение дому сему», – сказал Он, вступив в жилище Закхея. Люди проходили мимо дома Закхеева и проклинали этот дом и живущих в нем, судили о них строже, чем о язычниках, хотя Закхей и его дети и домочадцы были чадами Авраама по плоти. Враги Закхея будут проклинать его и жилище его и после этого случая; но это проклятие не страшно ему, – над ним и его домом почило благословение Божие с тех пор, как под кров Закхея вошел Господь Иисус со Своим миром и благодатью. Дом Закхея теперь стал церковью спасаемых: на путь спасения вступили вслед за отцом семейства и члены его. До сих пор они были чадами Авраама по плоти; теперь они сроднились с ним по духу, по вере во Христа Спасителя, которую имел Авраам, видевший из дали веков день Христов и радовавшийся тому.

Чем Закхей мог заслужить столь великую милость Божию? Истинным покаянием. Может быть, и желание видеть Иисуса, вступившего в Иерихон, было уже плодом не простого любопытства, а покаянного душевного настроения. Закхей имел возможность знать, как милостиво относился Христос к грешникам, и как грешники, взысканные Его любовью, обращались на путь покаяния и изменились к лучшему в нравственном отношении. Эти опыты милосердия к ним Господа и их раскаяния трогали грешную душу Закхея и внушали ему, сначала конечно нерешительное, желание последовать примеру покаяния подобных ему грешников. В первый раз ему казалось достаточно только видеть Иисуса, а там что Бог даст, думал он. И вот ему удастся увидеть Его. Желал ли, не желал ли при этом Закхей, чтобы и Христос его заметил, неизвестно. Но во всяком

случае его не могло не потрясти до глубины души то, что Христос заметил его, что взоры его, напряженно устремленные на Иисуса, встретились с Его взорами. Во взоре Иисуса заключается могущественная благодатная сила. Христос предрек Петру, что он отречется от Него. Малодушный Апостол из страха человеческого действительно отрекся от Него во дворе архиерейском. "И обращаясь тогда Господь воззрел на Петра: и помяну Петр слово Господне... И изшед вон плакася горько» (Лк. 22, 61–62). Воззрение Христа на отрекшегося ученика потрясло его душу, и он горько заплакал. Чувство раскаяния, но вместе с тем и надежды на прощение и помилование с силой пробудилось и в душе Закхея, когда воззрел на него Господь взором благоволения и сострадания. Но еще с большей силой чувство раскаяния и надежды заговорило в нем, когда он услышал слово Христово: «Сойди поскорей, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме». Милостивый взор и милостивое слово Христово произвели решительный переворот в душе начальника мытарей. Он положил твердое намерение оставить греховную жизнь, прилепился всей душой ко Христу и с радостью принял Его в свой дом. Сего мало: искренность своего раскаяния и благодарности ко Христу, взывавшему его Своей благодатью, он засвидетельствовал тем, что тотчас дал обет пред Ним загладить грехи свои перед ближними – делами милосердия. Он объявил, что одну половину имущества своего раздаст нищим, а из остальной вознаградит вчетверо обиженных им. Ни того, ни другого не требовал от Закхея закон Моисеев. В этом законе предписано только, чтоб незаконно присвоивший чужую собственность исповедал свой грех пред Господом и возвратил ее обиженному с прибавлением одной пятой части (см. Чис. 5, 6–7). Закхей стал выше закона: обиженного им незаконным присвоением собственности он обязывается вознаградить вчетверо, – и, кроме того, отказывается от половины своих законных стяжаний в пользу нищих. Таким образом, Закхей приблизился к тому нравственному совершенству, к достижению которого Христос не мог склонить одного богатого юношу, спросившего Его: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» За богоугодную

жизнь Закхей причислен Церковью к лику святых. Память его 4 января.

Грешник, недугующий, подобно Закхею, пристрастием к земным стяжаниям, подвигнись по примеру Закхея вырваться из сетей этого пагубного пристрастия. Горе тебе, если не успеешь освободиться от них до смерти, если до самой смерти будешь служить корыстолюбию и мечтать о чувственных наслаждениях, подобно богачу Евангельской притчи! Да устрашит тебя грозный приговор, поразивший этого богача: «безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12, 20). Не доводи себя до подобного положения. Помысли о долготерпении Господа, продолжающего твою жизнь в ожидании от тебя покаяния и готового поступить с тобой так же милостиво, как Он милостиво поступил с Закхеем. Взыщи узреть светлое, благосклонное к кающимся грешникам лицо Иисуса с таким же усердием, как Закхей. Закхеем, как и всяким мытарем, недовольны были его сограждане. Но Закхей сознался, что они справедливо были недовольны им, что своим корыстолюбием и обидами он заслужил их негодование. Закхей признал себя кругом виноватым. Совесть не давала ему покоя. Ее упреки были для него больнее упреков людских. Не мило стало ему богатство, часть которого нажил он неправедно. Пропадай оно совсем, сказал он себе, душа дороже всех земных сокровищ.

Скажи то же и ты, грешник, объятый корыстолюбием, и притеки к Иисусу с усердием Закхея. Воззови к Нему: не отврати лица Твоего от меня, призри на мя, как призрел на Закхея, и взором Твоей благодати ободри меня на подвиг борьбы с господствующим во мне пристрастием к земным благам, исцели меня от этого пристрастия, якоже исцелил еси сребролюбивую душу Закхея мытаря. И милосердый Господь, призывающий к Себе всех нуждающихся и обремененных, не только благосклонно примет твое раскаяние, но еще вступит с любовью в более тесное общение, чем с Закхеем: Он войдет в дом души твоей в Пречистых Тайнах Тела и Крови Своей, сроднится с ней священнотайно, и наполнит ее радостью не менее чистой и великой, как и радость Закхея, принявшего в

дом свой Иисуса. С этой радостью не сравнятся никакие земные радости. Дорожи ей, как залогом вечного веселья в Царстве Небесном; но она доступна только истинно кающимся. Истинное же покаяние состоит не только в сожалении о прежних грехах, не только в заботливости о том, чтобы не возвращаться к ним, но вместе с тем в ревности о заглаждении, по возможности, при помощи благодати Божией, сделанных грехов поступками, подобными поступку Закхея. Если на твоей совести лежат грехи, подобные тем, в которых раскаялся Закхей, то дай обет сделать то же, что обещал сделать он. С избытком вознагради обиженных тобой и недуг корыстолюбия врачей не только нелюбостязанием, но даже, если возможно, нестяжательностью.

В лице женщины, помазавшей Господа миром, является не менее трогательный, как и в лице Закхея, пример покаяния и милосердия Господа к кающимся. Она приходит в дом фарисея Симона, узнав, что к нему, по его приглашению, пришел Иисус. Иисус возлежал за столом, по обычаю иудеев, на левом локте, простерши ноги не под стол, а назад. Женщина стояла у ног Иисуса и слушала Его учение. В ее руке был алебастровый сосуд с миром. Она, плача, начала обливаться слезами, драгоценнейшими мира, и отирать их волосами своей головы, и целовала Его ноги и мазала миром. Что, спрашивается, привлекло женщину в дом, куда она не была приглашена, и что побудило ее почтить Христа столь трогательными знаками любви к Нему? Вера в Него, в Его власть разрешать грехи кающимся, умиротворять смущаемую ими совесть. «Вера твоя спасла тебя, иди с миром», – сказал ей, отпуская ее, Христос. Женщина эта слыла великой грешницей, – была блудницей. Но покаяние спасло ее от гибели. Любвеобильные речи, лившиеся из уст Иисуса, быть может, не раз и прежде ею слышанные, заронили в ее душу семя раскаяния. Пример подобных ей грешников, взысканных милосердием Христа, прощенных Им и исправившихся, утвердил в ней веру в Него и надежду, что и ей Он простит грехи, если она принесет покаяние в них, – и вот она у ног Его. Господь не отверг знаков ее любви к Нему. Он знал, что они вызваны верой в Него как в Искупителя

грешников, верой, для водворения которой Он явился в мире среди грешников. Она потому так горячо обливала Его ноги слезами и так усердно мазала их миром, что уверена была в милосердии к ней Господа. Прежде, чем Он изрек слово отпущения ее многих грехов, она сердцем чуяла, что Он уже простил ее. Так была велика вера ее, и оттого так сильна была любовь ее к Нему. Симон фарисей соблазнился тем, что Христос дозволил прикасаться к Нему блуднице, и подумал, что если бы Иисус знал, кто к нему прикасается, то отринул бы ее, что, стало быть, Он не пророк. Господь видел, что на уме у Симона, почитавшего себя праведником и презиравшего грешников; и, обратившись к нему с речью, дал ему понять, как он ошибается, осуждая Его за благосклонность к грешнице. Эта грешница совсем уже не та, какой была до сих пор. Она раскаялась в своих грехах и заслужила прощение в них. И вот почему она так пламенно возлюбила Того, от Кого не сомневается получить это прощение. И как трогательно выражает она эту любовь! По всему видно, что она возлюбила Его несравненно сильнее, чем Симон. И это в порядке вещей: чем больше благодеяние, тем, обыкновенно, живее любовь и благодарность к благодетелю. Должник, которому заимодавец простил долг в 500 динариев (100 р.), гораздо больше полюбит, гораздо живее возблагодарит своего благодетеля, чем тот, кому прощен долг только в 50 динариев (10 р.) На первого походит грешница, которой прощаются многочисленные и тяжкие грехи, на последнего – Симон фарисей, который принял Христа в своем доме холодно, не оказал Ему обычных почестей, оказываемых почетным гостям: не омыл Ему ног, не поцеловал Его, не помазал Ему головы маслом. Понятно, почему так поступил Симон: он почитает себя праведником, которому почти не в чем просить прощения у Бога, – стало быть, нет у него и побуждений так любить Христа, как возлюбила Его грешница. Ей, видно, прощаются многие грехи, судя по тому, что она возлюбила Его много, а кому мало прощается, – намек на Симона, мнимого праведника, – тот, понятно, и мало любит.

Таков смысл всего сказанного Господом Симону. Затем, обратившись к жене, Господь рек ей: «прощаются тебе грехи», –

и сим дал ей знать, что она не вотще надеялась на Его милосердие, возлюбив Его так много. «Возлежавшие с Иисусом начали говорить про себя: Кто это, что и грехи отпускает? – Он же сказал грешнице: Вера твоя спасла тебя, иди с миром».

Пример блудницы, покаявшейся, прощенной и возлюбившей Христа, для всех трогателен. Одни из нас ведут такую же зазорную жизнь, как и блудница, другие виновны вообще в духовном блуждении пред Господом, то есть в неверности Ему, в предпочтении служению Ему служения идолам страстей. Те и другие, подражая блуднице в грехе, не всегда подражают ей в покаянии, далеки от сознания своей вины пред Богом, не сокрушаются о том, что грехами оскорбляют Бога, не умоляют о снятии с них вины, о прощении долгов, Того, Кто взял на Себя грехи мира, уплатил за них Своей кровью и тем приобрел право прощать кающихся грешников, раздирать долговые на них записи. Равнодушие к спасению, коснение в грехах – возмутительное! Как победить это равнодушие, как пробудить душу от этого коснения, как возбудить и поддержать в ней спасительную скорбь о грехах? Блудница, покаявшаяся и возлюбившая Христа, приведена была к покаянию учением Его и примерами обратившихся к Нему грешников. Внимай и ты, душа беспечная и преданная миру, Его учению, читай или слушай Евангелие, и располагай себя идти путем упредивших тебя обращением грешников. Подобных примеров, если захочешь, ты увидишь более в истории и в жизни, чем сколько могла видеть их во время земной жизни Христовой обратившаяся блудница.

Удалением от мира и его сует ослабляй в себе пристрастие к нему; занимайся также самоиспытанием, размышляй о смерти, о Страшном Суде и геенне, также о многообразных и бесчисленных милостях к нам Господа, которыми хочет Он возбудить в нас благодарность к Нему и благодарностью привлечь к Себе и которые мы употребляем во зло. Все подобные усилия умягчить душу, употребляемые с постоянством и терпением, увенчиваются, при помощи благодати Божией, успехом: в душе открывается источник слез, и эти теплые слезы пусть она, как блудница, приносит ко Христу

с той же сердечной любовью к Нему за Его милосердие к кающимся грешникам; скажи Ему: «Слезы блудницы и аз предлагаю Тебе, Щедре; очисти мя Твоим благоутробием. Согреших, якоже блудница: яко миро, прими, Спасе, и моя слезы». Но не смущайся, если несмотря на все усилия не даются тебе слезы и ты не испытываешь сладкого умиления. Прими это лишение как наказание за твое долгое коснение во грехе, смиренно покорись воле Господа, не дающего тебе благодати слез, – и принеси Ему хоть желание слез, и это желание Ему не менее угодно, как и самые слезы, если оно соединяется с ревностью о подвигах богоугодной жизни и с любовью ко Христу.

Глава 67 Мытарь и фарисей по Евангельской притче

Мытарь спасашеся, и блудница целомудрствовавше[н] (сделалась целомудренной), и фарисей, хваляся, осуждашеся. Ов убо взывал: очисти мя[н] (будь милостив мне), ова же: помилуй мя. Сей же величашеся, вопия: Боже, благодарю Тя, и прочия безумныя глаголы.

Очисти, якоже мытарь вопию Ти, Спасе, очисти мя: никтоже бо сущих из Адама, якоже аз, согреших тебе.

Об уцеломудренной через покаяние блуднице уже была речь при рассмотрении стиха о случившемся с ней в доме Симона фарисея. Ограничимся размышлением о молитве мытаря и фарисея, на которую, со слов известной Евангельской притчи, указывают подлежащие рассмотрению стихи канона в урок для нашего покаяния. Эта притча произнесена Христом против тех, «которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других» (Лк. 18, 9). В ней содержится учение о том, какие душевные расположения нужны для получения оправдания от Бога.

Притча предостерегает от тех душевных расположений, какие открылись в молитве фарисея в храме, в молитве же мытаря представляет образец, достойный подражания для каждого грешника, кающегося пред Богом и желающего получить от Него помилование.

В молитве фарисей благодарит Бога за то, что он в нравственном отношении превосходит прочих людей, прочие люди – «грабители, обидчики, прелюбодеи или таковы, как мытарь, позади его стоявший тоже на молитве, – он же, – фарисей, не таков, он постится два раза в неделю, жертвует в храм Божий десятую часть из всего, что приобретает» (Лк. 18:11–12). Благодарность Богу есть долг всякого человека. За все мы должны благодарить Бога – за внешние милости, за помощь в исполнении заповедей Его, даже за скорби, болезни, беды и напасти. И фарисей хорошо поступает, что благодарит Бога, но нехорошо, что с его благодарностью соединяется самохвальство и осуждение ближних; не хорошо, что он

выставляет себя неукоризненным пред Богом на основании очень немногих нравственных достоинств. Не делать уголовных преступлений против ближних, не быть вором, грабителем, обидчиком, прелюбодеем еще не значит быть правым пред Богом и Его законом. Закон требует несравненно больше. Недостаточно только не делать зла ближним, надобно еще делать им добро, помогать им в духовных и телесных нуждах. Совершить несколько дел внешнего благочестия, предписанных законом, например, давать в храм десятую часть от доходов, или непредписанных, например, поститься два раза в неделю, опять далеко не достаточно для того, чтобы признавать себя правым перед Богом. Дела внешнего благочестия имеют цену только в соединении с искренней любовью к Богу и ближним, с сердечным сокрушением о грехах, с подвигами стяжания и соблюдения сердечной чистоты. Если бы фарисей стал судить о своем поведении, имея в виду эти условия богоугождения, он не дерзнул бы хвалиться пред Богом и смиренно исповедал бы пред Ним свое недостойнство.

К смирению пред Богом его должен был бы расположить также строгий суд закона против всех подзаконных: «Проклят [всякий человек], кто не исполнит [всех] слов закона сего и не будет поступать по ним!» (Втор. 27, 26). Так как никому не под силу буквально исполнить все, чего требует закон, то, очевидно, проклятие закона падает на всех, кому он дан, не исключая того, кто не исполнил одной какой-нибудь заповеди, а все прочие исполнил. Посему-то и говорится о законе ветхозаветном, что он «гнев соделовает» (Рим. 4, 15), то есть гневу Божию подвергает. И закон этот дан совсем не для того, чтобы через него единственно достигать оправдания перед Богом, а для того, чтобы путеводить к вере во Христа (см. Гал. 3, 24). Он путеводил ко Христу и нравственными заповедями, потому что трудность исполнять их в точности заставляла искать и ожидать помощи от Искупителя, который один мог снять с человека осуждение закона, один мог умиловать правду Божественную, – и обрядовой стороной. Ибо ветхозаветные жертвы, не очищая грехов сами по себе, служили только напоминанием их (см. Евр. 10, 3–4), а вместе

прообразовали ту великую жертву, которую Христос принес на Кресте, и питали веру в силу ее.

Фарисей, изображаемый в притче, как видно, далек был от мысли о своей виновности пред Богом и, следовательно, о нужде для него искупления. Иначе он пожелал бы явиться пред Богом в храме Его не с одной благодарной молитвой, а вместе с мольбой о помиловании. «Не вниди в суд с рабом Твоим, сказал бы он с праведным Давидом, – яко не оправдится пред тобою всяк живой» (Пс. 142, 2).

Но какая противоположность фарисею в лице мытаря, которого осудил фарисей!

Мытарь, быть может, действительно был причастен к тем грехам, в которых неповинным исповедовал себя фарисей. Но он угодил Богу именно теми духовными расположениями, которых не доставало фарисею. Войдя в храм, мытарь стал вдалеке, не смел очей поднять на небо, бил себя в грудь и говорил: «Боже, милостив будь мне грешнику!» И такое чувство виновности и недостойности пред Богом, сознание нужды в Его милосердии и упование единственно на Его милосердие – вот чем мытарь угодил Богу, вот за что он вышел из храма в дом свой оправданным более, чем фарисей (см. Лк. 18, 14). Но для мытаря ли одного утешительно помилование, оказанное ему? Нет, оно всегда было и будет утешительно для всех, подражающих мытареву смирению. Ибо «всяк возносясь смирится, смиряя же себе вознесется» – так заключил притчу Спаситель. В сем заключении идет речь о гордости и смирении не в общем, обширном смысле, но в отношении к оправданию. Так, в лице фарисея осуждено горделивое мнение о своей праведности, о своих мнимых заслугах пред Богом, осуждены поистине «безумные глаголы» самохвальства и презрения к ближним; в лице же мытаря превознесено смирение, самоосуждение или та духовная нищета, возлюбившие которую сознают свое недостойство и виновность пред Богом и ожидают оправдания единственно от милосердия Божия, за что и убажуются Спасителем.

Осужденный Господом Иисусом фарисейский дух самовосхвалений и гордости, к сожалению, живет и в

христианском обществе. На самой исповеди многие вместо того, чтобы приносить мытареву покаяние, почти повторяют слова фарисея, говоря: я никого не убил, не ограбил, не украл, жены ни у кого не отнял, и нередко выражают желание, чтобы духовник о других грехах и не спрашивал их, как будто все прочие грехи, какие есть у них, так незначительны в сравнении с грехами против 6-й, 7-й и 8-й заповеди, что и помнить их, и каяться в них не стоит. Как будто и грехом они не почитают нарушение прочих заповедей, – как будто и знать не хотят, что даже теми заповедями, исполнением которых они похваляются, воспрещаются не одни грубые грехи, которых удалось им избежать, а и другие многочисленные, сродные, по учению Спасителя в Его Нагорной беседе и по катехизическому толкованию, с грубыми. Как будто дело в том только, чтобы не делать известных грехов, а не вместе в том, чтобы упражняться в противоположных им добрых делах, упущение которых не менее грешно, чем грубое незаконное действие. Как будто они должны отвечать пред Богом за одни грубые греховные дела, а не вместе с ними за греховные мысли и расположения.

Иногда также приходится слышать на исповеди самодовольное фарисейское восхваление себя за соблюдение постов, за жертвования в храм, выражение сокрушения по поводу нечаянного употребления скоромной пищи в постный день, без малейшей, однако, скорби о пренебрежении важнейшего в законе: правосудия, милости и верности долгу (см.: Мф. 23, 23).

Душа, виновная в подражании фарисею, бойся его самохвальства, чтобы не быть осужденной вместе с фарисеем, и возлюби мытареву смирение; беспощадно осуди себя пред Господом во всех твоих винах пред Ним и скажи Ему: «Очисти мя, Спасе, очисти, яко мытарь вопию, никтоже бо сущих из Адама якоже аз согреших Тебе». Вместе с Павлом пусть каждый из нас исповедует себя первым на свете грешником (см. 1Тим. 1, 15).

Столь строгий суд о себе может показаться несправедливым только тому, кто судит о своем поведении по сравнению с поведением других людей, а не с требованием

закона. Требования закона Божия так высоки, заповедь Господня так широка, что не найдется на земле ни одного праведника, который бы, положив руку на сердце, мог сказать о себе, что он исполнил все, чего требует от него воля Божия, что достиг высоты нравственного совершенства, указанной ему Богом: «будьте святы, как... Бог свят» (см. Лев. 19, 2), «будьте совершенны, как Отец Небесный совершен» (см. Мф. 5, 48). Этот идеал совершенства недостижим ни для кого. И чем выше тот, кто поднимется на пути к нему, тем яснее он убедится в ничтожестве своих успехов: область достигнутых им успехов в стремлении к предуказанному ему нравственному совершенству покажется ему слишком незначительной в сравнении с тем, чего ему еще предстоит достигнуть.

Он скажет себе и исповедует перед другими: я еще и не начинал идти путем спасения, как действительно сказал один великий подвижник перед смертью. Он не станет ободрять себя тем, что все же он лучше, нравственнее многих людей. Своего превосходства перед другими людьми он совсем не признает ввиду той совокупности совершенств, которой он не достигнул, хотя обязан стремиться к достижению ее, – и с полнейшей искренностью скажет: я первый из грешников, ибо что я далек от нравственного совершенства, это я знаю, а что другие хуже меня, этого не могу утверждать. Они хуже меня в одном отношении, а в другом, может быть, лучше меня.

В таком смиренном, беспощадном самоосуждении заключается главное условие к преклонению Бога на милость, ибо и перед человеческим судом вина смягчается, когда в ней признаются. Это, впрочем, не значит, что грешник смело, без страха наказания, может проводить греховную жизнь в надежде помилования и оправдания, если он смиренно будет осуждать себя пред Богом. Искреннее смирение всегда соединяется с искренним желанием освободиться от тех недостатков, в которых сознаемся, и с деятельным стремлением к совершенству. Так бывает во всяком роде деятельности: успехи в науках, в искусстве, в жизни общественной всегда бывают плодом смиренного сознания, что мы далеки от совершенства в

усвоении истинного, прекрасного, полезного, что нам следует трудиться больше и больше для достижения этих целей.

Подобно этому и в нравственном отношении смирение служит побуждением к преспеянию в жизни святой и богоугодной.

Примером может служить апостол Павел. Он по смирению называл себя первым грешником, хотя всякому известно, что он был величайшим праведником. Потому-то он совершил столь изумительные подвиги самоотвержения, любви к Богу и ближним, что почитал себя первым грешником. Если бы он не обладал великим смирением, если бы он самодовольно взирал на пройденный им путь, он не прославился бы столько на поприще апостольского служения и духовного подвижничества.

Итак, с мытаревым смирением соединяй ревность к подвигам жизни святой и богоугодной. Только при этом условии твое смирение будет богоугодно, покаяние спасительно.

Глава 68 Пастырь и агнец

Ты еси Пастырь добрый, взыщи мене агнца, и заблудшего да не презриши мене.

При чтении этого стиха надобно иметь в виду Евангельскую притчу о заблудшей овце. В этой притче Господь Иисус выразил ту мысль, что грешник кающийся дороже Ему гордых праведников и что Он пришел привести не этих праведников, а грешников к покаянию. Для наглядного выражения этой мысли Господь в сказанной притче представляет Себя в образе пастыря, который, потеряв одну из сотни своих овец, ушедшую из стада, бросает в пустыне девяносто девять, ищет ее и если найдет, берет ее с радостью на плечи и, пришедши домой, к участию в своей радости о найденной овце приглашает друзей и соседей (см.: [Мф. 18, 13](#)). «Глаголю вам, – заключает притчу Спаситель, – яко тако радость будет на небеси о едином грешнике кающемся, нежели о девяноста и девяти праведниках, иже не требуют покаяния», то есть о мнимых праведниках, самодовольно почитающих себя праведниками и не нуждающихся в покаянии (см. [Лк. 15, 7](#)).

Все черты притчи глубоко трогательны. Овца заблудшая и обретенная – образ грешника, взысканного благодатью и спасенного. И какой выразительный образ! Овца, убежавшая из стада, скрывшаяся от надзора пастуха, есть самое жалкое животное. Она подвергается опасности попасть туда, где нет ни корма, ни воды, затеряться в непроходимой лесной чаще или в тущобе и сделаться добычей хищного зверя.

Подобно сему и душа, удалившаяся от Господа, Источника истины и благодати, есть несчастное существо: она обрекает себя в жертву всякого рода заблуждениям, подвергается владычеству страстей, терзающих своих рабов пуще лютого зверя, делается легкой добычей духовного льва – дьявола, всюду ищущего, кого бы поглотить. Но чем жальче положение души, удалившейся от Господа и блуждающей по распутиям греха, тем трогательнее попечение о ней Господа. Подобно пастуху, который, заметив пропажу одной овцы, оставляет свое

стадо и идет искать заблудшую, милосердый Пастырь души тщится спасти от гибели падшую душу. Он преклонил Небеса, где служат Ему тьмы верных Ему овец, – святых Ангелов, сошел на землю для того, чтобы обрести заблудшую овцу – род человеческий. Сего мало, Он и по совершении дела искупления крестной смертью, воскресением и вознесением на Небо продолжает с высоты святой Своей призирать на каждого грешника, удалившегося от указанных ему путей спасения.

Какие же Он употребляет средства, чтобы спасти грешную душу, блуждающую на путях гибели? Он зовет ее к Себе то кротким, то иногда грозным голосом. Он старается внушить ей, как опасно ее положение, через совесть, через писанное слово Свое, через пастырей Церкви, через беседы людей опытных в духовной жизни, через обстоятельства жизни – благоприятные, располагающие к благодарности Богу, или неблагоприятные, располагающие к смирению и покаянию.

Как поступает небесный Пастырь с душой, откликнувшейся на Его зов? В притче о заблудшей овце сказано, что пастырь, если найдет ее, берет на свои плечи с радостью. Овца от долгого блуждания утомилась и не в состоянии следовать за пастухом, – и вот он сам несет ее домой. Подобно сему поступает Господь, когда обретает заблудшую душу. Она обнаружила уже готовность идти за Пастырем, ей нужно теперь начать подвиги покаяния. Но на первых порах для нее трудны эти подвиги, нелегко вдруг расстаться с прежней жизнью в удалении от Бога и от духовного стада. И вот, милосердый Пастырь облегчает ей этот труд Своей укрепляющей благодатью. Призывая к Себе всех труждающихся и обремененных греховной ношей, Он обещает упокоить их. И Его обещание нелегко. Стоит только грешнику остановиться на пути греха и гибели и сделать первый шаг назад, и ему готова помощь в дальнейшем движении. Он уже не один пойдет по новому пути, а с Христом-Пастырем; будет преткаться и падать, – Христос будет брать его на Свои рамена, ободрять и утешать его, посылать в его сердце умиление и радость в молитве, благословлять победой над искушениями, делать для него нечувствительными даже внешние страдания.

В притче о заблудшей овце сказано, что пастырь, нашедши ее, не только сам радуется о ней, и притом более, чем о девяноста девяти незаблудившихся, но приглашает еще друзей и соседей разделить с ним радость. Но если так радуются на земле по случаю отыскания бессловесной твари, то не наипаче ли радуются на Небесах по случаю обретения и спасения заблудшего разумного существа? Радуется о нем Пастырь душ, а с Ним не могут не радоваться Его друзья и соседи, – небожители, присно близ Него живущие на Небесах. Любящим свойственно принимать к сердцу все, что радует и огорчает любимого. Кто же больше небожителей любит Господа? Могут ли они не радоваться по самой любви к заблудшему и потом обретенному любовью Господа грешнику? Только злым, как современные Христу враждовавшие против Него книжники и фарисеи, свойственно относиться безучастно к судьбе ближнего. Добрым же и святым свойственно радоваться с радующимися и плакать с плачущими.

Но почему же на Небесах радуются больше об одном покающемся грешнике, чем о девяноста девяти праведниках? Не справедливее ли за них больше радоваться? Но какие это праведники разумеются в притче? Это, по словам притчи, не имеющие нужды в покаянии. Истинные ли они праведники? Нет, истинные праведники, пока живут на земле, всегда имеют и чувствуют нужду в покаянии. Нет ни одного праведника, который бы признавал себя чуждым греха. Безгрешных на земле нет. Стало быть, девяносто девять праведников, о которых идет речь в притче, суть мнимые, фальшивые праведники, гордые сознанием, будто в нравственном отношении они несравненно лучше прочих, будто своими делами они вполне заслужили благоволение Божие. Им ли чувствовать нужду в покаянии? О таких праведниках не радоваться, а скорбеть остается. Они далеки от спасения, потому что далеки от покаяния. Скорее раскается величайший грешник, самой крайностью своих греховных безобразий приводимый к сознанию своей виновности, чем они.

Грешная душа! Не узнаешь ли себя в заблудшей овце Евангельской притчи? Спроси себя, не удалилась ли ты

своевольно с пажитей, на которых пасутся верные Пастырю Христу овцы Его духовного стада? Не пренебрегла ли духовной пищей, которой питает их Христос, – учением истины и благодатью Святых Таинств? Не блуждаешь ли вдали от стада Христова, по горам высокоумия и гордости? Не запуталась ли в дебрях мирской суеты? Не погрязла ли в смрадном болоте чувственных наслаждений, куда завлекло тебя желание чем-нибудь наполнить мучительную пустоту, оставшуюся в тебе после отчуждения твоего от Бога? Не гибнешь ли ты в разбойничьем вертепе нечестивых и порочных сообществ? Не идешь ли путем, ведущим прямо в ад? Не посетил ли тебя враг спасения?

Горе тебе, грешная душа, если не остановишься на избранном тобой пагубном пути! Остановись, пойми, как пагубно твое положение, и поспеши откликнуться на голос Пастыря Христа, зовущего тебя ко спасению, – скажи на зов Его благодати: «О Пастырь добрый! Виновата я пред Тобою, убежав от Тебя на страну далече. Я готова к Тебе возвратиться; взыщи меня Твоим милосердием и не презри меня заблудшую, а теперь кающуюся». Своим покаянием ты обрадуешь не только Его, но и всех небожителей.

Глава 69 Драхма

Аз есмь, Спасе, юже погубил [п](потерял) еси древле царскую[п] (с царским изображением) драхму; но вжег светильник, Предтечу Твоего, Слове, взыщи и обрящи Твой образ.

Погребох [п](помрачил) первого образа доброту, Спасе, страстьми, юже, якоже иногда драхму, взыскав обрящи.

В основании этих стихов Великого канона положена притча Христа Спасителя о потерянной драхме, небольшой серебряной монете в 15 копеек, с царским на ней изображением.

У одной женщины было 10 драхм. Одну из них она потеряла. Сумма небольшая, но женщине жалко лишиться ее. И вот она зажигает свечу, метет комнату и тщательно ищет в сору затерянную мелкую монету, пока не найдет ее. Ей удается отыскать ее; она радуется и созывает подруг и соседок, чтобы с ними поделиться своей радостью. «Так, говорю вам, – заключает притчу Господь, – бывает радость у Ангелов Божиих об одном грешнике кающемся».

Цель притчи одинакова с целью притчи о заблудшей овце. Эта цель состоит в том, чтобы показать, как дорого пред Богом и Ангелами обращение грешника и почему Господь так заботится о грешниках. Под образом женщины, потерявшей и нашедшей драхму, представляется Сам Господь Иисус, с материнской заботливостью взыскующий погибающую душу. Под драхмой, украшенной изображением царя, разумеется душа, украшенная образом и подобием Божиим, и через то по самой природе возвышенная перед всеми земными тварями.

Как носитель образа Бога Вседержителя, человек поставлен царем и владыкой над ними: ему отдана во власть вся земля, со всеми земными тварями. Но человек не сохранил своего достоинства. Самоугодие и страсти помрачили в нем черты образа Божия, и тот, кто по силе запечатленного в нем образа Божия умален немногим чем перед Ангелами, уподобился скотам несмысленным. Скот знает одни физические потребности, – он не имеет разума, чтобы разуметь Творца, – не

имеет духовного чувства, чтобы умиляться при виде дел Божиих, запечатленных в творении, – не имеет совести, чтобы отличать добро от зла, и потому если убьет человека, не поймет, что это – злодеяние.

До подобного состояния доходили, или, по крайней мере, близки были к нему люди, жившие плотской жизнью, так что было в истории человечества время, когда Сам Господь назвал их плотью по отсутствию в них признаков духовной жизни (см. Быт. 6, 3). Самая религия у большей части языческих народов носила плотский характер, требуя от людей одних телесных действий благочестия. Человек погибал, но Господь сжалился над Своим созданием, ниспадшим с высоты богоподобия до скотоподобия, все же, однако, не утратившим человеческой природы. Образ Божий затмился в душе человека, как затмевается изображение на запачканной и потертой монете, но еще не уничтожился.

И вот, Сам Единородный Сын Бога Отца, сый Сияние славы Его и точный Образ Существа Его, для обновления образа Божия в человеке снисходит с неба на землю и взыскует погибающее создание с такой же заботливостью, с какой женщина отыскивает потерянную драхму. Для обретения духовной драхмы Он не жалеет никаких усилий и жертв, – даже кровь Свою проливает за нее на кресте. Но прежде, чем принести эту бесконечной цены жертву, Он, подобно женщине, ищущей со свечой драхму, вносит свет Своего учения в ту духовную тьму заблуждений и пороков, в которую погружена была душа. Она отпала от истины, составляющей необходимую черту образа Божия, состоящего «в праведности и святости истины» (см. Еф. 4, 24). И вот Господь, восстанавливая в человеке первоначальный образ, озаряет его светом истины. Он проповедует ее во все время общественного Своего служения. Но еще до вступления Его в это служение Ему предшествует с проповедью покаяния и светом ее приготавливает к принятию Его людей, ходивших во мраке лжи и пороков, святой Иоанн Предтеча. Он был поистине «светильником горящим и светящим среди этого мрака (см. Ин. 5, 35), и яркостью своего света разрежал этот мрак, и указывал им путь к выходу из него.

Крестная смерть Спасителя, сходявшего даже во ад для обретения погруженной в глубине его драхмы, увенчала дело спасения человека. Ради этой искупительной смерти дарованы человеку все благодатные силы и средства для обновления его по образу Создавшего его и для избавления от вечной гибели. Но, к сожалению, грех и страсти снова помрачают в нас образ Божий, в который мы облакаемся со времени крещения. Новый человек, каким каждый из нас стал через это Таинство, с течением времени уступает в нас место ветхому, так что иной раз трудно отличить христианина от язычника, трудно отыскать в нем черты образа Божия, как трудно отыскать мелкую монету, затерявшуюся в куче пыли и сора и вдобавок почерневшую от грязи.

О, грешная душа, погубившая первого образа доброту, поспеши покаянием обновить в себе эту доброту. Для покаяния требуется прежде всего сознание своей виновности, тяжести своих грехов. А оно достигается через поставление себя перед зеркалом закона Божия, через рассмотрение своего нравственного состояния в свете этого закона. Люди, закосневшие во зле, боятся этого обличающего их света. Не подражай их примеру, не бойся, а желай обличений, как бы они ни были строги, какими были обличения Иоанна Предтечи, называвшего приходивших к нему на крещение «порождениями ехидны». Смирись перед его суровым голосом, даже проси Христа Спасителя, чтобы Он Сам Своей благодатью проложил путь к твоей совести обличениям великого проповедника покаяния, заставил тебя откликнуться на них вздохом сердечного сокрушения. Люди, сбившиеся с дороги в ночной тьме, могут погибнуть без вести, но спасаются, как скоро заметят вдали свет и дойдут туда, где видят этот приветный свет.

Проповедь Иоанна Предтечи о покаянии пусть послужит не только к твоему обличению, как светом обличаются дела тьмы, но вместе к твоему утешению и умиротворению, – пусть пробудит в тебе радостное чувство, что ты не погиб, а узрел путь спасения, что ты уже не потерянная, а обретенная драхма.

Глава 70 Заблудший сын

Богатство мое, Спасе, изнузив [п](расточив) в блуде, пуст [п](я чужд) есмь плодов благочестивых [п](благочестия), алчен же зову: Отче щедрот, предварив, Ты мя ущедри [п](поспеши умилосердиться надо мною).

Урок покаяния, содержащийся в этом стихе, заимствован из Евангельской притчи о заблудшем сыне. Она имеет одинаковый смысл с притчей о добром пастыре и потерянной драхме. Она изображает величайшее милосердие Божие к кающемуся грешнику, как бы ни было глубоко его падение.

Притча о заблудшем сыне в первой половине своей изображает, до какой глубины падения может довести человека грех. Некто имел двух сыновей. Младшему из них не захотелось жить в доме отца. Он испрашивает у отца положенную ему в наследство часть имущества, удаляется в чужую сторону, здесь расточает его, живя распутно и роскошно, подвергается голоду, пристаёт к одному из тамошних жителей, пасет его свиней; но ему не дают даже свиного корма.

Вот наглядный образ того, как начинается нравственное падение и в какую бездну зла оно ввергает грешника. Начинается с того, что человек тяготится зависимостью от Бога, своего небесного Отца, порывается жить по всей своей воле и присваивает себе право, полученное от Бога богатство даров Его, душевных и телесных, употреблять самовольно, без всякой мысли об отчете пред Богом в употреблении их. Затем он удаляется от Бога мыслями, желаниями и делами, перестает молиться Богу, внимать слову Его, освящаться Таинствами. Чем же он теперь наполняет свою жизнь вдали от Бога? Что заменяет для него благо общения с Богом? Общение с Богом он меняет на общество людей развратных и нечестивых; духовные радости и утешения, почерпаемые в религии, – на грубые и чувственные наслаждения, мечтая найти в них счастье. Сбываются ли его мечты? Находит ли он счастье там, где думал найти его в состоянии удаления от Бога? Нет, он жестоко обманывается в своих расчетах. В погоне за мнимым счастьем

он расточает богатство душевных и телесных сил. По душе он становится скотоподобным существом, ибо заглушены в ней духовные потребности и господствуют одни мирские и плотские привязанности; по телу он делается преждевременно дряхлым. Грешник, полным ртом поглощавший чувственные удовольствия, начинает испытывать мучительное состояние душевного голода. Они только на время могли насытить и удовлетворить душу, созданную для жизни в общении с Богом.

Затем неизбежно овладевает им разочарование, уныние, тоска, томительное чувство пустоты душевной. В этом состоянии он делается легкой добычей дьявола. Князь мира сего поработывает своей тяжелой власти грешную душу, свергшую с себя спасительные узы покорности Господу, и заставляет ее «пасти свиней», то есть подвергает ее крайнему позору и уничтожению, о силе которого можно судить по сравнению с положением иудея, имеющего отвращение к свиньям и, однако ж, силой принужденного пасти их. В чем же состоит этот позор и уничтожение грешника, попавшего в дьявольские сети? В том, что он, утратив совершенно духовную свободу, продолжает питать чувственные скотские похоти даже тогда, когда сам чувствует их гнусность и проклиная их. Вдобавок, его презирают подобные ему грешники.

Таково бедственное положение, до которого может довести человека грех. Из этого положения возможны два исхода: или отчаяние и вечная погибель, или обращение к Богу. Во второй половине Евангельской притчи изображается исход последнего рода. Заблудший сын крайностью своего положения приведен был к раскаянию, – пришел в себя, вспомнил, сколько наемников у отца его живут в довольстве, тогда как он, родной его сын, гибнет от голода, и решил вернуться к отцу, исповедать перед ним свою вину и проситься в наемники к нему, ибо не достоин уже называться его сыном. Решился и пошел к отцу. Отец, увидев его издали, сжалился над ним, вышел навстречу ему, обнял его, поцеловал и, не дав ему договорить покаянную речь, приказал рабам своим облечь его в лучшую одежду, дать ему перстень на руку и сапоги на ноги, заколоть тучного тельца и устроил пиршество, чтобы все

радовались. Но не рад был старший сын; он позавидовал младшему, удостоенному такой чести после того, как он расточил имение отца с развратными людьми, и свое недовольство высказал отцу. Добрый отец сказал ему: надобно же было порадоваться о том, что брат твой был мертв и ожил, погиб и нашелся.

Пример обращения заблудшего сына достоин подражания для каждого грешника. Подражающие заблудшему сыну в грехах пусть подражают ему и в покаянии. Уже то одно, что грех не дает душе мира и покоя, как не нашел мира и счастья заблудший сын в распущенной жизни, должно возбуждать в грешнике отвращение ко греху, а возбужденное отвращение, как оно возбуждено в заблудшем сыне, должно расположить его к решимости сойти с пути, которым до сих пор шел. Пусть никто из идущих этим путем не говорит: я пропащий человек, я слишком далеко зашел по пути греха, мне поздно каяться, мне одна дорога – в ад. Только для диавола и ангелов его, в продолжение тысячелетий укоренившихся во зле и в ненависти к Богу, невозможно покаяние. Человек, пока жив, пока Бог терпит его грехам, не исхищая его из среды живых, всегда может обратиться к Нему, всегда может остановиться на пути погибельном. Пусть только он, подобно заблудшему сыну, придет в себя, трезво рассмотрит и обсудит свое жалкое нравственное положение и поймет, что если не покается, ему остается только погибнуть; пусть сжалится над собой и для укрепления в себе покаянного расположения пусть вспомнит об Отце Небесном и неизречимой Его благодати ко всем людям, особенно к верующим во Христа, пролившего за них кровь Свою, сущим в Святой Его Церкви, хотя бы последние служили Ему не с чистой сыновней любовью, а из одной надежды на воздаяние («наемники»).

Дав место в своей душе этим спасительным размышлениям, пусть он не откладывает своего обращения и тотчас же приступит к Отцу Небесному со смиренным исповеданием своей вины и недостойности, пусть скажет Ему: согрешил я, Отец Небесный, на Небо и пред Тобою своеволием и неблагодарностью. Видишь, как я жалок и окаянен. Богатство

даров Твоих я расточил в блуде, – в жизни беспутной. Она приземлила мой ум, помышляющий только об одних плотских и земных предметах, притупила во мне чувствительность к духовным радостям и скорбям, расслабила мою волю, помрачила мою совесть; расстроила телесное здоровье. Я стал «пуст плодов благочестивых». Вместо благочестия, страха и любви к Тебе в сердце моем водворилось нечестие, богозабвение. Только теперь начинаю вспоминать о Тебе. Но это воспоминание, это размышление о Тебе покуда бесплодно, – я начинаю обращаться к Тебе одними мыслями, но дел или плодов покаяния еще не имею. Один голод душевный, одно невыносимое ощущение душевной пустоты и томления, оставленного во мне плотоугодием, привело меня к Тебе. В этом состоянии, в состоянии духовной алчбы («алчен»), взываю к Тебе: «Отче щедрот, поспеши ко мне», как отец поспешил навстречу заблудшему сыну, и «умилосердись надо мною».

Так должен начать свое обращение каждый грешник, подобный заблудшему сыну, и милосердный Господь, не желающий смерти грешника, но его обращения и спасения, не прогонит приходящего к Нему с верой и покаянием, но примет его с любовью, как принял блудного сына отец. Он заключит кающегося в Свои Отеческие объятия и покажет ему самые трогательные знаки благоволения к нему. Грешник утратил дары благодати, полученные им в Таинствах. Отец Небесный через служителя Таинств возвратит их ему: через Таинство Покаяния, как через второе крещение, возвратит кающемуся утраченную им после первого крещения сыновнюю одежду оправдания Христова; обновит в нем обручение Святого Духа (см.: 2Кор. 1, 22), положенное в сердце его в Таинстве Миропомазания, но грешником пренебреженное, и укрепит стопы его к твердому хождению по пути заповедей. В Таинстве Причащения напитает Его Телом и Кровью Божественного Агнца, закланного за грехи мира.

И будет тогда радость о помилованном грешнике на небе и у истинных христиан на земле. Ее не разделяют только фарисеи, гордые мнимой своей праведностью и недовольные прощающей и милующей грешников любовью Отца Небесного.

Глава 71 Милосердный самарянин

В разбойники впадый аз есмь помышленьми моими[п] (устремились на меня помыслы, как разбойники), весь от них уязвихся ныне, исполнихся ран, но Сам ми представ, Христе Спасе, исцели.

Священник, мя предвидев[п] (заметив) мимоиде, и левит, виде в лютых[п] (в беде) нага, презре: но из Марии возсиявый Иисусе, Ты, представ, ущедри (умилосердись) мя.

Гноение, Спасе, исцели смиренныя мояя души, едине Врачу: пластырь мне наложи, и елей, и вино, дела покаяния, умиление со слезами.

В основе этих покаянных стихов лежит Евангельская притча о милосердом самарянине. В этой притче дан ответ одному законнику на его вопрос: кто ближний мой? Иудеи признавали ближними только единоземцев и единоверцев; прочих они чуждались и презирали. Особенно они гнушались самарянами, хотя между самарянами были люди достойные уважения и сочувствия по их нравственным качествам. Таковым именно является самарянин в притче Спасителя. Один путник шел из Иерусалима в Иерихон. На дороге на него напали разбойники, ограбили его, изранили и оставили еле живым. Священник и левит, служители Бога Израилева, проходившие той же дорогой, заметили его, но прошли мимо, не подав ему помощи. Помощь оказал ему самарянин, проезжавший той же дорогой. Заметив его, он пренебрег опасностью нападения разбойников, остановился, подошел к несчастному, перевязал ему раны, возливая на них масло и вино, потом посадил его на своего осла, привез в гостиницу и стал ухаживать за ним. На другой день, отъезжая, поручил попечение о больном хозяину гостиницы, оставил ему на необходимые издержки деньги и сказал: «Если больше издержишь, я отдам тебе, когда возвращусь».

Законник, выслушав притчу, должен был согласиться, что милосердый самарянин более заслуживает имени ближнего, чем двое иудеев, и при том не простых иудеев, а служителей

храма, не принявших участия в несчастном, ограбленном и изувеченном разбойниками. Таков ближайший смысл притчи. Но она имеет и другой, высший смысл: именно в ней изображается жалкое состояние падшего человека и искупление его через Иисуса Христа.

Человек, идущий из Иерусалима в Иерихон, – это грешник, осужденный по изгнанию из Рая на бедственное странствование в земной юдоли. Жизнь его вне Рая, где он, если бы оставался верен Богу, вечно мог бы блаженствовать, стала походить на путь из Иерусалима в Иерихон. На сем пути сторожат путешественника разбойники. И каждый грешник, удаленный от райской жизни, должен исповедать: «Как разбойники, устремились на меня помыслы». Бог создал человека правым, но люди взыскали помыслов многих (см. Еккл. 7, 30). Правота человека состояла в том, что истинное свое благо поставляя единственно в общении с Богом, он стремился к этому общению всеми силами души, прилепляясь к Нему верой, надеждой и любовью. Но от этого общения с Богом отвлекли его помыслы многие. Бог перестал быть средоточием его мыслей и стремлений. В душе его возобладала мысль, нельзя ли помимо Бога найти источник блаженства. От богоугождения он обратился к самоугодию. Из самоугодия возникли плотоугодие, пристрастие к земным стяжаниям, гордость. Мысль человека рассеялась по множеству земных предметов, ища в них пищи для самоугодия. Но ничто земное не может насытить душу, созданную для общения с Богом. Вне этого общения для нее не может быть мира, довольства и счастья. Боримая и терзаемая страстными помыслами, словно разбойниками, она испытывает от них не менее острую боль, как от телесных ран, нанесенных разбойниками. Чувство пустоты душевной, сопутствующей удовлетворению страсти, жажда новых греховных ощущений, тревоги совести, душевная боль, чувствуемая каждый раз от сторонних вразумлений и обличений, озлобление против обличителей, прикасающихся к больному месту, к зияющим греховным язвам, – все это отравляет жизнь грешника, но вместе с тем располагает к покаянию.

«Несть мира в костях моих от лица грех моих... Возсмердша и согниша раны моя от лица безумия моего» (см. Пс. 37, 4–6). Эту исповедь вслед за кающимся Давидом должен повторять каждый грешник, с ног до головы покрытый ранами греховными. Подобно Давиду, он должен восчувствовать гнусность и зловонность их и поискать исцеления их, если не хочет погибнуть от них. Где же он найдет желаемое исцеление? В одном Христе.

Священник и левит прошли мимо избитого разбойниками, оставив его без помощи. Это значило, что данные через Моисея нравственные и обрядовые законы, служителями которых были ветхозаветные священники и левиты, не могли исцелить и спасти грешника. Закон Моисея был только руководителем к вере во Христа. Нравственные заповеди этого закона служили только к познанию греха, возбуждали сознание виновности пред Господом, чувство бессилия в борьбе с грехом и нужды в божественной благодатной помощи. В этом их главное назначение. Жертвы, предписанные законом обрядовым, сами по себе тоже не были спасительны, – они только предуказывали Христову жертву, воспитывали веру в ее искупительную силу. Невинные животные, приносившиеся в жертву за вину человека, предызображали Агнца, непорочного и пречистого Христа, пролившего Свою кровь за порочных и нечестивых. Верой в Него и спасались все ветхозаветные праведники. Их руководил ко Христу не только закон Моисеев, но и пророки. Пророческие откровения были отрадным светильником, сиявшим для них в темном месте и оживлявшим в них чаяние Христа, пока наконец из Марии Девы не воссиял в лице Иисуса полный свет истины и спасения. Христос сделал для спасения грешника подобное тому, что сделал милосердый самарянин для ограбленного и избитого разбойниками. С милосердием и состраданием самарянина Он послужил исцелению грешника, не возгнушался его греховных ран и нечистоты, но омыл их Своей Пречистой Кровью и умягчил благодатью Святого Духа (елей – образ благодати Святого Духа), открыл ему в Своей Церкви, как бы в гостинице, убежище и покой и, отходя с пречистой Своей плотью от земли на небо, поручил его попечению пастырей Церкви, от

которых во второе Свое Пришествие потребует отчет в том, как они воспользовались дарованным им полномочием и силами для врачевания душ, и за усердие воздаст им наследием Царства Небесного.

Таково безмерное милосердие к грешникам небесного самарянина, явленное в Его и всех подвигах для их спасения, подъятых Им в земной Его жизни. Его милосердие неизменно и до скончания века будет изливаться на всякого грешника. Грешнику остается только прибегнуть к Его милосердию, чтобы получить от Него исцеление. Для сего пусть грешник прежде всего сознает свою духовную болезнь, восчувствует опасность своего духовного состояния, возгнушается своими греховными язвами, нанесенными ему разбойниками, то есть злыми помыслами; пусть поймет нужду в духовном врачевании, а потом смиренно воззовет ко Христу, единому Врачу душ и телес: «Душа моя покрыта гнойными язвами, – я сам чувствую омерзение к греховному смраду. Приинки ко мне, единый Врачу, Своей исцеляющей благодатью и очисти ею душу мою от греховной нечистоты и смрада. Наложь на нее пластырь, вытягивающий гноение и затягивающий раны, – то есть даруй моей истощенной грехом природе силу постепенно освобождаться от них и заглаждать их «делами покаяния». Но для полноты покаяния потребны не одни внешние дела, одно внешнее воздержание от прежних грехов; потребно еще внутреннее покаянное настроение, сердечное умиление или сокрушение, скорбь и слезы о грехах, – так чтобы дела, внешние подвиги покаяния были плодом, проявлением господствующего в душе настроения. Если от сердца исходят помышления злые и слова и дела преступные, то от сердца же, как от корня, должна исходить ревность к исправлению и благоустроению внешнего поведения. Но как достигнуть сердечного умиления и скорби о грехах? С нашей стороны к сему потребно удаление от мирской суеты, самоиспытание, размышление о смерти, о Страшном Суде и геенне, также о многообразных и бесчисленных милостях к нам Господа, и заботливость об очищении сердца от пристрастия к земным благам и удовольствиям. Но больше всего для пробуждения и

поддержания в нас сердечного умиления и слез нужна благодать Божия. Поэтому зови, грешная душа, к Источнику благодати: «Ни слез, ниже умиления имам; Сам ми, Спасе, сия даруй». Умиление и слезы – то же, что и вино и елей на раны. Вино, возлитое на них, производит острое ощущение боли; елей умягчает ее. Даруй же мне, Господи, живо чувствовать душевную боль при мысли о грехах и вместе излей утешение в мое скорбящее о грехах сердце, чтобы мне не изнемочь под тяжестью этой скорби и не впасть в уныние и отчаяние.

Глава 72 Страшный Суд

Егда, Судие, сядеши, яко благоутробен, и покажеш страшную славу Твою, Спасе: о, каковый страх тогда, печи горячей, всем боящимся нестерпимого судища[н] (судилища) Твоего!

Судие мой и Ведче мой[н] (ведущий меня), хотяй паки прийти со Ангелы, судити миру всему, милостивым Твоим оком тогда видев мя, пощади и ущедри мя, Иисусе, паче всякого естества человека согрешивша.

Память Страшного Суда весьма спасительна в деле покаяния. Она способна пробудить от греховного усыпления беспечного грешника страхом вечной гибели, угрожающей ему после Страшного Суда, если он не обратится на путь покаяния, если в продолжение этой жизни пренебрежет долготерпением Божиим, ожидающим от него покаяния. «По упорству твоему и нераскаянному сердцу ты сам себе собираешь гнев (Божий) на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по делам его» (Рим. 2, 5–6). Праведное воздаяние каждому по делам его начинается непосредственно по разлучении души с телом. «Лежит человеку единою умерти, потом же суд» (Евр. 9, 27). На этом суде праведникам даруется блаженство, грешники же не раскаявшиеся, или не успевшие явить плоды покаяния приговариваются к адским мучениям. Но до соединения души с телом, то есть до общего воскресения, ни праведники не чувствуют полного блаженства, ни грешники не терпят совершенного мучения. Ибо те и другие после частного Суда получают воздаяние только покуда по одной душе, а не вместе по телу, хотя и тело разделяло с ней дела ее, добрые и злые. Полное блаженство и полное мучение возможны только для полного человека, состоящего из души и тела. Таким образом, частный Суд по смерти каждого не есть полный. Притом он не есть решительный, ибо для грешников, осужденных на мучение, остается еще возможность получить облегчение в страданиях и даже вовсе освободиться от них по молитвам Церкви, если только они перешли в загробную жизнь

в общении с Церковью и перед смертью положили начало покаяния.

Полное и окончательное воздаяние каждому по делам его ожидает нас в последний день мира, в день всемирного суда. Этот суд поистине будет страшен. Страшно будет самое явление Судии – Господа Иисуса Христа. Он приходил на землю для искупления людей, для примирения их с Богом. Он же вторично придет на землю судить живых и мертвых. Первое пришествие Его было уничижено, второе будет величественно и славно. Он явится на облаках небесных, – в том же человеческом теле, в которое облекся в первое Свое пришествие, но прославленном, светлом паче лучей солнечных, – окруженный сонмами Ангелов, сопровождающих Его как Царя своего и Бога, и сядет на Престоле Славы Своей. Явится тогда с Ним и знамение Его на Небеси, святой Крест, который в первое Его пришествие казался только орудием Его уничтожения, теперь же будет знамением окончательной победы Его над всеми врагами, и между ними над последним врагом – смертью, который после всех упразднится. Явление Бога во славе всегда возбуждало в людях страх и трепет перед Ним. Равно явление во славе Судии живых и мертвых не может не быть страшно для всех, кто предстанет на Суд Его: в одних это будет страх благоговения перед Его величеством, в других страх гнева Его.

Но еще страшнее будет самый суд. Никто не избежит его, никто не будет иметь возможности уклониться от него. По гласу Божию через звук трубы Архангельской пред страшное судилище Христово предстанут все люди, все племена земные, все умершие и оставшиеся в живых. Первые воскреснут на суд, последние предстанут на суд в таком теле, которое изменится, то есть подобно воскресшим получит вид тонкого и духообразного. Наряду с людьми предстанут на Суд и злые духи. Вслед за тем, как все соберутся, пред лицом праведного Судии последует отделение одних от других. Одни займут место по правую сторону Престола Судии, другие – по левую. Первые, то есть праведники, почувствуют величайшую радость, – ибо увидят благословение Божие к себе в самом отделении их от

нечестивых; последние, то есть нечестивые, исполнятся крайнего страха и стыда. Вслед за тем разгнутся судные книги с записанными на них делами каждого человека, добрыми и худыми, и не только делами, но и словами и самыми советами (сокровенными помыслами) сердечными, то есть во всей подробности выведены будут на свет эти дела, слова и помыслы (см. 1Кор. 4, 5). Не нужно будет тогда для оправдания одних, для обвинения других ни допросов, ни защитников и обвинителей: нравственное состояние каждого во всем свете откроется пред его совестью и перед всем миром.

Христианские подвиги, которые праведник совершал в тайне и над которыми при жизни его многие, может быть, глумились, получат тогда настоящую оценку: он тогда увидит, что пред очами Божиими не сокрыта была ни одна слеза раскаяния, записана у Господа даже чаша студеной воды, поданная во имя Его. Какой радостью и благодарностью исполнится тогда сердце праведника!

Но горе грешнику! Пред совестью его, которую он заглушал во время земной жизни, восстанут его беззакония во всей их мерзости: зависть, обман, ненависть, гнев, хищение, пьянство, плотские нечистоты, гордость, тщеславие, лицемерие, и покроют его стыдом, тяжесть которого увеличится от того, что весь мир узнает о них. В настоящее время многие согласятся лучше умереть, чем вынести обличение перед подобными себе. Какой же стыд и ужас поразит грешника, когда перед очами целого мира обнажатся все его преступления, которые он совершал безнаказанно на земле, успевая скрыть их от земного правосудия, его гнусные мысли и намерения, которых никто не подозревал здесь в его благовидных поступках, – когда личина лицемерия, которой он прикрывался перед ближними, снимется с него и он предстанет перед всеми во всем своем нравственном безобразии! Обличение, какому подвергнутся тогда нечестивые, будет для них так невыносимо, что в порыве отчаяния они будут вопиять горам и скалам: «Падите нас и сокройте нас от лица Седящего на Престоле...» (Откр. 6, 16). Но вопль их не будет услышан.

Уже в самом отделении одних от других на Суде каждый узнает участь свою, но окончательно она решена будет особым приговором Судии и Бога: «Приидите, благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира... Идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его» (Мф. 25, 34, 41). Исполнителями этого приговора будут Ангелы. Они отделят на Страшном Суде добрых от злых, как жнецы отделяют пшеницу от плевел, рыболовы – хорошую рыбу от негодной к употреблению. Они же водворят праведных в Царстве Небесном, а осужденных грешников ввергнут в «пещь огненную», в огонь вечный (см. Мф. 13, 42, 50). Как бы кто ни понимал эту печь, этот огонь, в буквальном ли смысле, или так, что и без вещественного огня осужденные грешники будут испытывать такое же мучительное чувство, как если бы они горели в сильнейшем вещественном огне, во всяком случае ничего нельзя представить ужаснее состояния их. Мучительно гореть живому в здешнем вещественном огне; но по сравнению с гееннским огнем здешний то же, по учению отцов, что огонь, написанный на картине, в сравнении с действительным. Притом здешний вещественный огонь, испепеляя вещество, ослабевает и погасает; но гееннский огонь, пожирая, в то же время питает жертву свою, сам питаясь ее нетлением, – жжет, но не сожигает (Тертуллиан и Златоуст). И такое состояние мучимых в огне будет вечно: огонь их не угаснет (см. Мк. 2, 42). Осужденные будут мучиться в нем «во веки веков» (см. Откр. 20, 10). Как блаженство праведников будет вечно, так вечны будут и муки нечестивых. До Страшного Суда еще возможно многим грешникам избавиться вечных мук, перейти из ада в Рай; но Страшный Суд тем-то преимущественно страшен, что на нем однажды навсегда решится участь грешников, что это решение бесповоротно. И грешно думать, чтобы оно было несправедливо. Не за что миловать того, кто всю жизнь прогневляет Господа грехами, упорным противлением Его святой воле. Господь умалил человека немногим чем пред Ангелами, а грешник уподобляет себя несмысленным скотам. Господь дал нам все, что нужно для просвещения, освящения и

спасения нашего, – разум и совесть, закон и благодать, Спасителя и Церковь, духовных вождей и примеры святого жития; а грешник все это презирает. Господь многообразными средствами, милостями и наказаниями, призывает грешника к покаянию в течение всей его жизни, иногда продолжительной, долготерпит ему, ожидая от него обращения; но грешник не внимает Его голосу, не внимает Его угрозам, что если не обратится, осужден будет на вечные муки. Грешник знает эти угрозы и только глумится над ними, подобно современникам Ноя. Итак, праведен Господь, и праведно осудит на вечные муки того, кто дерзко пренебрегает Его долготерпением, на Его любовь и милосердие отвечает возмутительной неблагодарностью и нераскаянностью.

Скоро ли, или нет, наступит день Страшного Суда, к нему всегда должно быть готовым. В чем состоит приготовление к нему? В том, чтобы всегда помнить его и памятью его удерживать себя от всего того, за что грозит вечное осуждение. Достигнуть успеха в сем деле ни для кого не легко. Потому день последнего суда должен быть страшен не только для грешников, но и для праведников, ибо нет ни одного истинного праведника, который бы вместе с апостолом Павлом не почитал себя первым из грешников, не исповедовал себя «паче всякого естества человека согрешившим», если только он будет судить о своем нравственном состоянии не по сравнению с жизнью других людей, но по требованиям закона Божия. Стать в уровень с этими требованиями, вполне осуществить их в жизни ни для кого не возможно. Потому и оправдания на Страшном Суде Христовом мы можем ожидать собственно не от дел наших, как бы они ни казались нам совершенны, но главным образом от милосердия Божия, привлекаемого живой и деятельной верой в искупительные страдания и смерть Богочеловека, за нас претерпенные.

Но когда настанет день Страшного Суда, тогда прибегать к сему милосердию будет поздно. Суд сей будет единственно откровением правды Божией, воздающей каждому смотря по тому, воспользовался ли он, и как воспользовался в земной жизни дарованными ему благостью Божией средствами

спасения. Итак, грешная душа, если не хочешь быть осужденной на Страшном Суде, поспеши отворотить это осуждение делами покаяния в настоящей жизни. Если хочешь, чтобы пощадил тебя праведный Судья на Своем Страшном Суде, умоляй Его об этой пощаде теперь, пока Он терпит твоим грехам, продолжая твою жизнь в этом мире в ожидании от тебя покаяния. Помни, что на Страшном Суде даже «праведник едва спасется, а нечестивый и грешный где явится?» (1Пет. 4, 18).

* * *

Дверь Твою не затвори мне тогда, Господи, Господи, но отверзи мне сию кающемуся Тебе.

Для надлежащего разумения сего покаянного стиха должно иметь в виду притчу Христову о домохозяине, не допускающем к себе в дом опоздавших гостей. Под домохозяином понимает Христос Себя Самого, под домом – Царство Небесное, под гостями – верующих в Него.

Наступит время Страшного Суда, и последует окончательное решение участи каждого. Одним откроется вход в Царство славы для вечного блаженного общения с Богом. Для других закроются двери Царствия. Напрасно они будут взывать: «Господи! Господи! Отвори нам. Он скажет им: Не знаю вас, откуда вы». Напрасно они станут напоминать Ему о своих прежних отношениях к Нему: «Мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты». Должно полагать, что под этим образом в притче представляются христиане только по наружности. Они внешним образом принадлежали к обществу верующих, соединялись с ними по временам в храме Божиим, причащались Святых Таин, особенно любили присутствовать в многолюдных праздничных церковных собраниях ("улицах") и здесь слушали слово Христово из Евангелия или из уст пастырей, но жизнью своей не походили на истинных христиан, по имени были христиане, по делам же язычники, если не хуже их, – каялись во грехах, но без сердечного сокрушения и без желания исправиться, – всю жизнь проводили в греховной беспечности, с ней перешли и в загробную жизнь. Им грозит осуждение непосредственно по смерти на частном Суде; но решительный Суд поразит их в день Второго пришествия

Христова. Христос, праведный Судия, окончательно отвергнет их тогда: «Не знаю вас... отойдите от Меня, все делатели неправды» (Лк. 13, 27). Пред людьми они могли казаться честными и даже праведными, потому что люди судят о других только по наружности, своей благовидностью легко могущей обмануть зрителя, – и только на Страшном Суде откроется перед всеми, что это были беззаконники. Их раскаяние не будет принято тогда – время для него упущено. Всю жизнь они злоупотребляли благостью и долготерпением Господа, призывавшего их к покаянию; им осталось пожать плоды своего упорства во грехах. Господь не отворит им двери Царствия, потому что они сами не отверзали дверей своего сердца для Его благодати, зовущей ко спасению (см. Откр. 3, 20). Помни это, грешная душа, и уготовляй себе вход в Царство Небесное делами покаяния: только кающемуся здесь отворены будут на Страшном Суде двери сего царствия.

* * *

Наг есмь [n](я остался вне) чертога, наг есмь и брака, купно и вечери [n] (лишился и брачной вечери), светильник угасе, яко безъелейный, чертог заключися мне спящу, вечеря снеседся: аз же по руку и ногу связан, вон низвержен есмь.

Урок покаяния в сем стихе заимствован из двух Евангельских притчей: о брачной вечере (см. Мф. 22, 2–4) и о десяти девах (см. Мф. 25, 1–13).

В притче о брачной вечере изображается отвержение иудеев и призвание вместо них в Царство Божие, то есть в Церковь Христову, язычников. Учредителем вечери является в притче царь, случаем к учреждению ее, брак Царского сына. Под царем разумеется здесь Бог Отец, под царским сыном – Единородный Сын Божий, под браком – воплощение Его, или теснейшее, подобно брачному, соединение в лице Иисуса Божества с человечеством. Духовные блага и радости – плоды воплощения Сына Божия – представляются под образом вечери, или пира в Царском Чертоге, знаменующем Церковь Христову, или Царство Христово, в котором верующие многоразличными средствами благодати приготавливаются к участию в Царстве славы.

Отвержение иудеев представлено в притче под образом сурового наказания тех, которые не приняли от царя приглашения на пир по случаю брака сына его. Иудеи неоднократно, – через пророков, Предтечу, Самого Христа и апостолов, приглашаемы были в Церковь Христову, но отказались войти в нее, и за то, что оскорбили и перебили тех, через кого получили приглашение, наказаны тем, что город их (Иерусалим) сожжен, и сами они были при этом перебиты. Вместо их призваны и вступили в Церковь язычники – хорошие и худые. Но те и другие соединены в Церкви только до тех пор, покуда она существует как Царство благодати, всех милующей и терпящей даже недостойных членов Церкви. В день Второго пришествия Христова Царство благодати прекратится и последует разлучение одних от других, решительное (ибо по смерти каждого оно не для всех решительно). Это разлучение в притче изображается так: когда гости собрались на пир, царь, устроивший его по случаю брака сына своего, пошел в пиршественное собрание и, заметив здесь одного из гостей не в брачной одежде, хотя тот получил ее от царя, – приказал связать ему руки и ноги, вывести вон из светлого чертога и ввергнуть в темничное заключение, место плача и скрежета зубов.

Не менее ужасна участь христианина, вступившего в Церковь Христову посредством Крещения, но не сохранившего дарованной ему в Крещении благодати оправдания, которая, как бы одежда, прикрывает нашу духовную наготу и укрывает от гнева Божия. Ему дарована возможность посредством покаяния возвратить сию благодать; но если он не пользуется этой возможностью, если живет не по-христиански, – он то же, что некрещеный, хотя принадлежит к обществу крещеных и вместе с прочими допущен к участию в молитвах и Таинствах Церкви, вместе с прочими присутствует на сем пиру духовном. Для истинного христианина это присутствие не менее вожделенно и радостно, как для подданного вожделенно и радостно честь присутствовать на царском брачном пиру. Но христианин только по имени нимало не дорожит тем, что радуется истинных христиан, не разделяет их духовной радости и к духовной

вечере относится с таким же пренебрежением, какое показал явившийся в царский чертог на пир не в брачной, пожалованной царем одежде. Последний был строго наказан за свою дерзость. Не миновать наказания и христианину, не дорожающему благодатью Божией, – ризой правды, пожалованной ему царем Богом в Крещении, и живущему в христианском обществе не по-христиански. Пусть Церковь не исключает его в сей жизни из числа своих членов, пусть терпит его в своих недрах наряду с истинно верующими. Он соединен с ними в Царстве благодати, но не будет дано ему вместе с ними место в Царстве славы. Царь Небесный на Страшном Суде осудит его на вечное заключение в адской темнице, где он вечно будет плакать от нестерпимой муки и скрежетать зубами от злобы на себя за то, что пренебрег в земной жизни средствами спасения.

Грешная душа, переносись почаще мыслью в положение человека, изверженного из светлого царского чертога во тьму кромешную, и говори себе: вот и я могу довести себя до подобной участи, если не позабочусь об умилоствлении Господа покаянием и исправлением себя. Помилуй Бог, если до самого конца земной жизни останусь в состоянии духовного нечувствия, – тогда я погибла навеки. Тогда придется увидеть, что «я» вне царского чертога, – то есть общества спасаемых, удалена «от брака и вечери», – то есть от радости и блаженства общения с Богом в Церкви Его. Я не ценила блага общения с Богом в земной жизни, – даже пренебрегала этим благом, и вот теперь оно совсем для меня недостижимо! Мне уже теперь невозможно вместе с прочими водвориться в Чертоге Славы. Я однажды навсегда удалена от него и лишена возможности поправить свое положение. Было время, когда от меня зависело спастись. Время это невозвратимо: «я связана по рукам и ногам», – свободы располагать собой уже не имею. Так должен размышлять каждый грешник ввиду угрожающей ему опасности быть низверженному в место плача и скрежета зубов. Пусть он почаще спускается в это страшное место мыслью, чтобы не попасть туда на действительные вечные муки.

Предостережение от той же опасности заключается также, по указанию рассматриваемого стиха, в притче о десяти девах:

«светильник угасе, яко безъелейный, чертог заключися мне спящу, вечеря снеседся.»

В этой притче изображается Второе пришествие Христово. Образ взят от жениха, ведущего свою невесту из дома ее отца в свой дом. Он приходит с ней к своему дому в полночь. Ожидавшие его прихода десять дев заснули, и разбужены громким криком: «Се, жених грядет!» Но не все из них готовы были встретить жениха. Его надобно было встретить с зажженными светильниками. Светильники были у всех десяти дев, но у пяти из них не достало елея для возжжения светильников. Елея взять было негде, поздние попытки достать его оказались безуспешными, и неразумные девы, не успев встретить жениха, как встретили его прочие подруги их, не были пущены им в дом его для участия в брачном торжестве.

На просьбу их: «Господи, Господи, отвори нам», – жених сказал: «Не знаю вас».

Подобно сему опасность быть отвергнуто Христом во Второе Его пришествие грозит тем христианам, которые, хотя знают, что Христос придет судить живых и мертвых, не готовятся встретить Его и живут в духовной беспечности, не удерживая себя страхом Суда Христова от греховных дел. Как члены Церкви Христовой, они не лишены средств спасения, не обделены перед прочими верующими дарами благодати Божией, милующей и спасающей. Еще в младенчестве они прияли их в сосуд своей души. Но они не уберегли это драгоценное сокровище. Сначала присутствие в них благодати Божией обнаруживалось в них живой верой и любовью к Богу: свет этой веры и любви ярко горел в них, питаемый елеем благодати Святого Духа (елей – образ и проводник благодати Святого Духа), наполнявшей их душу, как елей наполняет лампу. Но с течением времени вследствие их духовной беспечности оскудел в них этот елей. Душа их явилась пустым сосудом. Сосуд остался, но жизни духовной в нем не стало; форма, наружность христианская уцелела, но под нею скрывается нечестие.

Горе душе христианской, если в этом жалком состоянии застанет ее Второе Христово пришествие, если она предстанет

Христу с одним безъелейным сосудом, без запасов благодатной жизни.

Не попасть ей в Чертог Славы, двери его заключены будут навеки. Духовная вечеря, духовные радости общения с Господом и святыми Его уготованы в сем чертоге только тем душам, которые всю жизнь проводили в приготовлении к вечности, находились в постоянном напряженном ожидании Второго пришествия Христова и хотя по временам засыпали, ослабляли духовную бдительность, но и в этом состоянии сердце их бодрствовало («аз сплю, но сердце мое бдит») и они всегда готовы были предстать Христу на суд Его. Подражай им, душа грешная.

Приближается, душе, конец, приближается, и нерадиши, ни готовишия: время сокращается, восстани, близ при дверех Судия есть. Яко соние[н] (сновидение), яко цвет, время жития течет: что всуе мятемся?

Господь Иисус, предрекая Свое пришествие на суд над Иерусалимом и Свое Второе пришествие на всемирный суд, сказал: «Не пройдет род сей, как все сие будет» (Мф. 24, 34). В первом случае Христос имел в виду род, или поколение современных ему людей, которые действительно дожили до разрушения Иерусалима спустя 36 лет после этого пророчества. Но в отношении ко Второму пришествию под родом, дожившим до него, разумеется, по мнению Златоуста, род верных Христу. Этот род, сколько бы гонений и бедствий ни претерпел, не пресечется до Второго пришествия Христова, до самой кончины мира. Когда же именно последует это событие?

Христос не открыл ни дня, ни часа, когда оно случится. «В оньже час не мните, Сын Человеческий приидет» (Мф. 24, 44). Но Он указал признаки приближения времени Своего Второго пришествия: физические бедствия, появление лжеучителей, лжепророков, повсеместное распространение Евангелия, мятежи и войны, – и сказал: «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; так, когда увидите все сие (означенные признаки), знайте, что близко, при дверях» (Мф. 24, 32–33) Господь и Судия.

Пусть указанные признаки таковы, что по ним нельзя решительно судить, насколько мы приблизились ко времени Второго пришествия; несомненно по крайней мере то, что чем дольше живет человечество, тем оно ближе к этому времени. И если смотреть на течение времени с точки зрения вечности, то есть сравнивать время с вечностью, то завтра ли, или через несколько тысячелетий наступит Второе пришествие, во всяком случае оно к нам близко, потому что в сравнении с вечностью Царства Божия по пришествии Христовом расстояние между нашим временем и этим событием всегда будет незначительно, коротко. Вот почему Второе пришествие Христово было ожидаемо еще со времен апостольских. Апостол Иаков писал современным ему христианам, утешая их в гонениях: «Долготерпите и вы, укрепите сердца ваши, потому что пришествие Господне приближается... Вот, Судия стоит у дверей» (Иак. 5, 8–9). Со времен апостольских прошло 18 столетий. Стало быть, живущие в 19-м столетии подошли еще ближе к времени пришествия Судии. Не заключается ли в этом для каждого сильнейшего побуждения к тому, чтобы всегда быть наготове к сретению Судии?

Но готовишься ли ты к сему, грешная душа? Не проводишь ли время земной жизни в небрежении о вечном спасении, забывая, что временная жизнь дана тебе для приготовления к вечности? Если так, ты находишься в опасности быть застигнутой врасплох пришествием Судии и быть осужденной навеки за духовную беспечность. Поспешి восстать от духовного усыпления, не теряй времени, данного для спасения; помни, что ты не вечная жилища на этом свете, что рано или поздно тебе неизбежно расстаться с земными благами и радостями, пристрастие к которым убивает в тебе помышление о благах Вечной жизни. Смотри, не пришлось бы тебе по окончании временной жизни раскаяться в том, что ты в продолжение ее не заботилась о стяжании их. Помни, что время скоротечно, как сновидение, как полевой цвет. Как бы ни было приятно сновидение, нельзя его продлить по произволу, – оно рассеивается по пробуждении. Как бы ни было усладительно для взора зрелище красивого полевого цветка, оно

кратковременно, цветок скоро отцветает и блекнет. Такова и временная жизнь. Блага и радости земные скоротечны. Стоит ли из-за них забывать вечность? Стоит ли с опасностью потерять вечное блаженство всю жизнь проводить в погоне за земным счастьем, большей частью мечтательным, как сновидение, и непрочным, как жизнь цветка? Что все мы делаем?

Глава 73 Слезы Петра

Яко Петр, плачу горце.

На Тайной Вечере Господь Иисус Христос за несколько часов перед тем, как взят был в саду Гефсиманском, возвестил ученикам, что не долго Ему быть с ними (см.: [Ин. 13, 33](#)). Апостол Петр спросил Его: «Господи, куда Ты идешь?» Христос ответил: «Куда Я иду, ты не можешь следовать за Мною теперь, а после пойдешь за Мною». Петр возразил: «Почему я не могу идти за Тобою теперь? С Тобою, Господи, я готов и в темницу и на смерть идти; свою жизнь положу за Тебя». Самонадеянному Апостолу Господь Иисус ответил: "Ты свою жизнь положишь за Меня? Истинно, истинно говорю тебе, Петр: не пропоет петух сегодня, как ты три раза отречешься, что не знаешь Меня» ([Ин.13:36–38](#)). То же предсказание Господь Иисус с большею точностью повторил Петру на пути в Гефсиманию: «Истинно говорю тебе, что ты ныне, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня» ([Мк. 14, 30](#)).

Предсказание Христа сбылось со всей точностью. Петр был на дворе первосвященническом в то время, когда под председательством первосвященника происходил незаконный суд над Иисусом. Петр хотел скрыть от находившихся на том же дворе, что он ученик Иисуса. Но лицо его, выражавшее глубокую скорбь и мучительный страх за судьбу Учителя, возбудило против него подозрение в окружавших его. Сперва привратница спросила его: не из учеников ли он Иисуса Назарянина. Петр сказал: не знаю Его и не понимаю, что ты говоришь. Это был час полуночный, и запел петух. Потом слуга архиерейский сказал Петру: ты из учеников Иисуса. Петр опять отрекся от Него и даже с клятвой. Через час уличил его в том, что он из учеников Иисуса, родственник Малха, которому Петр отрубил ухо в саду Гефсиманском. «Не я ли видел тебя с Иисусом в саду?» – сказал он Петру. Петр пришел в крайнее смущение. Сначала он притворился, будто не понимает, о чем говорят ему; потом начал божиться и клясться, что не знает

человека. Это было третье отречение; вслед за тем опять запел петух. Но в то же время Господь Иисус, выведенный на двор из дворца первосвященнического, обратился туда, где стоял Петр, и посмотрел на него. Этот взор любви и укора проник в сердце малодушного ученика. Он вспомнил слова Господа: «Прежде чем петух пропоет два раза, три раза отречешься от Меня», – и, «изшед, плакася горько.» Это был плач грешника, мучимого раскаянием в грехе малодушия и измены Господу. Грех отречения от Христа Петр загладил, когда во время одного из явлений Иисуса Христа по воскресении на троекратный вопрос Иисуса: «Любишь ли Меня?» – отвечал троекратным изъявлением своей неизменной любви к Нему. Но память греха, чувство виновности перед Иисусом были так сильны в Петре, что он, как говорит предание, до самой смерти каждый раз при полночном пении петуха повергался на землю с горькими слезами о содеянном грехе и вел суровый образ жизни, питаясь какой-то горькой травой. Кроме того, свое раскаяние и неизменную преданность Иисусу он запечатлел апостольскими трудами в распространении Евангелия с неизбежными за них страданиями от неверующих и, наконец, мученической смертью.

Подобно Петру, и ты, грешная душа, должна оплакивать свои грехопадения. Их у тебя много, от них не свободны и величайшие праведники. Петр прежде всего согрешил самонадеянностью, с какой уверял Христа, что никогда не изменит Ему. Она-то и ввела его в беду, сделала его бессильным в борьбе с искушением; он не взвесил своих сил для этой борьбы, не соразмерил их с тяжестью ее и не подготовился к ней смирением, бдительностью и молитвой, – он слишком понадеялся на себя, что постоит за себя в случае опасности. Опасность грозила ему не от одних людей, опаснее людей был сатана.

Христос не скрывал от Петра и прочих учеников грозящей им последней опасности. Он говорил им, что сатана уже просил у Него дозволения сеять их как пшеницу, то есть разогнать их, а в саду Гефсиманском, когда уже так близка была к ним эта опасность, предостерегал их от нее наставлением: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух

бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41). Самонадеянный Петр не воспользовался этими предостережениями и пал от своей самонадеянности; прочие ученики Христовы только разбежались, а он отрекся от Христа.

Вопроси себя, грешник, не увлекаешься ли и ты, подобно Петру, самонадеянностью? Не мечтаешь ли одними собственными силами побеждать искушения на грех, без помощи благодати Божией, и потому не молишь о ней Бога?

Бойся, не случилось бы с тобой, что случилось с самонадеянным Петром. И если уже подобно Петру ты собственным опытом изведаль, как опасно полагаться на одного себя при встрече с искушением, то да послужит для тебя этот горький опыт вперед наукой. Смирись пред Господом и, подобно Петру, оплачь свое заблуждение и падение. «Яко Петр, плачу горце», – говори Господу и, смиренно исповедуя пред Ним свою немощь, усердно моли Его, не введет тебя в искушение, да не оставит тебя одного вести брань с искушителем.

Падение Петра само по себе, независимо от самонадеянности, было тяжело, ибо состояло в отречении от Христа, и весьма пагубно, ибо «кто отвергнется Меня пред человеками, тот отвержен будет пред Ангелами Божиими», – рек Христос (Лк. 12, 9). Вопросы себя, грешник, не оскорбляешь ли Христа подобным грехом? Не относишься ли ко Христу так же, как и те нечестивцы, которые, по слову Апостола, «говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны, и непокорны, и неспособны ни к какому доброму делу?» (см. Тит. 1, 16). По делам твоим можно ли узнать, что ты верный ученик Христа, неизменно пребываешь в том союзе с Ним, в который вступил в день Крещения, отрекшись в то же время от диавола и всех дел его? Покорен ли ты заповедям Христовым и вместо добрых дел, предписываемых ими, не творишь ли дел, угодных диаволу?

Нося имя христианина, не живешь ли по-язычески? Принадлежа к Церкви Христовой, не следуешь ли правилам и обычаям мира, враждебным ее учению и постановлениям? Не готов ли подчас стать на сторону врагов Христа и Его Церкви, выражая сочувствие к их богохульным мнениям и речам если не

по внутреннему убеждению, то из человекоугодия и из опасности показаться в их глазах отсталым и невеждой?

Если совесть обличит тебя во всем подобном, то знай, что ты виновен в грехе отречения Петрова. Быть может, она обличит тебя и в другой вине, не менее тяжкой. Петр отрекся от Христа только устами, а не сердцем: в сердце его не иссякала ни вера во Христа, ни любовь к Нему и преданность. Таков ли ты в отношении к Христу? Укорял Господь некогда Израильтян через пророка: «Приближаются ко Мне люди устами своими и языком своим чтут Меня, сердце же [их] далеко отстоит от Меня» (Ис. 29, 13; Мф. 15, 8). Не заслуживаешь ли ты упрека в подобном лицемерии в отношении ко Христу? Не чишь ли Его одними устами и другими внешними знаками, но сердце твое или совсем чуждо веры и любви к Нему, или же ни тепло, ни холодно к Нему? Если действительно таково твое состояние, пойми, как оно пагубно, – оно пагубнее отречения Петрова, – и, подобно Петру, оплачь свой грех. – Слезы появились в очах Петра, как только воззрел на него Господь. Взор благодати Божией, призывающей к покаянию, всегда готов осиять нас. Не закрывай, грешник, твоих очей от лица Божия, даже ищи лица Божия, умоляй Господа, чтобы воззрел на тебя оком Своего милосердия и лучами Своей благодати осветил мрак души твоей и растопил ледяную кору твоего сердца. Петр согрешил однажды, но всю жизнь помнил свой грех и оплакивал его. Так поступил и Давид, который тоже согрешил однажды, но свой грех имел пред собой во все дни жизни своей. Подражай Петру и Давиду и вместе с ними говори Господу: горько я плачу, Господи, при мысли о грехе, которым оскорбил Тебя. Прими мои слезы, как принял Петровы и Давидовы.

Глава 74 Распятие и смерть Христова

Тело Твое и Кровь распинаемый о всех положил еси[п] (предложил) слове: тело убо, да мя обновиши[п] (чтоб воссоздать меня), кровь, да омыеши мя, дух же предал еси, да мя приведеш, Христе, Твоему Родителю.

Телесная смерть Христа послужила к нашему обновлению тем, что побеждена была воскресением Его из мертвых, а воскресение Христово есть залог общего всех воскресения в последний день мира. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут. «Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших» (1Кор. 15, 20). Христос воскрес в теле нетленном, духообразном. Подобными телами облекутся и все воскресшие. Но одни воскреснут для вечной блаженной жизни, другие для вечных мучений, или для второй смерти, для вечной смертной агонии. Бойся, грешник, вечного осуждения и не только душу, но и тело береги от греховных скверн, ибо «всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое» (2Кор. 5, 10).

Вместе с телом Христос принес в жертву Свою пречистую Кровь, «омывающую нас от грехов» (см. Откр. 1, 5), «очищающую совесть нашу от мертвых дел для служения Богу живому и истинному» (см. Евр. 9, 14). Это омовение и очищение сообщается нам в Таинствах, – и благо тем, которые соблюдают чистоту души и тела, даруемую в Таинствах! В одеждах, убеленных кровью Агнца, они будут вечно предстоять Престолу Божию и вместе с Ангелами славословить Его, чуждые всякой скорби (см. Откр. 7, 13–16). Но горе тем, которые небрегут о сохранении благодатной чистоты, уподобляясь нечистоплотным животным, омывающимся в воде и потом валяющимся в грязи (см.: 2Пет. 2, 22), и в этой нечистоте пребывают до самой смерти! Кровь Христова, которой они пренебрегают, будет вопиять против них и послужит только к их осуждению.

Принесши в жертву Богу Отцу Тело и Кровь Свою, Христос, «возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю

дух Мой» (Лк. 23, 46). «И, преклонив главу, предал дух» (Ин. 19, 30). «Души праведных обретаются в руке Божией, и мучение не коснется их» (Прем. 3, 1). Гонители и мучители могут отнять у них только телесную жизнь, но души бессмертной убить не могут (см. Мф. 10, 28). Душа праведника, отрешившись от уз тела, воспаряет, как вырвавшаяся из сетей птица, в ту область бытия, где в руках Отца Небесного, то есть под покровом Его, она безопасна от нападений вражеских, куда стрелы вражи не долетят до нее, – она превышает всего земного. Для ветхозаветных верующих этой областью служила так называемая долина смертной тени, где обитали все отошедшие души. Души праведных и в этой долине ощущали над собой покров руки Божией, и потому ветхозаветные праведники не боялись смерти. «Если я пойду и долиной смертной тени, не убоюсь зла, потому что (и здесь) Ты со мною», Господи – говорил один из них (Пс. 22, 4). Подобно сему и человеческий дух величайшего праведника Иисуса, отрешившись от распятого тела, вступил в ту же долину смертной тени, но не для того, чтобы остаться в ней. Нет, Христос, душою сходявший в ад, когда тело Его было на Кресте и в гробе, не только Сам устремился из ада к Отцу Небесному для теснейшего соединения с Ним своей душой, но из ада возвел к тому же Отцу и все души, от века там обитавшие и с верой ожидавшие Искупителя.

С тех пор вслед за духом Христовым устремляются на небо в объятия Отца Небесного все истинно верующие во Христа души, отрешающиеся от тела. Путь на Небо проложен для них духом Христовым. Христос предал Свой дух в руки Бога Отца для того, чтобы и наши души, сродные с Ним по духовному состоянию, привести к Своему Родителю. Как обладающий «ключами ада и смерти» (см.: Откр. 1, 18), Христос возводит и теперь из ада души грешников, не успевших принести плодов покаяния перед смертью, внимая молитвам за них Церкви, если только они состояли в союзе с ней и положили начало покаяния перед смертью.

Воздай, грешник, славу и благодарение милосердому Господу Иисусу, предавшему дух Свой Богу Отцу для того,

чтобы тебе открыть путь к Нему. Но знай, что этот путь предназначен только для тех душ, которые прежде чем отрешиться от тела, успели отрешиться от бремени греховных пристрастий.

Души, отягченные этим бременем и не позаботившиеся сложить его благовременно, лишают себя свободы, нужной для того, чтобы беспрепятственно воспарить к Небу, и тяготеют к аду. Пока еще не пришел час смертный, поспеши, грешник, свергнуть это пагубное бремя и умоляй Христа: Агнче Божий, взявший на Себя грехи мира и призывающий к Себе всех труждающихся и обремененных ими,ними с меня бремя тяжкое греховное, не допусти мне погибнуть под тяжестью его.

* * *

Соделал еси спасение посреде земли, Щедре, да спасемся, волею на древе распялся еси, Едем затворенный отверзеси, Горняя и дольная [п](Горнее и дольнее), вся тварь языцы [п] (народы) вси, спасении, поклоняются Тебе.

Слова: «соделал еси спасение посреди земли», взяты из 73 псалма. Псалмопевец жалуется Богу на врагов избранного народа, опустошивших Иудею и разрушивших Иерусалим и храм, и, вспоминая прежние милости Господа к сынам Израиля, чудеса, какие Он творил для спасения их от бедствий, умоляет Господа сжалиться над ними и послать им снова помощь против врагов. Ты, Господи, в прежнее «время устраивал спасение» твоего народа «посреди земли», то есть в виду всех, так что и враги ясно видели и убеждались, что Ты единственный Виновник спасения. Господне есть спасение. «Не предаждь и теперь зверям душу, исповедающуюся Тебе» (Пс. 73, 19). Сказанное ветхозаветным песнопевцем о спасении среди земли новозаветный песнопевец применяет к Иисусу Христу, который тоже соделал спасение посреди земли, ибо в виду всех распят был для спасения грешников. Древо, на котором Он совершил спасение, было древом позора само по себе, и тем паче в виду бесчисленных зрителей распятия Христова. Христос не уклонился от этого позора, Он даже добровольно подверг Себя Крестной смерти для того, чтобы сим добровольным уничтожением избавить людей от вечного осуждения, какое они

навлекли на себя непослушанием Богу в Раю. Заслуженное ими осуждение Он принял на Себя, будучи Сам безгрешен, и виновных спас от гнева Божия тем, что пострадал за них невиновный. И вот плоды Его Крестной смерти: крестом Своим Он отверз Едем для тех, для которых он был заключен со времени грехопадения в Раю. Первым вошел в небесный Едем разбойник, распятый с Ним рядом и уверовавший в Него, как в Сына Божия. Затем изведены были в Рай души, которые от века затворены были в адской темнице, куда Он сошел душою, будучи телом во гробе. С тех пор путь в Рай открыт для всех верующих в Иисуса. С тех же пор Ему, как победителю ада, как путеводителю в Рай, поклоняется вся тварь: жители Горнего и дольного мира, все спасенные народы. Даже демоны в страхе пред Его пагубной для них силой повергаются пред Ним ниц.

О сей славе Его говорит Апостол: Он послушен был Отцу Небесному до смерти крестной; «посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы перед именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» (Флп. 2, 9, 10).

Припади к стопам Иисуса и ты, грешная, душа моя, с покаянием и молитвой, да изведет тебя из темницы грехов и не лишит Райских обителей.

* * *

Да будет ми купель кровь из ребр Твоих, вкупе и питье, источившее воду оставления, да обоюду очищаюся, помазуяся и пия, яко помазание и питье, Слове, животочная Твоя словеса [н](Кровь из боку Твоего, Слово, да будет мне купелью и истекшая вода – питьем отрады, дабы мне тем и другим очищаться, употребляя вместо мази и питья животворные слова Твои).

Кровь Христа, истекшая из ребр Его, есть купель в том смысле, что сею кровью, по вере в искупительную силу, отмываются грехи в Таинстве Крещения, потом в Таинстве Покаяния. Грешник, очищенный от грехов в купели Крещения, но оскверняющий ими снова свою душу, благодари Господа, дарующего тебе в покаянии благодать прощения, и не медли прибегать к ней, не откладывая покаяния; бойся, чтобы

привычка к грехам, не ослабляемая покаянием, не затруднила для тебя покаяния и не сделала его бесплодным в минуты смерти.

Вода, вместе с кровью истекшая из ребр Распятого, знаменует в рассматриваемом стихе животворные слова Христовы, то есть учение Христа о спасении. Это учение поистине животворно: как вода утоляет жажду, так и учение Христово есть питье отрады, ибо вносит в душу мир и успокоение, возвещая о спасении грешнику, томящемуся жаждой спасения, но не находящему в себе самом средств к утолению этой жажды. Это же учение имеет свойство елей, возливаемого на раны и умягчающего боль от них. Грех – это язва для души. Душа, уязвляемая грехом, испытывает не менее острую боль, как и от телесных ран. Эта боль есть естественное последствие пустоты душевной, сопутствующей греху, жгучей жажды новых греховных ощущений для ее наполнения, всегда бесплодных и потому мучительных, особенно же тревог совести, по временам пробуждающейся и в закоренелых грешниках. Животворные слова Христовы заключают в себе благодатную силу, достаточную для облегчения душевной боли и для умягчения ее. Слово "мира", изрекаемое кающемуся грешнику устами священнослужителя в Таинстве Исповеди от лица Самого Христа, не есть праздное слово, не праздное выражение доброго желания, подобное житейским выражениям благожелательства, а проводник действительного духовного мира и радости в кающуюся душу, по обетованию Христову: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам» (Ин. 14, 27). Поистине мир Христов есть елей, умягчающий боль от душевных язв; поистине слово этого мира есть животворное слово.

Так спасительна вода, истекшая из ребр Христовых с кровью! Она есть образ животворных словес Христовых, утоляющих жажду спасения и умягчающих боль душевную. Грешник, томимый этой жаждой и этой болью, знай, что помимо благодати Божией ты не найдешь воды для твоей духовной жажды, лекарства для твоих душевных недугов. Проводником же сей благодати служат животворные слова Христовы. Они

суть поистине источник отрады, пьющий из которого почерпает силу для очищения своей души от всего, что возбуждает в ней горькое чувство своей нечистоты и недостойности пред Богом.

* * *

Чашу Церковь стяжа ребра Твоя живоносная, из нихже сугубые нам источи токи оставления и разума [η](из которых изливается нам сугубый источник отрады и разумения), во образ Древнего и Нового, двоих вкупе Заветов, Спасе наш.

Ребра Христовы, из которых истекла кровь и вода, поистине суть Чаша Животворного питья для членов Христовой Церкви. Кровь сия истекла с водой однажды из ребр Христовых, но в Таинстве Причащения она непрерывно изливается и до скончания века будет изливаться, служа источником отрады и утешения для сердец и просвещения умов.

Эти духовные блага предвкушаемы были и ветхозаветными верующими; но верующим новозаветным они сообщаются в сугубой мере: они не только предвкушают их, ожидая минуты причащения Крови Христовой и приготавливаясь к сему, но и самым делом вкушают их. Ветхозаветный верующий ждал их и умирал не дождавшись, довольствуясь одним предчувствием благодати Христовой; новозаветному верующему она всегда доступна: желающие могут всегда, как только найдут удобным для себя, хоть ежедневно причащаться Чаши спасения и входить через сие в теснейшее общение со Христом, источником мира и света. Поистине из ребр Христовых излился для нас сугубый источник отрады и разума, «от полноты Его мы приняли и благодать на благодать» (Ин. 1, 16), и это в образ Ветхого и Нового Завета – того и другого в том смысле, что благодать сию можно и предвкушать, подобно ветхозаветным верующим, и вкушать действительно, как свойственно новозаветным. Но как ни обильна благодать Христова, струи которой текут из ребр Его, она спасительна только для жаждущих ее, для ощущающих потребность в ней с такой силой, с какой томимый телесной жаждой ищет утолить ее свежей водой.

Ощущаешь ли, грешник, эту жажду, дорожишь ли общением с Иисусом Христом, ищешь ли этого общения? Не заглушена ли

в тебе жажда, потребность общения со Христом другого рода жаждой – жаждой чувственных наслаждений, пристрастием к земным благам, житейскими попечениями? Если так, то дело худо. Поспеши возбудить в себе жажду питья из Чаши спасения, чтобы не лишиться живота вечного, и для сего вспоминай угрозу Спасителя: «Аще не снете плоти Сына человеческого, ни пиете крови Его, живота не имате в себе». Пожалей себя, не лишай себя наследия вечного живота, бойся умереть в духовной смерти для вечной гибели.

Глава 75 Уверовавший разбойник

Разбойник оглаговаше[н] (поносил) Тя[н], (и) разбойник богословяше Тя[н] (Богом исповедал Тебя), оба бо на кресте свисяста[н] (вися оба вместе с Тобой на кресте). Но, о Благоутробне, яко верному[н] (уверовавшему) разбойнику Твоему, познавшему Тя Бога, и мне отверзи дверь славнаго Царствия Твоего.

Яко разбойник, вопию Ти: помяни мя.

В сих стихах указывается пример покаяния в лице распятого разбойника, уверовавшего во Христа. Пример в высшей степени трогательный и поучительный!

Рядом со Христом распяты были два разбойника. Один из них был закоренелый злодей: он стонал от крестных мук и вместе с этим поносил Христа. «Если Ты Христос, спаси Себя и нас», – говорил он, повторяя глумления над Иисусом враждебных Ему зрителей Его страданий. Не так вел себя другой разбойник. Он унимал своего нечестивого товарища, говоря: «Бога ты не боишься (говоря такие речи), когда и сам осужден на ту же казнь; но мы осуждены справедливо; несем то, что заслужили своими делами. А Он ничего дурного не сделал» (Лк.23:39–41). В этих словах разбойника выразилось сознание грехов своих и страх Суда Божия за них. Следствием того и другого могло бы быть отчаяние. Но разбойника спасла от этой опасности вера в распятого Иисуса. Иисус, рассуждал разбойник, ничего дурного не сделал и страждет единственно по злобе Своих врагов. Он – величайший благодетель людей. Он был необыкновенно милосерд к грешникам, никого из них не отвергал, никем не гнушался, всякого старался исправить и спасти. Он никому не отказывал в помощи в нуждах и болезнях телесных. Он не только величайший праведник, но величайший избранник Божий, ибо облечен был силой творить чудеса и сотворил их бесчисленное множество. Посему быть не может, чтобы этот величайший праведник и избранник Божий не был тем, за кого выдавал Себя. Нет, что ни говорили бы про Него враги Его, Он воистину Христос, Сын Бога Живого. И

несомненно, что Он восторжествует над Своими врагами. Он столько явил опытов Своего могущества, спасая других от неизлечимых болезней и воскрешая мертвых, что может и Себя спасти. Время для этого еще не ушло, и чем бесславнее Его настоящее положение, тем блистательнее будет явление Его во славе. Он непременно явится снова и откроет Свое Царство. Тогда горе будет Его врагам! Так рассуждал или мог рассуждать разбойник, поистине благоразумный. Он не только раскаялся, но и уверовал в Иисуса как в обетованного Христа, как в Господа своего и Бога, и в духе покаяния и веры в Иисуса воззвал к Нему: «Помяни мя (вспомни меня), Господи, егда приидеши во Царствии Твоем».

О силе покаяния разбойника можно судить по тому, что он не только самого себя исповедал достойным казни за свои дела, но и товарища своего, глумившегося над Иисусом, старался образумить, возбудить в нем страх Божий и чувство раскаяния. О силе веры благоразумного разбойника и надежды на Христа свидетельствует то, что он исповедал эту веру и надежду тогда, когда видел Иисуса распятым, униженным, опозоренным, когда слышал, как все глумились над Ним, злословили Его, когда оставили Его самые близкие к Нему лица, кроме Матери и возлюбленного ученика Его. Чем труднее было разбойнику при таких обстоятельствах уверовать в Распятого как Господа всемогущего, как Царя неба и земли, и обратиться к Нему с мольбой надежды, тем возвышеннее подвиг его веры и надежды. «И рече Ему Иисус: днесь со Мною будеши в Раи» (Лк. 23, 43). Господь обещает уверовавшему грешнику гораздо более, чем тот ожидал. «Ныне же, – говорил Он ему, – а не когда-нибудь, когда откроется полная царственная слава Моя, вера твоя получит награду, и какую награду!» Блаженное общение с Господом в той Горней области, куда впоследствии Павел восхищен был и где он «слышал неизреченные глаголы, которых человеку нельзя пересказать» (см. 2Кор. 12, 4), то есть на третье небо, в мир небожителей.

Научись, грешник, от разбойника покаянию. Подобно разбойникам, не подчиняющимся власти и законам гражданским, дерзко попирающим порядки общежития, ты

привык презирать законы Божеские и уставы Святой Церкви. Горе тебе, если умрешь в этом состоянии, как умер разбойник, хуливший Христа! Поспеши обратиться, и если будет искренно твое обращение, как обращение благоразумного разбойника, оно, как бы ни было запоздало, будет принято Господом, как принято его покаяние. Подобно благоразумному разбойнику, потщись страхом Суда Божия переломить свое упорство в греховных навыках; смиренно и беспощадно осуди себя здесь, чтобы избежать тамошнего осуждения, и с верой в распятого Иисуса, взявшего на Себя грехи мира, воззови к Нему, да не отринет твоего покаяния, как Он не отринул покаявшегося и уверовавшего разбойника; когда же смерть восхитит тебя от земли, да помянет тебя во Царствии Своем, да водворит тебя в одной из многочисленных обителей в доме Отца Небесного, хотя в самой последней.

Глава 76 Чудесные знамения, последовавшие за распятием и смертью Иисуса Христа

Тварь содрагашеся (страдала), распинаема Тя видяще, горы и камения страхом распадохуся[н] (расседались) и земля сотрясашеся и ад обнажашеся[н] (преисподняя пустела), и помрачашеся свет во дни, зря Тебе, Иисусе, пригвожденна плотию.

Господь Иисус однажды сказал иудеям: «Егда вознесете (на кресте) Сына Человеческого, тогда уразумеете, яко Аз есмь» (Ин. 8, 28), то есть когда распнете Меня и подумаете, что уже победили Меня, тогда-то наипаче узнаете Мою силу, узнаете, что Я Сын Божий. Сие предсказание сбылось, когда за распятием и смертью Господа последовали чудесные, страшные знамения, свидетельствовавшие о силе и власти Его. Иисус распят был в третий час дня, по-нашему 9-й час утра. В 6-м часу, по-нашему в 12-м, в самый полдень, померкло солнце, распространилась тьма по всей земле и продолжалась до часа 9-го. В 9-м часу Иисус громко воззвал: Отче, в руки Твои предаю дух Мой – и, преклонив главу, испустил дух. И вот начались проявления всемогущей силы и власти Божественного мертвеца: завеса в храме, отделявшая святилище от Святого Святых, разодралась пополам сверху до низу (в знак того, что путь в Небеса, которые предызображены были Святым Святых, дотоле доступным для одного первосвященника, открыт для всех), земля потряслась, распались скалы и открылись гробы. В то же время обнажался, или пустел, ад; ибо Иисус душой Своей, разлучившейся с телом, сошел в ад как Победитель ада и смерти, и заключенные в нем души, с верой ожидавшие Его пришествия, извел в Рай; а души некоторых из святых, изшедши из ада, снова соединились на короткое время с телами, и восставши от гробов, эти святые, по воскресении Спасителя, вошли в Иерусалим и явились многим для возвещения победы Христа над смертью и адом.

Таковы поразительные явления, сопровождавшие распятие и смерть Иисуса. Какое действие произвели они на зрителей?

Ожесточенные враги Иисуса остались Его врагами и после этих знамений Его божественной силы и величия. Они пребыли слепы и глухи к тому, что вокруг них происходило. Они как будто не видели ни солнечного затмения, ни треснувших скал, не хотели признать во всем этом проявления всемогущей силы Распятого. Но в других эти чудесные явления произвели благоговейный страх и раскаяние. Так, римский сотник, вместе со своими воинами поставленный стеречь Распятого, – может быть, мало прежде знавший Иисуса, но слышавший, вероятно, что Иисус осужден на позорную казнь за то, что называл Себя Сыном Божиим, – видит землетрясение и другие чудеса, приходит в великий страх и говорит: «Точно, этот человек был Сын Божий», – то есть признает в Нем существо Божественное, могущественно повелевающее природой. И весь народ, который сошелся смотреть на Голгофу, увидавши все, что происходило, возвращался (со стонами раскаяния), бия себя в грудь.

Пример и внушения врагов Иисуса увлекли многих из народа к тому, что одни из них насмехались над Распятым, другие только праздно ходили у креста, как на зрелище. Но страшные знамения в часы страданий и смерти Иисуса привели народ в себя, заставили содрогнуться за собственную участь. Особенно должны были прийти в волнение и ужас те, которые перед тем кричали: «Кровь Его на нас и на чадах наших». Скорбь и страх суда Божия проникли в их сердца и положили начало тому раскаянию, которое впоследствии возбуждено было с такой силой проповедью апостолов по сошествии Святого Духа (см. Деян. 2:38, 3, 19).

То благоговейное и покаянное настроение духа, какое при виде упомянутых чудесных знамений выразилось в исповедании римского сотника и в народе, бившем себя в перси, Святая Церковь желает перелить и в нас, когда научает нас исповедовать: «Аще бы не Бог был распныйся, ниже солнце лучи свои потаило, ниже бы земля трепещущи тряслася. Вся терпай, помяни и нас во Царствии Твоем». И мы охотно, со слов Церкви, повторяем это исповедание; но одушевляемся ли мы при этом тем благоговением, каким исполнен был римский сотник? Не принимаем ли мы только к сведению, не

воспринимаем ли одной памятью и умом то, что исповедуем устами, без сердечного участия?

Народ, возвращаясь от Голгофы, бил в перси свои, признавая свою виновность пред Тем, казни Которого он требовал. Но Христос пригвожден был ко Кресту за грехи всего мира: все мы виноваты в Его крестных страданиях и смерти. Приходим ли мы в сердечное сокрушение при этой мысли и, обращая ее в уме, не походим ли на праздных зрителей, окружавших голгофское зрелище, не поражаясь тем, что на Голгофе решалась наша судьба? Око вселенной, солнце, померкло, не стерпев зреть распятым и опозоренным Творца своего. Помрачатся ли наши очи слезами скорби при мысли, что грехами своими, в которых мы каемся как будто только для того, чтобы еще глубже погрязнуть в них, вторично распинаем Сына Божия? Земля сотряслась в минуту крестной смерти Господа. Потрясается ли наша совесть страхом Суда Божия? Камни расседались. Не тверже ли камня душа, упорствующая в греховных навыках, покрытая толстым слоем земных пристрастий, сквозь который не достигают до нее никакие удары? Гробы отверзались, и из них выходили ожившие мертвецы. Но наша душа не продолжает ли спать мертвым, непробудным сном в гробе духовной беспечности, не омертвела ли она ко всему святому и богоугодному, с опасностью вечной смерти, или гибели? Вот вопросы, которые должен задавать себе каждый грешник, если не желает остаться нераскаянным, как остались нераскаянными враги Иисуса, которых не потрясли страшные знамения, сопровождавшие распятие и смерть Иисуса. Да не затыкает он своего слуха от обличительных ответов совести на эти вопросы и да поспешает оплакать свои заблуждения и грехи, которым до сих пор предавался с возмутительной беспечностью.

Глава 77 Угроза нераскаянным

Грады, имже даде Христос благовестие, душе моя, уведала еси, како прокляти быша. Убойся указания [п](примера), да не будеши якоже оны, ихже содомляном Владыка уподобив, даже до ада осуди.

Господь Иисус возвестил горе галилейским городам – Хоразину, Вифсаиде и Капернауму – за то, что они не покаялись, несмотря на то, что Он благовествовал в них чаще, чем в других городах, и Свое благовестие подкреплял многочисленными чудесами. В частности, обращаясь к Капернауму, Он сказал: «И ты, Капернауме, иже до небес вознесыйся, до ада снидеш: зане аще в Содомех быша силы были, бывшая в тебе, пребыли убо быша до днешнего дне: обаче глаголю вам, яко земли Содомстей отраднее будет в день судный, неже тебе» (Мф. 11, 23–24).

Тяжки были грехи содомлян, их крайний разврат и нечестие, вопиявшие к Богу, за что их город вместе с окрестными местами чудесно разрушен огнем и серой, и провалился. Страшно это наказание содомлян, и потому в Писании представляется как поразительный пример божественного мщения за грехи и как доказательство, что тяжкие грехи не остаются ненаказанными. Но Содом, по слову Христову, избежал бы этого наказания и пребыл бы доселе, если бы содомляне видели чудеса, подобные тем, какие были в Капернауме, ибо тогда содомляне покаялись бы и заслужили бы пощаду. Жители Капернаума виновнее содомлян, ибо не вразумились проповедью и чудесами Самого Христа, обитавшего среди них, и потому заслужили более строгое наказание. Капернаум, славившийся многолюдством, цветущей торговлей и промышленностью и богатством жителей, наипаче же прославившийся пребыванием в нем Христа, с высоты своей славы повержен как бы с неба в ад, то есть в крайнее уничтожение, опустошенный и разрушенный до основания римлянами. Но это только временное наказание. Оно не строже, а, пожалуй, легче казни, постигшей Содом. За то в день Страшного Суда содомлянам

отраднее будет, чем жителям Капернаума и других городов, не подороживших проповедью и делами среди них Самого Христа Спасителя.

Угроза Христа Спасителя, обращенная к городам, не принявшим благовестия Его, относится и к христианам. Все мы, как члены Церкви Христовой, оглашаемся благовестием Христовым из Евангелия и из уст пастырей Церкви. Нам всем дарованы обильные силы и средства ко спасению в Таинствах, служащих источником благодати Божией. Ко всем нам относится обетование Христа: «Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века». Следственно, Христос близок к нам не менее, чем к жителям Капернаума, в котором Он обитал и который был для Него своим, как родным, городом. Но чем больше кому дано, тем больше с того взыщется. Жителям городов, не принявших благовестия Христа и не покаявшихся, грозит на Суде Христовом наказание тяжчайшее, чем содомлянам, потому что им дано больше средств для спасения, чем содомлянам.

Не забывай, грешная душа, этого примера и если не хочешь подвергнуться бедственной участи современных Христу презрителей Его благовестия, страшись подражать им в грехах, которыми они навлекли на себя грозный Суд Христов. Внимательно прислушивайся к благовестию Христову и устрой твою жизнь по его указанию; упражняй себя в подвигах покаяния и доброделания, пользуясь для сего обильными благодатными средствами, предлагаемыми Святою Церковью, – со смирением и беспрекословным послушанием подчинись ее руководству в деле спасения. Помни, что вне ее нет спасения, ибо только в ней обитает Христос.

Примечание автора

На Великом повечерии в Понедельник, Вторник, Среда и Четверг первой седмицы Великого поста поется и читается по частям, а на утрени в Четверг пятой седмицы того же поста – в полном составе Великий канон святого Андрея, архиепископа Критского.

Великим сей канон называется главным образом по своей обширности, потому что он содержит в себе 250 тропарей (включая тропари в честь самого его творца и преподобной Марии Египетской).

Великий канон принадлежит к разряду покаянных церковных песнопений. Он весь направлен к тому, чтобы пробудить душу от греховного усыпления. Грешник не должен думать, что он может до конца жить в грехах безнаказанно.

Канон больше всего наполнен обличениями, сущность которых выражена в следующих словах канона:

«Я представил тебе, душа, Моисеево сказание о бытии мира и начиная с этого все боговдохновенное Писание, повествующее о праведных и неправедных. Из них ты, душа, подражала последним, а не первым, согрешая против Бога.»

Примечания

¹ - Ризу эту устроил собственно Господь. Если же сказано в рассматриваемом стихе, что «сшиваше кожные ризы грех,"_

² - Другие, впрочем, под тристатами понимают участвовавших в походе сановников, близких к фараону, занимавших третье место, или третий ряд вокруг него (см. Исх. 14:7).

³ - См. в «Толковом Евангелии» архимандрита Михаила примечания на Ин. 19, 34.

⁴ - По русскому синодальному переводу с еврейского текста, – 40 дней.

⁵ - См. выше главу о Моисее: «рука нас Моисея да уверит, как Бог может прокаженное очистить."_

⁶ - Сохранилось предание, что исцеленная от кровотечения жена в знак благодарности к Исцелителю воздвигла статую в честь Его и что трава, росшая у подножия этой статуи, служила противоядием всякого рода болезни. (Созомен. Книга 5, гл. 21; Евсевий Кесарийский. Церковная история. 7, 18).